

КЛИНОК ТИШАЛА

МЭТЬЮ СТОВЕР

У ВОЙНЫ НЕТ ЗАКОНОВ И ПРАВИЛ

Герои умирают

Мэтью Стовер

Клинок Тишалла

«Азбука-Аттикус»

2001

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Стовер М. В.

Клинок Тишалла / М. В. Стовер — «Азбука-Аттикус»,
2001 — (Герои умирают)

ISBN 978-5-389-21904-5

Есть Земля, и есть параллельный Надземный мир, однажды открытый учеными. В Надземном мире идет кровавое шоу, за которым зачарованно следят миллионы Землян. На Земле Хари Майклсон – Актер, суперзвезда. А в Надземном мире он выдающийся воин, носящий прозвище Клинок Тишалла. От его руки погибали монархи, он свергал правительства – и все на потеху публике. Но его судьба совершила крутой поворот, и теперь ему предстоит главная битва – с хозяевами могущественных земных корпораций, с безликими массами, уничтожающими все, что для него дорого. Старые и новые враги объединились против Хари. Говорят, у него нет ни единого шанса. Они ошибаются...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21904-5

© Стовер М. В., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

Глава нулевая	6
Глава первая	44
Глава вторая	64
Глава третья	89
Глава четвертая	94
Глава пятая	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Мэтью Стовер

Клинок Тишалла

© Д. М. Смушкович, перевод, 2005

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Эта книга посвящается памяти лучших друзей, о каких может только мечтать человек.

Я могу горевать лишь о том, что вы ее не прочтете...

Эвангелине, Алистеру и Фридриху Леву, Джону, Клайву и Теренсу Роджеру, и Фрицу, и обоим Бобам (Роберту А. и Роберту Э.).

Даже сейчас – не все еще оглохли.

Но мы убаюкали себя мыслью, будто внезапные перемены суть нечто такое, что случается вне обычного порядка вещей: случайность, авария. Или неподвластное нашему контролю, как смертельная болезнь. Мы не воспринимаем непредвиденные, иррациональные перемены как неотъемлемую часть миропорядка. А стоило бы. Теория хаоса учит нас... что линейности, которую мы приняли как данность во всем, от физики до литературы, попросту не существует...

Жизнь есть серия событий, каждое из которых может изменить все последующие полностью непредсказуемым, катастрофическим образом...

Вот истина во чреве миропорядка. Но мы по неведомой причине ведем себя так, будто дела обстоят совсем иначе.

Слова Яна Малкольма (Майкл Крайтон «Парк Юрского периода»)

Делай что пожелаешь – вот весь Закон.

Алистер Кроули. Книга Закона

Глава нулевая

*Есть сказание о близнецах, рожденных от разных матерей.
Один по натуре своей мрак, другой – свет. Один богат, второй нищ. Один жесток, второй мягок. Один вечно моложав, другой постарел до срока.
Один из них смертен.
Они не родня по крови или духу. И все же – близнецы.
Оба живут, не зная, что они – братья.
Оба гибнут в бою со Слепым Богом.*

1

Объяснить, почему меня вы больше не увидите, я могу только одним способом – рассказав о Хари.

Вот каким видится мне разговор, вовлекший меня в жизнь Хари Майклсона. Меня при том не было – детали мне неизвестны, – но образы в памяти яркие, будто пощечина. Хорошему тауматургу потребно могучее и цепкое на детали воображение. А я лучший выпускник Консерватории.

Вот как мне это видится.

– Все записано в телеметрии, – говорит Администратор Уилсон Чандра, директор студийной Консерватории. Вытирает потные ладони о полу хламиды и жмурится в едком облаке сигарного дыма. Потом облизывает губы – они у него пухлые и вечно сохнут, – окидывая взглядом шеренги магов-подмастерьев, усердно медитирующих вниз.

Меня в классе, к слову сказать, нет – здесь только новички.

– У него отличные успехи в академических дисциплинах, понимаете, – продолжает Чандра. – Он неплохо владеет западным наречием и прекрасно осваивает манеры и нравы Первого континента, но, как видите, он едва может поддерживать альфа-сознание, не говоря о том, чтобы перейти к бета-сознанию, необходимому для успешного волхвования, а мы работаем всего лишь на втором уровне отвлечения – примерно как, скажем, в отдельной комнате столичной гостиницы, и при таких обстоятельствах я просто не верю...

– Заткнись, а? – перебивает его человек за пультом. – Господи, как ты меня утомил!

– Я, э-э-э... – Администратор Чандра приглаживает редкие волосики, мокрые от пота, хотя кондиционер включен. – Да, Бизнесмен.

Бизнесмен Марк Вайло, Патрон упомянутого студента, перекачивает из одного угла рта в другой толстенную вонючую сигару и наклоняется вперед, чтобы лучше видеть через стеклянную панель.

Бизнесмен Вайло – низенький, тощий, кривоногий человечек с манерами биндюжника и нервной энергией бойцового петуха. Я не раз видел его в сетевках: старомодный комбинезон с пелеринкой, неприятная такая фигура – пока не вспомнишь, что родился он в семье торговцев. Перенял семейное дело – извозная контора из трех грузовичков – и построил

на его основе концерт «Вайло интерконтинентал». Когда ему еще не стукнуло пятидесяти, он выкупил семейный контракт у своего Патрона-Бизнесмена, за взятки перевелся в касту Бизнесменов и ныне считается одним из богатейших – не считая семейств праздножителей – людей Западного полушария. В сетевках его обычно называют «миллиардером-счастливчиком».

Вот почему беседует с ним лично Администратор Чандра. Обычно у него есть дела поважнее, чем развлекать заглянувших в гости Патронов, но протеже Вайло – первый, кого тот отправил в училище, – вот-вот будет отчислен за неуспеваемость, так что Администратор хочет загладить невольную обиду и даже, если повезет, остаться в добрых отношениях с богачом – в надежде, что Вайло когда-нибудь захочет спонсировать других студентов. В конце концов, учение – тоже бизнес. Спонсировать Актера бывает исключительно выгодно, если тот добивается славы, спросите хоть моего отца. Администратор хочет объяснить Вайло, что одно неудачное вложение еще не провал и другие вполне могут увенчаться успехом.

– А также... кхм, мы имеем, э-э-э... целый ряд нарушений дисциплины...

– Я тебя просил заткнуться.

Вайло продолжает приглядываться к своему протеже – худощавому юнцу, по имени Хари Майклсон, девятнадцати лет от роду, Рабочему из Сан-Франциско.

Юноша стоит на коленях на истертом пластиковом коврике величиной метр на метр. Пальцы его сплетены в технике трех пальцев, глаза закрыты – только у него из тридцати студентов. Остальное рассказывают датчики на висках, откуда поток данных течет в центральный компьютер Консерватории: невзирая на медленное, три цикла в минуту, дыхание, пульс зашкаливает за восемьдесят, уровень адреналина в крови превышает оптимум на семьдесят восемь процентов. Пики на ЭЭГ – как битое стекло.

Вайло вытягивает изо рта окурок:

– Какого черта ты вообще загнал его на курс к чародеям?

– Бизнесмен, мы уже обсуждали это при его поступлении. У него почти абсолютная память, результаты теста на объемную визуализацию близки к уровню гения. Нельзя поспорить, что у него есть все способности, чтобы стать первостатейным магом. Однако он эмоционально нестабилен, склонен к вспышкам гнева и... э... не способен сдерживать агрессию. Знаете, у него в семье проблемы с психическим здоровьем; его отца вывели из касты Профессиналов после нескольких нервных срывов.

– Да ну? – бурчит Вайло. – И что с того? Я знаю малыша. Он два года на меня горбатился. Ну да, характер еще тот – а у кого нет? Он хитер как змей и жестче подметки. – Бизнесмен хищно улыбается, оскаливая зубы. – На меня в его годы похож.

– Вы же понимаете, Бизнесмен, что мы идем на этот шаг лишь для того, чтобы избавить вас от расходов на обучение Актера, который погибнет при первом же Трансфере.

– И? Это его проблема, а не ваша. Деньги... – Вайло сплевывает кусочек табачного листа на ковер, – не вопрос.

– Он попросту никогда не станет могущественным магом. Мне очень жаль, но Студия ставит определенные ограничения. Экзамены, проводимые Выпускным советом, сдать весьма непросто. – Чандра тянется к Вайло, как будто хочет взять Бизнесмена за руку и увести его прочь. – Может быть, я покажу вам нашу пилотную программу – школу жрецов? Этот вариант чародейства имеет то преимущество перед остальными, что его последователи входят в транс только в строго контролируемых условиях – под видом религиозного ритуала...

– Брось херню пороть. – Вайло вновь принимается жевать сигару. – Я кучу денег в этого парня вбухал. Хренову кучу. Мне накласть на правила Студии и на все экзамены. Парень окончит ваш гадюшник с отличием и отправится в Надземный мир.

– Боюсь, это просто невозможно...

– Хочешь меня лгуном выставить? – Глазки Вайло словно бы втягиваются в глубину орбит – маленькие, опасные. Он чеканит следующее слово: – АДМИНИСТРАТОР.

– Прошу вас, Бизнесмен, поймите, он четырнадцать месяцев проходит курс обучения чародеев, еще через десять мы должны или... Э... отправить его на экзамены, или выставить вон, а его... Э... прогресс...

Вайло отворачивается к окну. Кровавый огонек на кончике сигары интересует его больше, чем нервные оправдания Чандры.

– Родители твои, что, в Чикаго живут, а? В таком славном деревянном домике на Фулerton-авеню, к западу от Кларк-стрит?

Чандра застывает. По хребту его стекает ледяная струйка.

– Да, Бизнесмен...

– Ты же понимаешь – я всегда вкладываю деньги с умом. Дошло? Хари получит свой шанс.

– Бизнесмен, я... – срывается с языка у Чандры, но он колоссальным усилием воли берет себя в руки. – Есть и другие варианты...

– Слушаю.

– Спасибо, Бизнесмен. Возможно, я поторопился, утверждая, что Майклсон не сможет преуспеть. В конце концов, он сейчас в группе боевых магов – это самая сложная дисциплина, но в ней его... кхм... излишне агрессивная натура может прийтись к месту. Я бы предложил – с вашего разрешения – дать ему наставника.

– А что, учителей у него нет? Тогда за кой хер я вам деньги плачу?

– Учителя – да, штатные преподаватели. Но Майклсон плохо отзывается на прямые инструкции. Он... – Чандра решает не рассказывать, как Майклсон жестоко избил инструктора Пуллмана.

Я об этом слышал – как и вся Консерватория; об этой истории судачили целый год. Чандра полагает, что вопрос решен и, в конце концов, пострадавший заслужил свое. С точки зрения Администратора, приставать к парню с такими психосексуальными расстройствами, как у Майклсона, – почти преступная безответственность. Выражу заодно точку зрения студентов: Пуллман был мелкий, гнусный педик, и многие из нас мечтали о том, что Майклсон сделал.

– Я бы подразумевал скорее другого студента, который не имел бы над ним власти, который мог бы, ну... вы, может быть, знаете, Майклсон с подозрением относится к любой власти... короче, кого-то, с кем он мог бы сдружиться.

– А что, так у него друзей мало, что ли?

– Бизнесмен... – Чандре удастся выдать нервный смешок. – У него вообще друзей нет. Вот тут он и решает вызвать меня.

2

Надземный мир.

Когда «Уинстон Трансфер» впервые открыл ворота с Земли в Надземный мир, Студия уже стояла за его плечом, готовая шагнуть за порог. Надземный мир – край драконов и демонов, гиппогрифов и русалок, ведьмаков и воров, могучих магов и благородных рыцарей.

Легион воплощенных фантазий.

Я мечтал о нем. Я жаждал оказаться в Надземном мире, как фанатик тоскует по лону Господнему.

Когда мне было семь лет, отец повел меня на прямую передачу одного из ранних Приключений Раймонда Стори, и когда Стори грянул Слово Силы и Молот Дал'каннита ударил гнусного огра в лоб, расплескав мозги по неохватной ухмыляющейся роже, я ощутил эхо радости чародея и откат удачно исполненных чар и... ну понимаете, у меня просто слов нет.

На десятый день рождения отец купил мне кубик с записью легендарного трехдневного сражения Стори с безумной драконицей Ша-Риккинтайр. И в первый же из тысячи раз, что я просматривал это Приключение, я понял.

Я должен был сражаться так же. Я должен был отправиться туда.

И десять прошедших лет только укрепили мою решимость.

Все в моей жизни шло идеально. Я был лучшим в своем классе, у меня был самый высокий психологический рейтинг за всю историю Консерватории, эльфирующие операции прошли наилучшим образом, и мне оставался один шаг до вершины, когда Чандра вызвал меня к себе в кабинет, чтобы все отобрать.

Зайдя к нему и устроившись в предложенном кресле, я понятия не имел, какой разговор состоялся у него только что. Я ожидал, что меня в очередной раз похвалят за выдающиеся успехи, поэтому перспектива стать наставником какого-то антиобщественного, вспыльчивого работяги оказалась для меня изрядным потрясением.

Впрочем, я не подал виду: нас, касту Бизнесменов, с детства учат хладнокровно принимать дурные вести.

– Извините, Администратор, – пробормотал я, постучав по своему личному щитку. – У меня вряд ли хватит на это времени. До выпуска четыре месяца, а мне еще предстоит шесть операций.

Когда я назвал его Администратором, Чандра заметно дернулся; он ненавидит, когда ему напоминают, что мы всё же из разных каст. А я время от времени напоминал – чтобы Чандра не забывался.

Однако в тот раз он только головой покачал:

– Ты не понимаешь, Крис. Это не просьба. Парню нужен наставник. Лучший наставник, а ты – первый ученик в классе чародеев. Ты возьмешь его в руки и научишь всему, что ему нужно знать, чтобы сдать экзамены по боевой магии. Точка.

– Меня не интересует ваше предложение, Администратор. – (Когда же до этого олуха дойдет?) – Попросите кого другого.

Поднявшись, Чандра обошел массивный стол из розового дерева и, облокотившись на него, сцепил пальцы.

– Независимость Выпускного совета священна. Я не могу оказать давление на совет, чтобы выпустить из стен заведения неподготовленного студента... однако я могу просто не допустить студента до экзаменов, если на то будет моя воля. Без моей подписи совет на тебя и не глянет.

Он смотрел на меня так пристально, будто пытался разглядеть изнанку черепа, и в лучах его я увидел нечто темное и пугающее, отчего под ложечкой у меня жутко засосало.

Где-то я уже видел похожее, но где – никак не приходило на память.

– Теперь ты понял? – спросил Чандра. – Если Майклсон не сдаст экзамена, не пройдешь и ты.

Вселенная накренилась подо мной, и я вцепился в подлокотники кресла, чтобы не свалиться с края Земли и не кувыркнуться в межзвездное пространство.

Не сдать экзамена? Не попасть в Надземный мир? То был даже не смертный приговор – то был уже занесенный топор палача. В глазах у меня потемнело.

Первое, что пришло в голову, – взорваться.

– Не посмеете! Если вы хоть подумаете о том, чтобы меня выгнать, мой отец...

– Только скажет спасибо, и ты это знаешь.

Я осекся. Это была правда.

– Но что будет со мной? Не стоит, Ад... То есть... Господи, я должен был в прошлом семестре сдавать выпускные и только ради эльфования задержался... Если вы меня выставите, я до конца дней своих буду ходить с этакой рожей! Одно дело, если я Актер, но...

Чандра помотал головой на тонкой шее. Дряхлый и слабый на вид, он был, однако, мстительным и опасным, точно выживший из ума старый король.

– Патрон этого Майклсона, – промолвил он, – Марк Вайло.

– Бандит? – изумился я.

Отец частенько разражался бранью в адрес этого позора нашей касты.

– Он... э-э-э... заходил сегодня. Он... крайне заинтересован в том, чтобы Майклсон продолжил обучение. Крайне. Он... э-э-э... он... – Чандра отвернулся и покашлял, пытаясь скрыть дрожь в голосе. – Он спрашивал о моей семье.

– А-а.

Теперь я понял. Администратор решил справиться с проблемой, переложив ее на мои плечи. Глупость. Отец посмеялся бы, отпустив пару грубых замечаний в адрес всей касты Администраторов с ее родовым пристрастием к перестраховке и переводу стрелок.

А мне было не до смеха. Вспомнилось подслушанное: когда один из отцовских Рабочих помогал чуть живому сотоварищу уползти от исправительной кабины, он сказал: «Пожалуй, лучше оставаться незамеченным».

Меня заметили. И ничего не значила та простая истина, что на кастовой лестнице Чандра стоял ниже меня. Этот слабосильный, безответственный бумагомарака держал в хилых ручонках мою судьбу, а мне оставалось только терпеть и улыбаться, как подобает Бизнесмену.

– Хорошо, Председатель, – проговорил я, стараясь казаться невозмутимым. – Покажите мне его досье.

3

Я припал к ребристой колонне, что поддерживала арку, отделявшую тренажерный зал от главного спортзала, и заглянул внутрь. Я потерял гибкую белую маску для лица, которая прикрывала результаты последней пластической операции; сквозь нейронные блоки просачивалось достаточно импульсов, чтобы у меня без конца зудели кости. Когда-нибудь в Надземном мире пластика позволит мне выдать себя за одного из Первороджденных, похожих на эльфов аборигенов северо-западного континента. Те были величайшими магами Надземного мира; мне, возможно, никогда с ними не сравниться – зато у меня есть пара особенных талантов.

Зал позади меня был заполнен студентами-бойцами в доспехах из сорбатана, колоотившими друг друга мечами из утяжеленного ротанга. В переполненном тренажерном зале Майклсон выделялся. Студенты-маги обычно не заглядывали сюда до вечера, когда воители-неандертальцы отправлялись в классы или выходили на турнирную арену. Мой подопечный единственный в толпе недотягивал до центнера; даже женщины здесь перевешивали его на десять-одиннадцать кило. Хари лежал на спине, выжимая штангу; лицо его кривилось от натуги.

Когда я стал проталкиваться через зал, один из неандертальцев подтолкнул соседа: «Гля!» – и загородил мне дорогу, поигрывая гипертрофированными мускулами на груди. Я едва доставал ему до плеча.

– Че за дела, ведьмочка? Тебе не положено в такой час раком стоять?

Я ухмыльнулся под маской и обошел его тушу.

– Не, это только твои мечты. Будь я девчонкой, ты мог бы выбирать из трех дырок вместо двух у твоего кореша. – И побыстрее ушел, покуда озадаченный боевик пытался сообразить, как же его оскорбили.

Майклсон невидяще пялился в потолок. На лбу его выступили жилы. Штанга поднималась и опускалась. Признаюсь, он заинтересовал меня. Читая досье, я обнаружил, что его отцом был Дункан Майклсон – антрополог, тот самый Дункан Майклсон, чья монография о западном наречии служила в Консерватории учебником по этому языку.

Дункан Майклсон уже оказал на мою жизнь огромное влияние. Я с десятков раз перечитывал его «Предания Перворожденных» – записи сказаний аборигенов северо-запада. «Предания» и привлекли мое внимание к эльфам.

Но упомянуть об этом при Хари я, конечно, не мог. В том же досье я вычитал, что он никогда не говорит об отце.

Хари оказался на добрую ладонь выше меня ростом, но едва ли тяжелее. Черные глаза и смуглая кожа, смоляные волосы, мышцы как канаты. Он, крикнув, выжал штангу еще раз – губы скривились в гримасе, сменяя клочковатую черную бородку.

Я глянул на указатель снаряда: восемьдесят кило – и невольно хмыкнул. Не захочешь, а впечатлишься: в досье значилось, что сам Хари весит шестьдесят пять. Потом посмотрел на счетчик. Майклсон медленно выпрямил руки, и в окошке показалось: «15».

Чандра упоминал, что Майклсон много времени проводит в зале, но, похоже, даже Председатель не знал, как много.

Мы с ним наспех разработали план, как завоевать доверие Майклсона. Судя по данным психоанализа, прямолинейность в данном случае не лучшая политика. Чистосердечное предложение помощи будет встречено в лучшем случае глухим отказом. План предусматривал постепенное налаживание отношений: сначала сдружиться, потом, может быть, дать пару советов насчет стратегии медитации во время грядущего семинара по виртуальному Приключению, потом как бы нечаянно предложить свою помощь в учебе... И не давить.

Но сейчас, глядя, как Хари Майклсон накачивает счетчик до вожаемой двадцатки, с каждым толчком все медленнее, с передышками в четыре-пять судорожных вздохов-всхлипов, я вошел в него.

На кратчайший, неуловимый миг я стал Хари Майклсоном. Неподъемная штанга наваливалась на меня, Рабочего девятнадцати лет от роду, до мозга костей пропитанного памятью о бесчисленных унижениях, что я претерпел от высших каст. Это я понимал, что малейший шанс на расплату недоступен мне от века, и это в моей груди полыхал ядерный пожар бессильного гнева, питаемый жгучим предвкушением провала.

Это один из моих талантов – вхождение. Не телепатия, скорее – излишне развитое воображение с интуицией пополам, но помогает здорово. В тот самый миг я отказался от плана Чандры. У меня был другой, лучше.

Когда Хари дошел до предела – руки полусогнуты, жилы надулись, лицо синее, и глаза прикрыты от натуги, – я подошел к снаряду и, обеими руками ухватившись за штангу, поднял ее вместе с ним. Мне не пришлось напрягаться – хватило бы и одного пальца, чтобы вытянуть те один-два килограмма, что оказались для Майклсона лишними.

– Стоп! – рывкнул Хари, когда штанга дошла до верхней отметки.

Снаряд застыл.

– Знаешь, не стоит качаться без помощника, – улыбнулся я.

Майклсон неторопливо сел. Взгляд его жег меня, точно печной жар.

– Тебя, жопа, никто не спрашивал, – бесстрастно ответил он. – И помогать не просил.

– Если бы я ждал просьбы, – процедил я сквозь улыбку, – мне бы пришлось ждать до ближайшего ледникового периода.

– Очень смешно. – Он с прищуром уставился на мою маску. – А ты кто такой, Борис Карлофф?¹

– Какой Борис? Меня зовут Крис...

– Хансен. Знаю. Все в Кобелятнике тебя знают. Только о тебе и слышно. Чего надо?

¹ Борис Карлофф – голливудский актер немого кино. Прославился исполнением ролей в фильмах ужасов, в частности ролью чудовища Франкенштейна. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Кобелятник – презрительная кличка, которую студенты-боевики дали Колледжу боевой тауматургии.

– Пару минут твоего времени. – Я пожал плечами. – Хотел попросить тебя о помощи.

Майклсон отвернулся к пультам снаряда.

– Отвали.

– Эй, девочки! – Перед нами воздвигся один из боевиков-неандертальцев. – Помочь с машинкой? Что, мужская рука нужна?

Майклсон даже не обернулся.

– Боллинджер, пошел на хрен.

– Ага, ща. Извините, мэ-эм.

Он смахнул Майклсона со скамьи и лег под штангу сам. Хари так же неторопливо поднялся на ноги и встал рядом, спиной к снаряду, совершенно неподвижно. Только желваки на скулах ходили.

Неандерталец – Боллинджер – перехватил штангу.

– Вес пошел. Два-ноль-ноль. Начали. – Когда на дисплее высветилось «200», он без особого напряжения начал качать вес. – Видал? В этом твоя ошибка – недогружаешь.

– Давай, Хари, пошли отсюда, – сказал я. – Мне правда надо с тобой поговорить.

– Тебе нечего сказать такого, что мне нужно услышать.

Я набрал полную грудь воздуха и – была не была!

– Типичный работяга, – презрительно бросил я, и на миг мне показалось, что вышло совсем по-отцовски.

Майклсон обернулся ко мне, точно поворотный кран:

– Что?

– Вы, низшие, все как один. «Отвали, кореш, это не мое дело». Это наследственное. Вот почему вам никогда не выбраться из трущоб.

Майклсон сделал ко мне шаг. Один. Глаза его горели.

– Ты просто напрашиваешься, чтобы я отвернул тебе голову.

– Ну, в общем, да, – признался я. – Именно так.

Он моргнул:

– Что-что?

– Какое слово тебе непонятно?

Он присмотрелся ко мне, потом скривил губы в хищном оскале: очень много зубов, и никакого веселья.

– Я – за.

– Ладно. Тогда пошли в додзё.

– Давай. Только погоди немного...

Он обернулся к снаряду. Плечи Боллинджера слегка подрагивали – он поднимал штангу уже в четырнадцатый раз. Когда груз оказался в наивысшей точке, Хари нагнулся и резко ударил здоровяка ребрами ладоней по локтевым сгибам. Руки Боллинджера дрогнули, и штанга рухнула ему на грудь. Выкатив зенки, он попытался было выдавить: «Стоп! Стоп!» – но ему не хватало воздуха.

– Знаешь, не стоит качаться без помощника. – Майклсон потрепал его по щеке и ухмыльнулся мне: – После вас, мадам.

Я ухмыльнулся в ответ:

– Спасибо, мисс!

Огрызнулся удачно. И все равно мурашки побежали по спине. Я начал понимать, как опасен может быть Хари Майклсон. И решил, что буду с ним чертовски осторожен.

4

Додзё находятся точно над гимнастическим залом, этажом выше. Они разного размера и конфигурации, но одно у них общее – пол и стены из трехсантиметрового слоя сорбатана: чтобы не расшибиться. И на одной стене прозрачный сорбатан всегда прикрывает зеркало – чтобы наблюдать за своим «боем с тенью» или вроде того.

Мы с Майклсоном встретились в зале. Я уже надел обязательную полуброню: сантиметр сорбатана прикрывает локти, колени, голову, шею и жизненно важные органы. Майклсон остался в пропотевшей футболке и мешковатых панталонах – и все.

– Ты не надел броню, – заметил я.

– Гениально, Бизнес-мальчик. – Он глумливо усмехнулся. – И как ты заметил?

Чтобы успокоиться, я представил себе ночное небо Надземного мира – силуэт дракона на фоне полной луны. Если не справлюсь, то так и не увижу этого в натуре.

– Ну, – начал я, – броня полагает... – И тут он врезал мне со всех сторон разом.

Ощущение было такое, словно в молотилку попал. Он коленями бил меня по неприкрытым бедрам, локтями и кулаками – по ребрам, лбом – под ложечку, и, прежде чем до меня дошло, что происходит, намордник мой уткнулся в пол, руки-ноги почему-то не двигались, и было дико больно.

– Будешь еще рассказывать про подлых работяг? – Голос над моим ухом звучал громко и отчетливо, и внезапно меня пронзила мысль: я могу здесь сдохнуть.

Если он захочет, то убьет меня. Легко.

И ничего ему не будет: несчастный случай на тренировке. Будет жить как прежде – а меня через миг не станет.

И похоже, что ему этого очень хочется.

Странное чувство: кишки превращаются в воду, руки-ноги обмякают, на глаза выступают слезы, – наверное, это неосознанный рефлекс: притвориться слабым и беззащитным в расчете на ответный родительский инстинкт. Но мне почему-то казалось, что у Майклсона с такими инстинктами туго.

Я ухмыльнулся в пол:

– А, тебе просто повезло.

Миг ошеломленного молчания. Потом Хари отпустил меня – не мог удержаться от хохота. Я тоже выдавил смешок. Потом перевалился на спину, сел и стал ощупывать суставы – не вывихнуто ли чего.

– Гос-с-споди! Не думал, что это кому-то под силу. Во всяком случае, так легко. Ты знаешь, что по рукопашному бою я в группе один из первых?

Майклсон фыркнул:

– Ты по всем предметам в группе один из первых. Но это не значит, что ты во всем разбираешься.

– Знаю. Поэтому и обратился к тебе.

Хари присел, обхватив колени руками:

– Слушаю.

В глазах его светилась ничем не прикрытая подозрительность, вечноуклончивое нижнекастовое «чо надо?».

– Я слышал, ты едва вытягиваешь курс по рукопашному бою, – ответил я. – И не провалил его только потому, что – как это у вас, работяг, говорят? – можешь любого в группе раскатать в тонкий блин. Мне через четыре месяца отправляться в Надземный мир, и, кажется, ты можешь меня научить кое-чему такому, чего я не нахватуюсь от Толлмана.

– Толлман – дебил, – отозвался Майклсон. – Ему важнее заставить тебя делать по-своему, по-толлмановски, чем научить выживать.

– Это мне и нужно. Научиться выживать.

– А мне с того что?

Я пожал плечами:

– А ты сможешь вышибать дух из бизнесменского отродья каждый день четыре месяца кряду.

Он долго мерил меня холодным взглядом. Я чуть не заерзал. Наконец Хари одним плавным движением принял боевую стойку.

– Вставай.

– Броню надевать не станешь?

– А по-твоему, надо?

Я вздохнул:

– Бог с тобой.

Мы стояли друг напротив друга, отражаясь в зеркальных стояках. Я уверен был, что Хари не станет кричать: «Готов... Пошел!» – как в учебных спаррингах, так что был готов, когда его взгляд скользнул вниз к моему паху. Я опустил руки, чтобы блокировать удар, и он нанес мне такой хук в левое ухо, что у меня зазвенело в голове.

– Урок первый. Это называется «обман зрения», Хансен. Каждый раз, как встречу твой взгляд, получишь по шее.

Я потряс головой и поднял руки. Майклсон ткнул себя в грудь:

– Сюда смотри. Всегда смотри сюда. Так ты охватываешь взглядом все тело – глаза лживы, Хансен, но тело не обманет. А пинок по яйцам руками не блокируют, а принимают на бедро. Опустишь руки – опять же получишь по шее. Понял?

– Кажется... – И я захлебнулся, получив апперкот правой под ложечку.

– Урок второй. Бить надо тогда, когда противник этого не ждет. Лучше всего, когда он триндит что-нибудь. Пока треплешь языком, думаешь, что сказать дальше, а не...

Тут уже я ему отвесил прямой в челюсть. Больно рассадил костяшки. Майклсон отступил на пару шагов, утер губы – пальцы его покраснели – и ухмыльнулся.

– Знаешь, – пробурчал он, – есть хиленький такой шанс, что мы сойдемся.

«Сработало, – мелькнуло у меня в голове. – Я отправляюсь в Надземный мир».

5

Неделю спустя я опять сидел в кабинете у Чандры. Зеленые, желтые, лиловые синяки усеивали мою кожу так густо, словно какая-то сволочь засунула мне в душевой рассекатель пачку краски для росписи по коже.

– Я прошу разрешения воспользоваться кабиной ВП.

Председатель воззрился на меня, словно на таракана редкой разновидности:

– Сегодня утром меня вызывал Вайло. Хотел знать, как продвигается его Майклсон. Я ему соврал. Сказал, будто все в порядке.

– Через десять дней, – хладнокровно промолвил я, – у Хари начинается второй курс по ВП. Вы же хотите, чтобы он сдал зачет? Я думал, что дождусь от вас помощи.

– Хансен, твое время на исходе. Я не думаю, что ты многому научишь этого студента, позволяя ему ежедневно избивать тебя до бесчувствия.

– Позволяя? Администратор, вы никогда не видели его в бою...

– Он зачислен в Колледж боевой тауматургии, как и ты. Вы хотя бы начали работать над его техниками визуализации? Над вхождением в транс? Ты не добился ничего.

– Администратор, я встречаюсь с ним ежедневно по часу или два.

– И не занимаетесь ничем полезным для вас обоих. Или ты думал, что я шучу, объясняя, что именно поставлено на карту?

– Так найдите другого наставника! – взорвался я. – Я не напрашивался на эту работу – вы мне ее подсунули! Я справляюсь как могу!

Щеки мои горели. Истинный Бизнесмен никогда не выходит из себя в присутствии члена низшей касты. Отец так не поступил бы. Должно быть, я так долго общаюсь с Хари, что нахватался от него.

– Нет-нет! – Чандра замотал головой. – Ты лучший студент на курсе. Если я заменю тебя кем-то другим, Вайло подумает, что я пытаюсь подставить Майклсона.

Он прищурился, и я вошел в него.

Я – Администратор Уилсон Чандра. Все свои шестьдесят с гаком лет я провел на службе, из них последние пятнадцать – директором студийной Консерватории: пост, не дающий никакой власти, зато требующий полной отдачи. Чтобы только войти в парадные двери, приходится целовать в задницу каждого празднотель, инвестора и Бизнесмена на свете, нянчиться с их капризными ставленниками, драть Совет управляющих, поглаживать раздутое самомнение бывших Актеров из преподавательского состава и при всем этом каким-то образом еще выпускать Актеров, способных не просто выжить в Надземном мире, но еще и давать Студии доход, оправдывающий мое собственное существование.

Полтора десятка лет я совсем неплохо справлялся со всем этим – и что я имею теперь? Кроважидный гангстеришка указывает мне, кого я могу, а кого не могу выпустить из школы, учит, как мне работать, а сопливый Бизнесменчик ноет, что его изнеженную задницу заставили, понимаете ли, что-то делать!

Я откинулся на спинку кресла, моргая под защитной маской. Теперь я понял. Он действительно хотел, чтобы Хари провалил экзамен: потому что это уязвит Вайло. И он хотел, чтобы свою задачу провалил я, потому что я – Бизнесмен. Двойной удар по высшим кастам, и притом безнаказанный. Мелочная мстительность, тот нож в спину, который его каста всегда приберегала для своих хозяев. Угрозы Вайло по поводу его семьи он не принял всерьез, а Хари был для него всего лишь пешкой, фишкой в игре.

И я был не более чем пешкой. В его злобе не было ничего личного. Я вспомнил отсвет жуткого, безликого голода в его глазах – на самом деле Чандре на меня наплевать. Просто не повезло: я оказался под рукой, чтобы разыграть психодраму о мести угнетенных по его сценарию.

За пределами Консерватории все было бы по-другому. Там я – Бизнесмен, а он всего лишь Администратор. Стоило ему чихнуть в мою сторону, как я получил бы право сдать его Социальной полиции за нарушение кастовых прав. Только все это не имело никакого значения здесь. Он держал меня в руках, а я не мог ослабить хватку.

Вот тут я начал понимать, какие силы питали ярость Хари Майклсона.

На мгновение мне привиделся стоящий за моим плечом Хари – он шепотом объяснял, под каким именно углом следует ударить в горло, чтобы ребро ладони разбило гортань. Я мотнул головой, отгоняя наваждение, и глубоко вздохнул.

– Мне нужен пропуск в кабину ВП, – повторил я.

– Это уже слишком. Пользоваться кабинами ВП без присмотра опасно, а инструктор Хэммет...

– Знаете, – небрежно промолвил я, подавляя заворочавшуюся под ложечкой тошноту, – мой отец ведет дела с «Вайло интерконтинентал».

После таких вот фирменных бизнес-реплик с подтекстом у меня всегда во рту смердело, но мне отчаянно требовалась точка опоры – а тень Хари маячила за спиной, нашептывая угрозы.

Чандра понял, к чему я клоню, хотя не подал виду.

– Вы можете выдать пропуск. Под мою полную ответственность, – настойчиво гнул свое я. Теперь я понял правила игры: Чандра обязан делать вид, что всеми силами помогает мне вытянуть Хари, чтобы потом, когда тот провалит экзамен, с полным основанием поджать губы и неодобрительно покачать головой.

– Ладно. – Администратор неохотно кивнул, вытягивая карточку из гнезда, и развернул ко мне настольный экран. – Это дубликат моего личного допуска. Оставь отпечаток пальца вот здесь, а ниже – отказ от претензий. Любые травмы будут на твоей ответственности.

Я качнул головой:

– Вы не пожалеете.

Чандра не ответил, но энтузиазма на его лице не было.

6

Хари глянул на меня поверх острия боккена – учебного деревянного меча, утяжеленного до трех четвертей веса обычного клинка из Надземного мира. Теперь он не погнушался обязательной броней, как и я; боккен – настоящее оружие, им и зашибить можно.

Хари ринулся на меня без предупреждения, отжимая мой меч вниз своим. Мы едва успели войти в тесный контакт, когда его локоть, которого я даже не заметил, врезался в мой намордник, сбив меня с ног. Я растянулся на полу, выронив боккен, и Хари приставил кончик деревянного меча к моей груди:

– Тебе хана.

Я оттолкнул деревяшку и поднялся на ноги.

– Черт, Хари! Зачем в лицо-то было бить? Ты мог швы порвать, сам знаешь. И мы собирались работать над фехтованием.

Он пожал плечами и отбросил боккен:

– Собирались-собирались. А ты вроде бы собирался показать, какой ты славный мечник – для кобеля, конечно. Так почему ты вечно продуваешь?

– Потому что ты вечно жульничаешь.

Для Бизнесмена это было бы смертельное оскорбление. Хари же только головой покачал:

– Слушай. Когда дерешься за свою шкуру, нет такого слова – «жульничать». Один умный парень сказал когда-то: «Победить – это не главное. Это – единственное». – Он шагнул ко мне, глядя до странности доброжелательно. – Крис, ты вообще-то неплохой боец, правда. Реакция хорошая, схватываешь на ходу, все такое. И фехтуешь ты лучше меня. Если я стану играть по правилам, ты меня побьешь. Но если в Надземном мире ты начнешь драться по правилам – тебя убьют.

«Нечего меня учить, ты, нищий безмозглый хрен!» – подумал я, но вслух сказал только:

– Ага. – Поднял боккен. – Начали по новой.

– Не сдаешься? – Смотреть на меня ему было то ли тошно, то ли неловко. – Удар ты держать умеешь, не спорю. Только это тебе не поможет. А мне лучше в свободное время поработать над чародейским трансом.

Это была почти хорошая новость – до Хари наконец дошло, что ему придется поработать над магическими дисциплинами, если он хочет окончить Консерваторию. Но одной практики недостаточно – нужна практика в условиях, близких к боевым. Я совершенно точно знал, в чем он нуждается. Оба мы попадем в Надземный мир только в одном случае – если я сумею убедить Хари позволить мне помочь ему.

– На попятную пошел? Стоило мне настропалиться?

– Крис, кореш... извини. У тебя просто характер не тот.

Он принялся снимать броню. Каждое «ж-ж-ж» расходящихся липучек вбивало мне гвоздь в сердце.

– Что значит – характер не тот? Кто тебя в судьи назначил? Мы учились по одной программе, – может, у меня хуже получается, но я о рукопашной знаю не меньше твоего.

Пронзительный взгляд его черных глаз сделался вдруг пустым, словно Хари пытался сквозь мою голову разглядеть стену позади. Губы скривились в полуулыбке – как от зубной боли.

– Ничего ты не знаешь. Стар ты слишком. И не любишь драться.

– Кончай херню пороть, Хари. Я знаю...

– Ни фиги ты не знаешь.

Сразу вспомнилось его досье – о безумии отца и падении по кастовой лестнице с уровня Профессионала до поденщика в трущобах Сан-Франциско, о побоях, которым почти наверняка подвергал его отец, – и на миг мне померещилось, будто я понял его.

– Ну, у тебя было тяжелое детство...

Он рассмеялся мне в лицо – хрипло, и жутко, и вовсе не весело.

– У меня было классное детство. Где, думаешь, я научился драться? Я к восьми годам понял: драка бывает только до смерти. Это и здорово. А ты этого еще не понял, и не поймешь, наверное. Сдохнешь раньше. Жалко мне тебя, я к тебе притереться успел.

– Ну ладно же! – Я принялся сдергивать куски снаряжения, чувствуя, как в груди закипает гнев. – У тебя точно есть актерский дар, Хари. Жаль, что говна в тебе еще больше.

– А?

– Этот спектакль. «Мудрец, наставляющий зеленого новичка». Кончай. Я видел его в лучшем исполнении – отец довел его до совершенства.

– Ага. Ну ладно. – Он скомкал части мягкого снаряжения. – Очень здорово было с тобой работать, Хансен, но мне пора.

– А на моем поле поиграть кишка тонка?

В голосе моем звучало такое глумливое презрение, что Хари остановился на полушаге. Возможно, я не понимал его до конца, но точно знал – от верхнекастового парня сомнительной крутизны он такого не потерпит.

– На твоём поле? – переспросил он, оглянувшись через плечо.

Мое сердце бешено колотилось, и я изо всех сил старался скрыть дрожь в голосе.

– Да, умник. – Я, словно заправский фокусник, покрутил в пальцах полученную от Чандры карточку доступа. – Если ты такой крутой в своем деле, попробуй-ка справиться со мной.

– Это у тебя что такое?

– Это карта доступа, которая позволит мне попасть в виртуальную актерскую кабину в нерабочее время.

В его глазах вспыхнула искра интереса.

– Знаешь, у меня через неделю начинается курс виртуальных Приключений...

Я пожал плечами.

– В этом разница между нами двумя. Консерватория полна студентов-боевиков, готовых вытереть о тебя ноги, не почесавшись...

– Ты думаешь?

– ...Но нет никого, – продолжал я невозмутимо, – никого, кто может справиться со мной в кабине ВП. Там лучший – я. Проверь архивы, если хочешь: за мной рекорд. Раздавать тумачи ты горазд, Майклсон. А получать?

Я надеялся, что Хари – тот самый парень, что есть в любом районе: тот, кто ловится на любое «слабо», кто никогда не бежит от драки, особенно если все шансы против него. И я на самом деле верил, что, поднатаскавшись со мной, он пройдет виртуальный курс с достаточно высокими оценками, чтобы не срезаться на финальных экзаменах.

Я подарил ему фальшивую ухмылку: дескать, мне все равно. Я подначивал его поймать меня на слове, подначивал: «Ну, отступись!» Не позволяя заметить, как меня трясет.

Мое будущее зависело от его ответа.

Хари прищурился, будто хотел заглянуть в мои мысли.

– После занятий, да? – проговорил он. – Во сколько, например?

– Ровно в десять – пойдет?

– Я приду.

Он вышел из додзё, не обернувшись. Так что он не заметил, как я упал на колени и возблагодарил Господа за избавление.

7

Пробираясь сквозь толпу студентов-боевиков в направлении кабин ВП, я протираю слезящиеся глаза. От усталости меня уже шатало; помимо заживления швов, тренировок с Хари (читай: побоев) и непрерывной тревоги за карьеру силы мои отнимала курсовая, которую тоже надо было сдавать. Мой дополнительный курс обучения составляли история и культура Первородженных, не говоря уже об их чудовищно метафоричном, эллиптическом, политональном языке. Хуже того – писанной истории у них не было, поскольку Первороджденные от природы наделены были безупречной эйдетической памятью, а ни одному Актеру еще не удалось успешно проникнуть в их общество, так что учиться я вынужден был по отчетам из вторых и третьих рук, полным культурологических отсылок, которых я не понимал и в которых не успевал разобраться. Как и всем Актерам до меня, мне придется изображать эльфа, избравшего по той или иной причине жизнь среди людей, но задача оставалась головокружительно сложной.

Так что общаться с неандертальцами у меня не было никакого настроения. Студенты-боевики с хохотом и шутками топотали по коридору, будто полупарализованные слоны, а я с переменным успехом проскальзывал между двухметровыми колоссами где-то на уровне их локтей. Кто направлялся в дормиторий, кто – в небезызвестную пивнушку на подвальном уровне. Один, здоровяк с плечами как пудовые гири, стоял ко мне спиной, вроде бы тыча кулаком в нос кому-то, совершенно скрытому его могучим торсом. Судя по тому, как екнуло мое сердце, то был Хари.

Вражда между студентами Колледжа боевой тауматургии и рукопашниками является, по моему убеждению, частью стойкой исторической традиции, уходящей корнями в девятнадцатый век, когда студенты-атлеты задирали студентов-зубрил. Они видят в нас холощенных книжных червей, мы в них – безголовых горилл, которые думают бицепсами. Однако в Консерватории положение осложняется тем, что большая часть учебной программы готовит нас тем или иным способом убивать людей. Это, мягко говоря, сказывается на характере студентов и повышает ставки. Легким унижением дело не обходится. Бывает, что кто-то пострадал – обычно это чародеи-подмастерья. По эту сторону Трансфера Уинстона, без помощи чужих законов физики, мы почти беспомощны. А те навыки, которые Консерватория вдальблывает в мозги боевикам, одинаково полезны на Земле и в Надземном мире.

Кроме того, они все такие огромные.

Так что сердце мое чуток трепетало. Толпа рассосалась, по коридору гуляли последние отзвуки голосов, и теперь я мог расслышать, что бубнит себе под нос неандерталец.

Это оказался тот парень из тренажерного зала, Боллинджер.

– Посмотрим, как тебе будет весело, умник. – Он ткнул Хари в грудь пальцем-сарделькой, нависая над тощим работягой. – Как-нибудь я тебя застану на площадке. Тогда и посмотрим.

Глаза Хари полыхали жутким огнем безумия, ничуть не сродственного ужасу.

– Пошел на хер, Боллинджер. Я занят. Убью тебя позже.

Булыжный кулак великана скомкал футболку на груди Хари, едва не прихватив ребра.

– А ну повтори!

Я уже раньше видывал такие стычки: студенту-магу надоедает ходить опущенным и он решает огрызнуться. Кончается дело травмами. Я обычно отходил в сторону, чтобы потом доволочь бедолагу до лазарета. Или, если видел шанс, пытался разрядить ситуацию. Но сейчас...

Я поймал взгляд Хари. Подмигнул. А потом встал на карачки точно за спиной Боллинджера.

Не знаю, может, виной тут неделя, что я провел рядом с Хари Майклсоном бок о бок. Может, я заразился как-то. Тяжелый случай синдрома Майклсона.

Такой искренней, счастливой, широкой улыбки на лице Хари я еще не видел.

– Боллинджер, у тебя когда отпуск?

– А?

– Не знаешь? Я тебя отпускаю.

Хари врезал великану по сгибу локтя так, что тот отдернул руку, и оттолкнул. Боллинджер споткнулся о меня и рухнул – величаво, как подрубленный кедр, так приложившись спиной об пол, что тот дрогнул. Не успел я подняться, а боевик – прийти в себя, как Хари подскочил к нему и яростно пнул в ухо. Боллинджер застонал и попытался закрыть голову руками, сворачиваясь в позу эмбриона.

Я оттолкнул Хари, когда тот уже изготовился ударом ноги перебить противнику шею.

– Хватит, Хари! Ты его убьешь!

Майклсон отмахнулся от меня шутя:

– Точно, блин!..

Но тут из-за двери выхромал на механических протезах Профессионал Хэммет – инструктор по виртуальным Приключениям – и спас Боллинджеру жизнь. Ему достаточно было просто заслонить собой лежащего, покуда Хари не взял себя в руки; даже Майклсон не рисковал ударить инструктора.

Хэммет был Актером в отставке, бывшим мечником, озлобленным на весь мир и сволочным от природы. Снисхождения от него дожидаться не приходилось. Особенно Боллинджеру, когда тот пожаловался, будто Хари его бьет. По мнению Хэммета, студент-боевик, не сумевший уложить двоих колдунишек, гроша ломаного не стоил. Подводить нас под выговор он не хотел – бумаги еще заполнять, морочиться, но и драк в окрестностях своих любимых кабин ВП терпеть не собирался. Поэтому Боллинджера послали в одну сторону, а нас – в другую. Боллинджер уковылял, бормоча что-то под нос и кровожадно поглядывая на нас через плечо. Я же продемонстрировал карточку Чандры.

Пускать нас в кабину без присмотра Хэммету не очень-то хотелось, но с Чандрой не поспоришь. Отзвонив директору, дабы убедиться, что я не спер пропуск, инструктор неохотно впустил нас внутрь. Мы зашли, и я запер дверь.

– Господи, Хари, – выдохнул я, привалившись к косяку, – это уже слишком. Слишком страшно. Ты же мог убить его! Ну и характерец у тебя! Ты просто взбесился.

Хари вздохнул, понурившись, и сел на пол в позе лотоса.

– Почему взбесился?

– Боже мой...

– Зря ты мне не дал его кончить. Это был мой лучший шанс. Теперь я его в одиночку хрен поймаю.

У меня отвисла челюсть.

Хари пожал плечами:

– Мы с Боллинджером уже давно... не ладим.

– Ты его спровоцировал, – прошептал я. – Ты сам напросился.

– Крис, тут или он, или я. Если бы на полу лежал я, мы бы сейчас с тобой не болтали. И не только сейчас.

– Кончай спектакль, Хари. Ну столкнулись вы пару раз лбами – и что такого?

Он рубанул воздух ладонью:

– Ты Бизнесмен, Крис. А это – дело Рабочих. – Хари стиснул кулаки и уставился на них, как на не оплаченную в срок накладную. – Боллинджер, он из трущоб Филадельфии. Мы с ним друг друга понимаем.

– Не могу этого понять. И принять. – Но, произнося эти слова, я не отрывал взгляда от его костяшек: узлы рубцовой ткани – будто комки старой жвачки.

– И не надо. Ты из другого мира, Крис. Вот поэтому, когда мы выберемся из этого сортира, я буду великим Актером, а ты – остроухим покойником. – Он заставил себя подняться на ноги. – Ты собирался мне показать, какой ты крутой в костюме ВП.

8

Несколько минут мне пришлось вместе с Хари проторчать в его тесной кабинке, чтобы помочь настроить индукторы. С костюмом обратной связи проблем не было; это устройство в основном механическое – жмет тебя, трясет и бьет. А вот к индукционному шлему надо привыкнуть.

Технология в нем используется та же, что позволяет первоочередникам в просмотрных залах Студии переживать впечатления/ощущения Актеров в реальном времени. Калибровка – процесс на самом деле несложный; подстраиваешь шлем, покуда на белом фоне не появится черная точка, чтобы растянуться в линию, а линия не развернется в явственно видимый логотип Студии. Таким же образом белый шум переходит в настроечный тон и так далее. В кабине ВП это даже проще, чем в Студии, – здесь индукторам не приходится передавать еще и запах, а осязательные/болевы́е импульсы и кинестезию подменяет костюм.

Но несложной калибровка кажется тому, кто ею уже пару раз занимался; начиная с определенных уровней кастовой системы это практически всеобщий навык, однако Хари происходил из Рабочих и, конечно, в жизни своей не бывал в Студии и не настраивал индукционный шлем. Непривычные ощущения пришили ему не по вкусу. К концу он уже вслепую – забрало шлема делается непрозрачным, чтобы зрение не мешало воспринимать наведенные нейростимуляцией образы, – бил меня по рукам и требовал отвязаться.

Оставив его в кабине, я подошел к инструкторскому посту: трем широким пультам-подковам, одному над другим, будто орган. Над головой висели четыре экрана, где ВП-компьютер должен был показывать происходящее с разных точек зрения. За спиной тянулись пустые ряды сидений.

Я уселся в кресло, склонился над клавишами и позволил себе затрястись от ужаса.

Читал где-то, будто взрослым становишься, когда начинаешь воспринимать смерть как камушек в ботинке – на каждом шагу чувствуешь ее близость. Перед моими глазами стоял потолок коридора, каким видел бы его Боллинджер; из мыслей не шло, как легко, почти небрежно Хари мог отнять у него жизнь. Мне представилось, как я в Надземном мире иду по городской улочке, как из переулка выходит человек и, ни слова не говоря, всаживает мне нож в горло – без требований и угроз, не дав ни одного шанса отразить нападение.

Ни одного шанса.

Я слышал, как пятки барабанят по земле, будто ты судорожно дергаешься, опроставшись, когда тебя убивают. Я переживал это снова и снова, беспомощно постукивая пятками, ощущая это ярче самой яркой фантазии, с ошеломительной яркостью вхождения.

Когда я начинал работать с Хари, то ощущал себя дрессировщиком, взявшимся натаскивать нового льва. Если я не выкажу страха, ничем не спровоцирую рефлекс хищника, я в безопасности. Даже чувствовал себя немного героем, гордился собой – мне казалось, что я

одной силой воли леплю свою судьбу. Я могу помочь Хари, победить Чандру, начать смутно представляемую, но, несомненно, славную карьеру Актера.

И сейчас меня трясло, потому что безопасности нет.

В один несчастный день ты скажешь что-то не то любому из Хари Майклсонов – и в следующий миг рухнешь на пол с последним вздохом.

Даже сейчас меня не сам Хари страшил, а мир, в котором он жил, мой мир, который я увидал его глазами. Он глубочайшим образом воспринимал хрупкость моей жизни, его жизни, жизни вообще – и плевал на нее.

А ведь он не один такой, он даже не особенный. Каста Рабочих производит бесчисленных Хари Майклсонов. Теперь я начал понимать, почему он решил, будто у меня «кишка тонка».

Хотя какая разница? Стоит ли мне жить – без Надземного мира?

Я вызвал стандартную программу, потом вошел в свою кабинку и торопливо оделся. Мне калибровка не требовалась; стоило надеть шлем, как компьютер распознал мои биотоки и автоматически загрузил нужный файл.

Вокруг меня соткался луг – поросшая высокой травой чуть всхолмленная равнина до самого горизонта. Небо над головой было безоблачным и ошеломительно синим, солнце висело в нем без движения. Это простейший уровень среды, здесь обычно проходят поединки и практические занятия по магии. Я сам много часов провел на этой равнине – на мягкой земле удобно стоять на коленях, когда медитируешь, и облака не заслоняют солнца.

Манекен с характерными чертами, изображавший Хари, стоял примерно в четырех метрах от меня. Он шагнул было ко мне, но оглянулся и замер, потом вдруг нагнулся, чтобы потрогать траву.

– Ого!

– Знаю. Впечатляет, да?

– Круто. Круче яиц. – Невыразительное лицо не дрогнуло, но в голосе слышалось веселье. – Видок у тебя пидорский.

Я со вздохом пожал плечами. Мой виртуальный манекен выглядел примерно так, как я буду выглядеть после всех операций: густые, коротко стриженные платиновые волосы, огромные золотые глаза, тонкие черты лица, экстравагантно заостренные, точно у рыси, уши... Может, я перестарался?

Хари подошел поближе:

– Знаешь, я тебя без этой белой маски не видел ни разу. Это у тебя рожа такая?

– Будет когда-нибудь, – отозвался я. – Наверное. Еще десять недель не узнаю.

Он кивнул, и мне внезапно захотелось увидеть выражение на его лице.

– Ладно, – проговорил он. – Теперь что?

Я глубоко вздохнул. Добрую неделю я трудился, чтобы привести его сюда, и теперь меня охватила неуверенность, предчувствие... не знаю чего. Мандраж, наверное.

Может, я боялся, что он и тут меня обойдет.

– Сейчас никаких заклятий, – ответил я. – Сжалюсь над тобой. Надрать тебе задницу я смогу на голой Силе. Переходи на магическое зрение. Компьютер уловит твои биотоки и покажет симуляцию токов Силы. Ты увидишь мою Оболочку.

Манекен закрыл глаза и сложил руки перед собой, соединив только кончики первых трех пальцев. Мне, разумеется, мудра трех пальцев уже не требовалась, чтобы перейти на колдовское зрение, – на нужный уровень мое сознание переключали ритм дыхания и волевое усилие. Но меня тревожило, что за десять дней до семинара Хари еще нуждался в символических жестах.

Тревога рассеялась сама; когда колдуешь, волноваться невозможно. Цель продвинутых способов медитации, каким учат нас в Консерватории, – полностью, безоглядно сосредоточить

не только сознание, но и подсознание на желаемых магических эффектах. После двух лет тренировок я мог манипулировать своим рассудком, как хирургическим лазером.

Говорят, что каждый маг воспринимает Силу в рамках личной метафоры – как потоки света или призрачные струи, как сияющие струны, проплетающие воздух, как пламенные сферы вроде шаровых молний. Чем Сила станет для меня, я не узнаю, пока не окажусь в Надземном мире. Костюм ВП имитирует ее всегда одинаково – в виде мерцающей сетки. В направлении тока по ней ползут цветные яркие полосы.

Оболочка Хари тоже выглядела вполне стандартно – аура из паутинок. В такт сердцебиению она слегка подрагивала, вокруг ступней и ладоней полыхала огнем. Я следил за токами Силы, выжидая, пока мой противник начнет ее притягивать.

Хари открыл глаза.

– Я вижу это, – благоговейно шепнул он.

Я и не заметил, как затаил дыхание, и запоздало выдохнул:

– Ладно. Для тебя это внове, понимаю. Даю десять секунд, чтобы собрать энергию для защиты.

Он вытянул руку вверх – туда, где Поток струился плотней всего, – и его Оболочка прорастила ленивую псевдоподию. Она коснулась блистающей сети и отворилась перед Поток энергии, хлынувшим в Оболочку Хари. Сила заструилась водоворотом, обрушиваясь вовнутрь. Этот жест напоминал о будущих сложностях – маг, неспособный действовать, не шевеля руками, почти беспомощен, – но сегодня это не важно.

Я досчитал про себя до десяти, потом до пятнадцати, наблюдая, как Оболочка Хари наливается светом, все ярче и ярче, переливаясь оттенками от алого к лиловому. Он накачает Оболочку Силой, пока только сможет ее удерживать, а потом хлестнет неоформленной Силой. Это самый грубый и небезопасный способ колдовского единоборства – примерно как фехтование на пенопластовых лопастях, но для начала неплохо.

Я даже не потрудился притянуть Силу: Хари не мог причинить мне вреда.

– Начинай, – проговорил я, – когда...

Как я и надеялся, он метнул в меня струю энергии – неуклюже, так что Оболочка моя не просто отразила ее, но отправила обратно, словно бумеранг. То, что летело ко мне бугристым тараном с голову толщиной, обернулось острым копьем, пробившим Оболочку Хари в области солнечного сплетения. Он сложился пополам.

– Попробуй еще раз. – Я даже не шевельнулся.

Он попробовал еще раз. И еще – с тем же результатом. Но с каждой попыткой он сокращал расстояние между нашими виртуальными манекенами на шаг-другой. Для меня, погруженного в магический транс, намерения его были прозрачнее стекла. Он снова собирался нарушить правила: неуклюжие разряды Силы должны были отвлечь меня, позволить Хари приблизиться для решающего броска.

Я отворил свою Оболочку и потянулся к Силе.

Хари втягивал колдовские токи, перенаправлял к себе на службу; я создавал их – мерцающая решетка свернулась над моей Оболочкой, будто смерч, соединяющий грозовую тучу с землей. От горизонта до горизонта вся Сила обратилась ко мне, и кожа моя пламенела энергией.

Когда Хари бросился на меня, я ударил.

Не оформленная сознанием мага Сила практически не взаимодействует с материальным миром; сырая, она может влиять только на Оболочку, изменяя состояние энергетической ауры предметов, а особенно – живых существ. Худшее, что можно устроить противнику при помощи грубой Силы, – нечто вроде электрического разряда. Хари получил таких семь штук.

Руки и ноги, грудь, живот и спину его свело судорогой разом, в прыжке. Он сдавленно всхлипнул и рухнул к моим ногам.

Прежде чем позволить ему подняться, я благоразумно отошел подальше.

– Это было слишком просто, – проговорил я. – Из меня боец лучше, чем из тебя маг. В первых: если хочешь преуспеть в этом деле, учись расширять свой охват. Сейчас твоя Оболочка покрывает только руки и ноги. Но вообще-то она может иметь любые форму и размер, какие только представишь. Попробуй потянуться к Поток не руками, а воображением.

Манекен Хари так и сидел в мягкой виртуальной траве, обхватив колени руками. Он поднял голову, и я опять пожалел, что не могу прочесть выражение его безликих черт.

– Все было очень славно, Крис. Я сыграл свою роль и позволил тебе победить. А теперь мне пора.

Он встал, поднял руку, нашаривая кнопку отключения.

– Позволил? – фыркнул я. – Можно подумать, ты мог мне помешать.

– Ага, – устало согласился он, – ты прав. У меня получается хреново. Пока.

– Ну да. Черт, Хари, с моей помощью ты можешь стать великим!

Он замер, обернувшись ко мне, и долго-долго так и стоял молча. Я обливался потом в костюме, пытаясь понять, о чем он думает.

– Считаешь меня законченным дебилом? – произнес он в конце концов.

Я беззвучно пошевелил губами и выдавил:

– Хари, я...

– Ты думаешь, что можешь меня обвести вокруг пальца только потому, что ты Бизнесмен, а я Рабочий, что можешь мною вертеть и крутить, а я и не догадаюсь.

Я вдруг остро порадовался, что реальное физическое тело Хари находится за двумя дверьми от меня.

– Это непра...

– Брось. Я уже нажрался твоего дерьма. – Манекен шагнул ко мне. – Не то обидно, что ты считаешь, будто умнее меня. Это, может, даже и правда.

«Это точно правда», – мелькнуло у меня в голове.

– А то обидно, – продолжал он, – что ты считаешь себя умнее потому, что ты выше кастой. Типа будь у меня хоть капля мозгов, я бы себе родителей получше подобрал.

– У тебя все сводится к кастам, да? – огрызнулся я. Когда имеешь дело с Хари, переходить в оборону опасно; это пробуждает в нем инстинкт убийцы, как запах страха – у сторожевого пса. – У тебя на все один ответ.

– Ответы мне не нужны, – отозвался он, отворачиваясь, будто собрался уйти куда-то. – Я не хочу знать, зачем ты последнюю пару недель ходишь за мной хвостом. Мне плевать, если это попытка либерала из верхних каст приручить дикого работягу, или курсовая по антропологии, или тебе приглянулась моя жопа. Не важно. Ты пытался меня надуть, и меня это достало. Черт... больше достало другое: ты думал, что тебе это сойдет с рук.

– Знаешь, – протянул я, – твой образ уличного хулигана дает сбои.

– А?

– Почему ты еще здесь? Последнее слово звучит внушительно, только когда оно действительно последнее.

– Ага, – буркнул он, протягивая руку к клавише отключения на рукаве, но я оказался проворнее: на последнем своем слове я глубоко выдохнул и, войдя в транс, врезал ему по плечу разрядом, какой уложил бы коня.

Майклсон хрюкнул.

– Я еще не готов тебя отпустить, – объяснил я.

Он уронил руку, уставившись на меня пустыми зенками, как у куклы, и я очень хорошо мог представить себе убийственный блеск в его агатовых глазах.

– Не буди психа, Хансен, пока спит тихо.

– Кончай, а? Я не Боллинджер. Мне можешь не доказывать, какой ты крутой самец.

– Не делай вид, будто понимаешь.

– Я тебе скажу, что я понимаю. Я понимаю, что ты вылетишь. Ты сам это понимаешь? Ты вылетишь. Ты не попадешь в Надземный мир. Ты не станешь Актером. Ты остаток жизни проведешь безымянным говномесом. Ты до конца дней станешь лизать задницы высшим кастам – а выше тебя будут все, Хари.

Он пожал плечами и отвернулся. Он знал – или догадывался, – что я говорю правду, но не находил в себе сил принять ее.

– Тебе-то какое дело, будь ты неладен?

– Никакого! – выпалил я. – Мне накласть, что случится с тобой. Я сам хочу попасть в Актеры! Понял? Да, ты – проект. Меня приставил к тебе Чандра. И он лично обещал мне, что если ты провалишься, то меня к экзаменам просто не допустят!

– Тогда у тебя большие проблемы, – отозвался Хари и, прежде чем я успел его остановить, отключил костюм.

Манекен сгинул. Я остался один на виртуальном лугу, тупо глядя на пустое место, туда, где была моя надежда.

9

Я мало что помню из той ночи.

Где-то на задворках памяти хранятся смутные воспоминания: как, сидя за столом в своей комнате в общежитии или блуждая бесцельно вокруг консерваторских корпусов, пробираясь в лунных сумерках через непролазные заросли трупного цвета, я вновь и вновь приходил в себя, пробуждаясь от мечтаний о Надземном мире.

Я не мог принять случившееся; мне приходилось активно напоминать себе, что жизнь кончена, чтобы поверить в это. Невозможно было понять, как так случилось, что некий изначальный дефект моей натуры поставил на пути преграду, о которую я с разбегу вышиб себе мозги.

Я провел столько часов, лихорадочно мечтая о Надземном мире, что рассудок рефлекторно обращался к тем же видениям, невзирая на то что я никогда не увижу его небес, никогда не вдохну его воздух, никогда токи истинного волшебства не пробегут по моим нервам взамен бледной имитации, рожденной ВП-костюмом.

И каждый раз, когда я заставлял себя вспомнить, когда силой вбивал знание в непокорные извилины взбаламученного мозга, мне приходилось снова и снова преодолевать лабиринт отговорок: проклиная Чандру, проклиная Хари, проклиная отца, Консерваторию, саму Студию, покуда истина не открывалась мне.

Виноват я сам.

Это подавляет – когда на двадцатом году жизни впервые сталкиваешься с непреодолимым препятствием. Наделенный от рождения как талантом, так и общественным положением, я обладал богатством, статусом, красотой, умом, силой, я всегда мог отыскать способ заполучить желаемое: дипломы, девчонок, друзей – всё. Покуда не нашел то единственное, без чего жизнь не в радость.

Не лучшее время для первого провала.

Имея дело с Хари Майклсоном, я допустил фатальную ошибку и, хуже всего, не мог понять, что мне следовало делать, чтобы не совершить ее. Да-да, в мозгу моем той ночью рождались тысячи идей и планов, низвергаясь со звезд бесшумным Мальстрёмом сквозь холодный эгейский воздух, все одинаково тщетные: мне следовало поступить так, можно было попробовать сяк, почему я не додумался до этого? Наконец настало утро, а я так и не уснул. Я забежал к себе в комнату, чтобы всухую проглотить пару таблеток кофеина, и побрел на занятия, чтобы провести следующие несколько часов – нет, дней, – делая вид, что жизнь моя еще не кончена.

Однако в аудитории я не клевал носом. Сомкнуть глаза меня не заставил бы и удар дубиной по макушке.

В один из тех неразличимых, безнадежных дней меня снова вызвал к себе Чандра. Не помню, что он мне говорил и что я отвечал; думаю, в тот момент мне оставалось лишь блефовать. Я глумился над своим палачом, а отцовский голос презрительно нашептывал мне советы. «Не показывай слабости низким кастам», – думалось мне. «Пошел он в жопу. Будь у него хоть капля мозгов, он подобрал бы себе родителей получше». Эта фраза гулко звенела у меня в мозгу.

В довершение ко всему мне приходилось жить, зная, что Хари меня презирает.

Каким-то необъяснимым образом это было едва ли не обиднее, чем все остальное, взятое вместе. Его суровый приговор глодал мою совесть, как голодная собака гложет кость. Может, потому, что я привык к приязни равных и уважению нижестоящих; может, потому, что я снести не мог мысли, будто судит меня простой работяга.

Может, потому, что он казался мне более существующим, чем я сам.

Нечто в его судьбе уличного мальчишки, простого Рабочего, давало ему, как мне казалось, полумистическую связь с тем уровнем бытия, который я мог воспринять лишь извне, сквозь мутное, заляпанное грязью стекло. Он был прав: мне не понять. Я не был уверен даже, что хочу понимать эту жизнь.

Но я был уверен, что мечтаю об его уважении едва ли не больше, чем о Трансфере в Надземный мир.

Еще несколько дней прошло в тумане жалости и отвращения к себе. Я маниакально проверял голосовую почту в надежде, что Хари смягчится, но там только девицы ныли, почему я им не звоню. Я не пытался звонить ему сам или искать его на занятиях, это было бы слишком позорным даже для меня.

Потом как-то утром я проснулся почти с прежней решимостью и, не позавтракав, не приняв душ, побрел в тренажерный зал, смутно надеясь застать Хари там.

Не знаю, что я сказал бы ему, кабы встретил. Думаю, пал бы на колени, надеясь видом безликой послеоперационной маски разжалобить заводное сердце Рабочего. Глупость, конечно. Будь у меня все в порядке с головой, я бы тем утром за милю обошел тренажерный зал. До полудня именно там собираются неандертальцы, чтобы размять мышцы и понюхать задницы друг друга.

И Хари там, конечно, не было. Он был слишком умен и опытен, чтобы, точно крольчонок, идти против ветра рядом с волчьей стаей. Я влетел в тренажерный зал, будто там мне самое место, и только перехватив взгляд медвежьих, голодных, налитых кровью глазок Боллинджера, понял, какого дурака сваял.

Вот тут я совершил вторую ошибку за утро: развернулся и попытался выйти не торопясь, излучая спокойную самоуверенность. Хотя кровь стучала у меня в ушах, я не собирался выказывать свой страх перед этими гипертиреоидными оболтусами. Хари был бы умнее – он бы понял, в какое дерьмо вляпался.

Хари рванул бы оттуда как ошпаренный, и это сошло бы ему с рук.

Я миновал арку с колоннами и двери в главный зал и уже поздравил себя с маленькой победой, как вдруг здоровенная рука ухватила меня за волосы, подняла и приложила о стену.

Коридор пустился в пляс; перед глазамиплыли серые пятна. Боллинджер громоздился надо мной, как великан, как динозавр, неимоверно могучий. Половину его физиономии занимал вздутый лилово-желтый синяк, оставленный пяткой Хари, а в глазах не было ничего человеческого.

Я сполз по стене, пытаясь перевести дыхание. Губы Боллинджера расплылись в том, что, по его мнению, было похоже на улыбку.

– Никак сам Крис Хансен? – в потешном ужасе проревел он. – Рад встрече, пидорок.

Он отвесил мне оплеуху – по-отечески, только чтобы поставить на место. Но голова моя мотнулась, и я сполз на пол окончательно, непроизвольно свернувшись комочком и недоумевая, что все эти звезды делают у меня в черепной коробке.

– Я тебя отпускаю, – пророкотал он. – Тебе небось думалось, что это смешно? Мне – так точно. Я до сих пор проржаться не могу.

Он схватил меня за обшлага куртки, поднял с пола и небрежно прижал к стене – кулаком. Ноги мои беспомощно болтались, ребра хрустели, а Боллинджер свободной рукой ухватил меня за подбородок и потянул назад и вверх, так что воротник врезался мне в шею, куртка неподъемным ярмом легла на плечи. Я дергал его за локоть – все равно что пальцами ковырять камень – и пытался стукнуть в лицо хилой рукой и думать мог только об одном: что курсы рукопашного боя, которые вел Толлман, и уроки Хари, и все мои остроумие, и хитрость, и ум, и рекордно высокие за всю историю Консерватории отметки на курсе боевой магии – все, что я есть, чем был и буду, сводилось сейчас к пределу прочности шейных связок. Во всей вселенной не было ничего важнее единственного вопроса: что крепче – моя шея или руки Боллинджера? И я знал, что это не шея. Я уже слышал, как что-то ниже затылка трещит и ломается, раскаленные струны боли тянулись до самых пяток.

И я ошибся насчет его глаз. Они были голодны не по-медвежьи. Я видел в них безличный голод, холодную, абстрактную страсть.

Глаза голодные, как у Чандры.

Я здесь был ни при чем. Боллинджер собирался убить меня не из-за меня. Ради того, чтобы доказать. Доказать что-то Хари и себе.

Я совершил единственную глупость – самоубийство по неосторожности, – когда опустился на четвереньки за его спиной. Я влез в борьбу, смысла которой не понимал. И сейчас я за это умру. Я даже взмолиться о пощаде не мог; рука великана закрывала мне рот, пережимала гортань.

Но внезапно давление ослабло, и я снова смог вздохнуть и едва не рухнул под собственным весом, когда Боллинджер отпустил меня.

Через пару секунд я понял, что случилось. Вокруг толклись люди, среди них инструктор – Толлман, кажется, точно не помню, – и Боллинджер с хохотом делал вид, будто мы с ним просто дурачились. Должно быть, преподаватель со своей группой показались в конце коридора как раз вовремя, чтобы спасти мне жизнь.

Кто-то спросил, хорошо ли я себя чувствую, и я выдавил что-то вроде: «Да-да, Боллинджер просто силы своей не знает». Можно было подать жалобу, но в коридорах система видеонаблюдения не так совершенна, как в комнатах; мы стояли в «слепом пятне». Худшее, что грозило боевику, – выговор и пара дней дополнительной нагрузки.

– Я тебя еще достану, Хансен, – прошептал Боллинджер мне на ухо, покуда группа проходила мимо. – Я такое никому еще не спускал. И педику своему, Майклсону, передай, что я и его найду. И обоим вам, киски, покажу, как у нас в школе боя с такими обходятся.

Вот тут на меня накатило вдохновение. Словно разорвался полог туч и ослепительный луч солнца озарил меня, и я подумал: «А почему бы нет?»

– Ага, передам, – прохрипел я, ухмыляясь под маской, забыв в приливе сил о страхе. – Передам, что ты мечтаешь ему отсосать.

И в доли секунды, пока мои слова просочились сквозь двенадцать слоев сплошной кости к горошинке, заменявшей Боллинджеру мозги, я врезал ему по яйцам.

Выпучив глаза, он сдавленно прошипел что-то и, перегнувшись пополам, потянулся ко мне, но я увернулся и рванул со всех ног. Боллинджер дернулся было вслед, но ему было очень больно, а я быстро бегаю. Шансов у него не было.

За спиной я слышал презрительный хохот других боевиков. И Боллинджер, мучаясь от боли, тоже слышал.

10

Одной ошибки я избежал: не стал считать Боллинджера дураком только потому, что у него большие мускулы. Я не знал, насколько он популярен среди боевиков; решил, что весьма. Следовало предполагать, что любой боевик, встретивший меня на пути, немедля донесет об этом.

Замаскироваться я не могу; в этом году всего пятеро студентов проходили курс эльфирующих операций. Почти неделю я с большой осторожностью выбирал, когда и куда ходить; я пропускал одни занятия, задерживался на других, никогда не ходил одной дорогой дважды и держался в толпе.

И другой ошибки я избежал. Я не пытался переубедить Боллинджера, не втолковывал ему, что он с излишней горячностью реагирует на школярскую, в сущности, выходку. Я понимал, что в следующий раз, когда мы встретимся наедине, он меня убьет. И никакие аргументы, никакие обещания возмездия этого не изменят.

Кроме того, ничего избыточного в его реакции я не видел. Мы с Хари на пару поставили под сомнение его мужественность. Рабочему парню вроде Боллинджера нечего терять, кроме своих яиц. Он будет защищаться до смерти.

До моей смерти.

Мне не надо было даже спрашивать себя, откуда я это знаю. И так понятно было. Я начал думать как Хари.

Сообщения для Хари Майклсона я оставлял ежедневно, но он продолжал избегать меня. Несколько раз я замечал его по дороге, но он неизменно сворачивал туда, куда я не осмеливался следовать за ним, – в безлюдные места вроде продутых ветрами утесов над берегом. А мне кровь из носу нужно было достучаться до него, загнать в угол и заставить меня выслушать.

Утром, перед началом его первого семинара по виртуальным Приключениям, я дожидаясь Хари у дверей секции ВП. Он двигался в изрядной толпе будущих боевых магов с таким мрачным видом, что казалось, будто он один. Заметив меня, он остановился, но я знал: Хари скорее руку себе отгрызет, чем пропустит ВП. Он с омерзением мотнул головой и двинулся ко мне.

Я читал в его походке – он пройдет мимо, не сказав ни слова, рассчитывая, что толпа разделит нас. Поэтому я шагнул вперед и вытянул руку. И он на нее наткнулся.

Он бросил испепеляющий взгляд сначала на руку, а потом на меня:

– Вот трогать меня не стоит, Хансен.

– У меня для тебя новость, Хари. – Я старался говорить таким же тоном.

– В задницу твои новости. Убери руку, или я ее сломаю.

Последние маги просочились в зал; мы остались в коридоре одни.

– Хари, послушай минуту, а?

– Это ты не слы...

Я отвесил ему оплеуху – хороший хук справа, не слишком сильный, зато всем телом, как учит Толлман. Хари пошатнулся, едва не упав, и оперся о стену.

– Знаешь, до какой степени ты покойник? – спросил он, оскалившись. Получилось внушительно, но я знал, что это иллюзия. Если бы Хари говорил серьезно, я уже был бы покойником.

– Хочешь меня убить? – Я пожал плечами. – Становись в очередь.

– Ага. Слышал про вас с Боллинджером. – Он сплюнул на пол и поморщился. В слюне розовели прожилки крови. – «Враг моего врага» и все такое со мной не катит. Отвянь. Сам лоханулся.

– Ну нет, – ответил я. – Ничего умнее я в жизни своей не делал. Из-за этого мы оба окончим курс с отличием и отправимся в Надземный мир.

– Ага. Здорово. Я на занятие опаздываю.

– Не стоит. Хэммет вызовет тебя первым на сольную симуляцию.

Вот теперь я привлек его внимание. Взгляд его стал заинтересованным.

– Фигня. – (Я только улыбнулся.) – Откуда ты знаешь? – Хари сделал шаг вперед.

– Я дал ему за это взятку, – фыркнул я в его изумленное лицо. – Что проку быть богатым, если ничего не покупать на свои деньги?

Хари сделал еще шаг. Он стоял так близко, что я ощущал запах кофе в его дыхании.

– Зачем?

– У меня есть план. Как решить наши проблемы.

Из-за двери за моей спиной доносился голос Хэммета, читающего свою обычную лекцию о природе риска: «Вы, Актеры, исполняете строго определенную роль, вне зависимости от того, размахиваете вы мечом или швыряетесь молниями, сражаетесь на турнирах или исцеляете увечных. Все сводится к одному: ваша функция в обществе – интересными способами рисковать собой».

Хари тоже слышал. Он с едва скрытой тоской глянул мне за плечо. Мне не потребовалось влезать в его шкуру, чтобы понять: он думает, получится ли у него заняться именно этим.

– Ладно, – с досадой проговорил он. – Ладно. Слушаю.

– Времени нет объяснять. Когда тебя вызовут, Хэммет отправит тебя на Набережную. Я проходил этот сценарий – тяжело. Не пользуйся магией.

На лицо его отразилось не удивление, не непонимание, а лишь близкая к трансу сосредоточенность.

– Почему?

– Потому что ты слаб, Хари. Хэммет выставит тебя дураком. Он садист. У него последняя радость в жизни – унижать своих студентов.

– Но если я не стану колдовать...

– Просто не делай этого. Они ждут, что ты начнешь колдовать. Ты паршивый тауматург. Делай то, что умеешь.

Я вглядывался в него, пытаюсь понять, верит ли он хоть единому слову, но лицо Хари походило на маску. Я покачал головой:

– Иди. Хэммет тебя вот-вот вызовет.

– Крис...

– Нет времени, Хари. Хочешь поговорить – я буду в столовой за обедом на своем обычном месте. Иди.

11

Я сидел в задних рядах аудитории и вместе с остальными студентами наблюдал за Хари при помощи трех из четырех экранов над инструкторским пультом. Экраны показывали его сзади, спереди и сверху, четвертый демонстрировал нам то, что видит сам студент.

Хари шел по Набережной уверенно. Как и других студентов, его на прошлой неделе дважды загоняли в кабину, чтобы приучить к движению в костюме с обратной связью и почувствовать, как он тянет имитируемый Поток. На экране Хари снова выглядел тем же стандартным манекеном, который сражался со мной на лугу в просторной, неприметного цвета рубаше и штанах.

Набережной называлась еще одна стандартная симуляция, основанная на теранских доках, что на западном побережье Империи Анханан. Широкие некогда проходы между массивными каменными амбарами сплошь законопатили мелкие лавочки, таверны и дома терпи-

мости. На улице толпился народ, людишки всех сортов, щедро перемешанные с нечеловеческими расами Надземного мира, – но это была только видимость. Реально взаимодействовать Хари мог только с подсобниками Хэммета, пятью отставными Актерами, потевшими в костюмах обратной связи в других ВП-кабинах. Они сыграют остальные роли в этой симуляции.

Первый эпизод на Набережной выглядит очень просто. Проходя мимо темного проулка, студент слышит женский визг. Заглянув туда – а пройти мимо нельзя, если, конечно, студент не мечтает завалить семинар, – он видит, как мужчина колотит женщину здоровенной палкой. В распоряжении студента три заклинания: Малый Щит, довольно мощные чары телекинеза и, конечно, разряд Силы, которым умеет пользоваться любой заклинатель.

Большинство студентов – как я, например, – на полном серьезе приказывают мужчине отвалить, а когда тот отказывается, пытаются пустить в ход магию. Или накладывают Щит на женщину, или атакуют мужчину телекинезом либо разрядом.

Вот тут большинство студентов получают по голове, потому что мужчина не один – их четверо: еще один сзади и двое на крышах невысоких домиков по обе стороны проулка. И стоит студенту войти в транс, как все трое бросаются на него.

Не поймите меня превратно: отбиться от них можно. Улица и проулок намеренно построены таким образом, чтобы упрямый студент нашел себе оружие – разбитые кувшины, сломанные доски, вывороченные булыжники с кулак величиной, которые можно метать с помощью телекинеза, – или прибежище, где можно загородиться Щитом.

Однако в конце концов тебя все равно достанут. Даже если отобьешься ото всех четверых (чего, сколько мне известно, не удалось сделать никому, кроме вашего покорного слуги), женщина оказывается их пособницей и при первой возможности всадит тебе нож под ребра. Вот на это поймался я.

Смысл сценария, сколько я могу судить, в том, чтобы унижить студента – и вдолбить всем ученикам Колледжа боевой тауматургии, насколько они уязвимы, когда входят в транс. Победить нельзя, поэтому Хэммет после боя обычно читает лекцию о том, как красиво нам полагается умирать.

До инструктора впервые дошло, что испытание Хари пойдет не совсем по плану, когда тот заглянул за угол и увидел посреди проулка несчастную жертву. Лицо куклы ничего, понятное дело, не выражало, но бормотание Хари в динамиках источало яд.

– Оч-чень оригинально, – пробурчал он. – Сердце разрывается.

Он мотнул головой и переступил с ноги на ногу. Сердце у меня екнуло – мне показалось, будто Хари готовится войти в транс. Однако у него было другое на уме; нащупав носком неплотный пригнанный булыжник, Хари поднял его и подкинул на ладони.

В этом месте обычно студенты выходят вперед и тщетно пытаются внести свежую ноту в освященный временем клич: «Остановись, негодяй! Оставь сию добрую женщину!» Хари только поглядывал, как опускается дрын, задумчиво перекидывая камень из руки в руку.

Хэммет подключил микрофон:

– Майклсон, ты что делаешь?

– Вмешиваюсь, – буркнул Хари. – Этого от меня ждут, верно?

– Ну так шевелись!

– Ладно.

Он шагнул вперед и с воплем «Эй, задница!» швырнул камень. Мужик с дубиной обернулся на крик как раз вовремя, чтобы поймать зубами полкило булыжника. Актера сбilo с ног, точно бейсбольной битой.

Ученики Колледжа боевой тауматургии ахнули разом, точно оскорбленная праздностилица.

– Ну вмешался я, – со скукой в голосе сообщил Хари небесам. – Дальше что?

«Ахи» начали уступать место смешкам.

Хэммет рявкнул что-то невразумительное, и двое выжидавших на крышах прыгнули Хари прямо на голову. Но он словно ожидал этого и, шагнув в сторону, ухватил одного из нападающих за ноги и дернул. Бедолага перевернулся в полете и приземлился на шею.

Второй ушел в перекат, выхватывая нож, но Хари оставался всего шаг до стены проулка, где были свалены доски. К той секунде, когда парень с ножом поднялся на ноги, у него осталось едва ли мгновение, чтобы заметить стремительно приближающийся брус. Прикрыть голову рукой он еще успел, но удар сбил его с ног, и Хари завершил дело пинком в челюсть.

Когда прибежал четвертый подсобник, вооруженный мечом, остальные трое уже лежали. Хари выставил брус перед собой наизготовку, словно меч-боккен, и нападавший заколебался. На том экране, что показывал сцену глазами Хари, заметно было, как взгляд Актера скользнул в сторону; за спиной его противника стояла женщина.

И снова Хари оказался готов к этому; с противоестественной точностью он отступил в сторону, огрев женщину брусом по груди. Та замерла, и в этот миг нерешительности Хари бросил палку, выхватил нож из онемевших пальцев противницы и притянул ее к себе, закрывшись ее телом, будто щитом, и приставив клинок к ее горлу.

– Брось нож, или ей хана, – просипел он.

Не знаю, поверил ли ему Актер, но я поверил.

Потрясенная аудитория на миг смолкла, потом послышались редкие хлопки, сорвавшиеся в шторм бесполезных криков, когда тип, которого Хари уложил булыжником, поднялся и огрел героя дубиной по голове.

И даже тогда Хари упал не сразу. Полуоглушенный, он успел еще перерезать женщине плотку, отбросить тело и кинуться на нападающего, но теперь уже встали Актер с разбитым лицом и тот, что со сломанной шеей, и все навалились на обидчика с ножами и дубинками. Хари отбивался с яростью отчаяния, но со всеми разом справиться не мог.

Его измолотили в хлам.

Костюмы обратной связи запрограммированы на защиту от дурака: ничего хуже пары синяков и шишек в них заработать невозможно. С другой стороны, программа симуляции должна была отключать костюм, когда его носитель получает смертельный или оглушающий удар.

Хэммет, очевидно, поменял параметры симуляции со своего пульта, позволив встать всем своим подручным после виртуальной смерти – даже женщине с перерезанным горлом.

И чтобы вывести из строя Хари, они гоняли его пинками с одного конца переулка до другого заметно дольше, чем следовало. Они колотили его, насколько позволяет костюм, а он не издал ни звука. Только когда манекен распростерся на камнях, истекая кровью, Хэммет позволил симуляции завершиться.

– Майклсон, – бросил он в микрофон, – а теперь изволь объяснить, как это надо понимать.

Голос Хари доносился нечетко – видимо, потому, что его обладатель считался лежащим без сознания, – но ответ его прозвучал примерно так: «Лживый ублюдок...» По рядам пронесся одобрительный шепоток.

Хэммет побледнел, словно от смертельной обиды.

– Майклсон, ты у нас кто, клоун? – осведомился он ледяным голосом. – Почему ты не пользовался магией?

Хари издевательски хихикнул:

– Зачем?

– Тебя этому учат, олух! Ты же вроде тауматург, а?

– Я Актер, – ответил Хари. – Моя роль – интересными способами рисковать собой.

– Нечего надо мной насмехаться, дрянь поденщицкая! Как ты собираешься окончить курс боевой магии, если даже паршивого заклятия наложить не умеешь?!

Я тихонько поднялся со своего места и вышел. Судя по всему, спор только начинал разгораться, а все, что мне нужно было, я уже видел.

Мой план сработает.

12

В столовой я сидел отдельно. Для самозащиты я решил как можно больше находиться на виду у публики, во время трапез таким местом становилась столовая.

Обычно со мной сидели приятели; популярности моей последние события ничуть не уменьшили, и в Кобелятнике считалось престижным пообедать за моим столом. Никто из них не понимал, конечно, что происходит. Всем казалось, что я жутко храбрый, – из-за того как я обошелся с Боллинджером; они шутили, смеялись, говорили друг другу: «Видишь? Эти козлы-боевики вовсе не такие крутые. Там почти все работяги, мразь. Пустышки в обертках из мускулов» – и самодовольно поздравляли друг друга с высоким происхождением.

Я мог бы рассказать им, насколько крутыми бывают козлы с боевого курса. Я мог бы рассказать потомкам бизнесменских кланов Европы, жаждущим признания Профессионалам и самодовольным торгашам, какой сталью наполнено нутро пустышек этих работяг.

Но что толку? Мне не поверят, и подарить им то понимание, которое получил от Хари, я не мог. Подумают только, что я напускаю на себя важность, встаю в позу – как я думал о Хари. До боли хотелось по очереди запереть каждого из напыщенных подлецов, которых я прежде считал друзьями, в комнате наедине с Боллинджером. На десять минут. Пусть посмотрят в глаза этой «пустышке», когда она грозовой тучей нависает над ними. Это станет для них озарением.

Но в тот день, после виртуального дебюта Хари, прихлебатели и подпевалы разошлись быстро, и я в одиночестве листал «Культуру Первороденных» Хардангера, едва различая буквы на экране и раздумывая, найдет ли меня Хари.

Я добрался до третьего из пяти альтернативных переводов героической поэмы «Даннеллария Т'ффар», когда вошел Хари. Две недели назад я притворился бы, что поглощен чтением, чтобы набить себе цену. Сейчас у меня не было на это ни времени, ни терпения. Я захлопнул экран и дождался, пока Майклсон подойдет. На лице его наливались краской первые синяки, и шел он осторожно.

– Ладно. – Он глянул на меня со звериной опаской. – Слушаю.

– Садись.

Я махнул рукой в сторону кресла напротив и подождал, покуда Хари обдумывал предложение. Наконец он медленно опустился на сиденье, не сводя с меня взгляда.

– Ну так что? Теперь Хэммет меня ненавидит.

– Хэммет всех ненавидит, – отмахнулся я. – Не бери в голову.

– Меня избили ногами.

– Только потому, что Хэммет вмешался в параметры симуляции, и все в аудитории это знают. К вечеру эта история разойдется по всей Консерватории. Никто не проходил этот сценарий. Никто. Даже я. Ты станешь легендой Колледжа боевой тауматургии, Хари.

– Вроде тебя? Делов-то! И ты ждешь от меня благодарности?

– Эта история обеспечит тебе карьеру, – проговорил я. – Она подарит тебе диплом с отличием и билет в Надземный мир.

– Как я сдам экзамены, если даже гадского заклинания наложить не могу?

– Хари, Хари, Хари... – Я с напускной жалостью покачал головой. – Похоже, ты единственный в аудитории ничего не понял. Тебе не нужна магия, Хари. Оставь заклятия хлюпикам из высших каст вроде меня. Ты станешь легендой в Колледже боевой тауматургии, Хари.

Отдаю должное гибкости его мышления: Хари не фыркнул. Он откинулся на спинку кресла и уставился на меня, прищурившись в раздумье.

– Ты видел свою запись? – продолжал я. – Сегодня ты доказал, что можешь сражаться – и побеждать – даже против превосходящих сил. Хари, их было пятеро на одного. А у тебя не было даже оружия. Я никогда ничего подобного не видел. И никто здесь не видывал.

Хари покачал головой, и взгляд его заглодел. Я видел, как он отговаривает себя.

– Это ничего не доказывает. Потому и называется «симуляцией», Крис.

– Знаю. Чандра и думать об этом не станет, если мы не заставим его.

– И что ты предлагаешь?

Я сделал глубокий вдох и шумно выдохнул. На миг мне пришло в голову, что в Надземном мире я вошел бы в транс, потянулся к Силе и внедрил бы свои мысли в рассудок ничего не подозревающего Хари. Мысль была забавная; я слегка улыбнулся.

– Все зависит от того, сможешь ли ты, Хари Майклсон, тощий мелкий работяжка из Кобелятника для слабосильных, устоять против опытного бойца втрое крупнее тебя в реальном мире в драке без правил, – начал я и продолжил бы, но Хари и так все понял:

– Ты говоришь о Боллинджере.

Я кивнул:

– Ты можешь биться с ним рогами, сколько влезет, но я? – Я развел руками. – Мне надо разобраться с ним, покуда он меня не убил. Я все продумал: мы перевяжем его ленточкой, и все будут счастливы.

– Это как?

Я поднял руку:

– Сначала скажи: что думаешь?

– Перейти на боевое отделение? Черт, Крис, не выйдет. Там девки тяжелее меня на десять кило. Тебя когда-нибудь бил парень вдвое тяжелее тебя?

– Один раз, – мрачно признался я. – Мне не понравилось. Но мы не об этом говорим. Забудь о том, насколько это возможно. Ты этого хочешь?

Он сидел, глядя сквозь меня, и молчал.

Я наклонился к нему.

– Я знаю, – прошептал я. – Я знаю, почему ты попал в Колледж боевой тауматургии. Почему ты хочешь стать Актером. Потому что в глубине души ты любишь бить людей. – Он не стал отпираться. Я ухмыльнулся. – Сделаешь это на Земле – и ты ээк либо киборг. Сделаешь это в Надземном мире – ты звезда. – (Хари прищурился.) – Конечно, – продолжал я, – Колледж был твоим единственным шансом попасть в Надземный мир, но это уже не так. Ты не справишься, Хари. Таланта нет.

Он стиснул зубы, потемнел лицом.

– А знаешь почему? – спросил я. – Почему тебе никогда не стать адептом? Я понял это, когда мы дрались на лугу. Твоя Оболочка. Она окружает только кулаки. Потому что, когда ты думаешь о чужой боли, когда отпускаешь свой поводок, тебе плевать на магию. Ты хочешь драться голыми руками.

Хари подобрал мой блокноп, поиграл с крышкой. Редкие отсветы от экрана озаряли его склоненное лицо.

– Сегодня в сценарии, когда ты метнул камень и все кинулись на тебя, ты ведь даже не подумал воспользоваться магией, да? Не из-за того, что я тебе сказал. Тебе в голову не пришло наложить чары. Ты забыл, верно?

– Нет, – отозвался он едва слышно, прикрыв глаза. – Нет, я не забыл. Просто...

– Что просто?

Он поднял взгляд, сосредоточенный и спокойный, как у льва на охоте. Лицо его сияло.

– Я увлекся.

13

На все про все ушло три дня.

К концу третьего, сдав курсовую по западным диалектам языка Перворожденных, я забрел в мужскую уборную корпуса лингвистики, и там меня подждал Боллинджер.

Сортир в корпусе лингвистики маленький: четыре кабинки, шесть писсуаров, две раковины и шкафчик для туалетной бумаги и прочих мелочей. Мы с Хари выбрали его, потому что там только одна камера наблюдения, которая охватывает практически всю площадь сортира.

Я стоял у писсуара, придерживая член рукой, и от страха не мог выдавить из себя ни капли. По спине бежали мурашки. Когда я объяснил Хари свой план, он глянул на меня с прищуром – как обычно, когда его что-то изумляло, – и пробормотал:

– Знаешь, ты голову свою прозакладываешь, что я устою против Боллинджера.

– Ага, – ответил я тогда легкомысленно. – Или хотя бы остановишь его, покуда охранники не прибегут.

Но теперь, когда я стоял у писсуара и двери всех четырех кабинок распахнулись одновременно, и рука, похожая на ковш экскаватора, ухватила меня за загривок, впечатав лицом в холодный кафель, и Боллинджер сказал: «Тони, держи дверь», мне не составило никакого труда помочиться.

Он был не один.

Мы уверены были, что он сделает это сам, – почему нет? Мы уверены были, что он не позовет никого на помощь – не против меня. Что он не захочет лишних свидетелей. Чертовски уверены.

Убийственно.

И я ожидал зверских шуток, хищной игривости, притворных хохмочек, которыми Боллинджер потянет время, прежде чем взяться меня всерьез убивать. Вместо этого он попытался продолбить стену моей головой.

Перед глазами у меня хлынул звездный дождь, колени подкосились. Уборная пошла волнами, когда могучая рука развернула меня, прижав к стене. Взгляд медвежьих глазок презрительно скользнул вниз, к сжавшемуся члену.

– Не, штаны не поддегивай, – лениво промолвил он. – Тебе идет.

– Боллинджер, – прохрипел я, – не...

Он снова приложил меня о стену. Свет ламп приобрел буро-рыжий оттенок, и я уже не мог сказать, привел он с собой двоих приятелей, или четверых, или даже шестерых, потому что забыл, как считать, да и вообще – что такое цифры?

– Не надо было на меня наезжать, Хансен, – прохрипел Боллинджер. – Я бы стерпел, да ты на меня бросился. Пришлось защищаться. Несчастье, вот как вышло. Я тебя даже и бить-то не хотел...

– Боллин...

– Заткнись. – Его кулачище пробил мои ребра, как танкер, и что-то внутри лопнуло. В горле забулькала кровь.

– Ну, козлина, – пробормотал он, запуская толстые пальцы под край пластиковой маски, – посмотрим...

Он сорвал маску с моего лица. Вместе с ней сошло немного мяса.

– Господи! – выдохнул он с омерзением. – Ты же типа красавчик был?

Я невольно поднял руку к обезображенному лицу, и Боллинджер швырнул меня наземь. В последний миг я ухватился за стену и сполз по ней, оставляя на кафеле кровавые следы, чтобы, задыхаясь, уставиться на них, точно эти сдвоенные алые полосы таили спасительную для меня тайну.

Боллинджер пнул меня в живот с такой силой, что тело мое оторвалось от пола, и отступил, давая приятелям возможность развлечься.

Я услышал мокрый хруст, словно выбили прогнившую дверь. В тот же миг чей-то башмак обрушился мне на голову – и все потемнело.

Последним, что запомнилось мне, стала камера наблюдения в углу под потолком. Диод-индикатор, который светится алым, если камера включена, был черен, словно вороний глаз.

14

Когда смотришь запись боя в сортире, сильнее всего поражает, насколько быстро движется Хари. Скорость и противоестественная точность – будто танцор исполняет заученные па.

Я еще падаю на пол после пинка Боллинджера, когда он вылетает из-за края экрана в прыжке, в блоке с подсечкой, бедром бьет по колену ближайшего боевика. Колено гнется вбок, издает тот ломкий хруст, что я приписал двери, и боевик – Ян Колон из Мадрида, как я узнал позже, – падает, от шока даже не ощущая боли.

Минус один.

Боллинджер пинает меня еще раз; он еще не понял, что случилось. На экране я лежу без сознания, свернувшись клубком вокруг сломанных ребер. Еще один кореш Боллинджера – Пэт Коннор из Дан-Лаогхайра, это пригород Дублина, – разворачивается, поднимая свое оружие – полметра стальной трубы. Хари прыгает на него, стискивает его горло руками, а торс – коленями. Спина Хари обращена к камере, что он делает – не разобрать, но Коннор пару раз успевает огреть его трубой, а Хари даже не замечает.

Потом Хари отпускает его, Коннор с воем роняет трубу и, шатаясь, отходит, закрыв руками лицо. Между его пальцами стекает кровь. Когда мы просматривали запись, я уже знал, что Хари воткнул ему палец в левую глазницу так глубоко, что разорвал мышцы глазницы.

Минус два.

Собственно, минус три, потому что Энтони Джефферсон, стоящий на стреме, пришел развлечься после обеда на тихий, безопасный мордобой. Позднее он утверждал, будто Боллинджер собирался отмутузить меня только для остротки. Может, и так, но совать руку в мясорубку он точно не собирался. Когда двое его приятелей стали калеками меньше чем за десять секунд, нервы его не выдержали, и он с воплями ринулся в коридор, зовя охрану.

Боллинджер, с другой стороны...

Крики приятелей доставляли ему непонятную радость, наполняли, судя по всему, необъяснимой уверенностью и счастьем. Он оборачивается к Хари, как медведь, заведший росомаху, могучие плечи неуклюже опускаются, когда он становится в борцовскую стойку. И в походке его есть нечто медвежье – медлительное, могучее, неловкое, словно он не привык ходить вперевалку на двух ногах.

Хари бьет, точно змея, нечеловечески быстро, так что глазу не уследить, – в колено, пытаюсь изувечить. И тут становится ясно, что неловкость Боллинджера – уловка, призванная обмануть противника. Великан не случайно занимает на своем курсе первые места.

Он поднимает ногу – невысоко, на несколько сантиметров, ровно настолько, чтобы удар пришелся по голени, не причинив вреда, – а затем падает на Хари, как подорванная стена.

Оба валятся на пол, Боллинджер – сверху, и снова вы не можете толком разглядеть, что они делают. В программу тренировки боевиков входит джиу-джитсу в партере; хрюканье и мокрый хруст – это отзвуки того, что творится сейчас с суставами Хари.

На заднем плане – это я, переворачиваюсь и пытаюсь встать. Точно помню: я знал, что Хари в беде и я должен шевелиться; хочется думать, что пытался помочь ему, но не знаю, – может, это самообман.

Скорей всего, я пытался унести ноги.

Я как раз успеваю подняться, когда Хари каким-то образом вытаскивает руку из удушающих объятий Боллинджера и хватает тот полуметровый обрезок трубы, что обронил Коннор. Бьет великана по голове. И еще раз, словно объясняя, что в первый раз это не случайно вышло. Но Боллинджер не дилетант; вместо того чтобы откатиться и дать Хари пространство для замаха, он прижимается к противнику, пытаясь перехватить его руку. А потом дергается судорожно, вздымается могучим толчком, не обращая внимания на лишний вес Хари, а тот припал к его лицу, держась зубами...

Боллинджер с воем отпихивает противника, брызжет кровью; Хари ударяется о стену, в перегородку между кабинками и тут же вскакивает, будто резиновый манекен. Рука его свисает безвольно – вывих плеча, одна нога не держит вес тела, но он все еще улыбается, выплевывая кусок Боллинджеровой щеки.

Великан бросается на своего мучителя снова, но теперь у Хари есть и время, и место для размаха. Труба врезается в предплечье Боллинджера с влажным хрустом, переламывая кость, а Хари, вместо того чтобы замахнуться снова, делает полный разворот, как в танце. Перебитая рука опускается, и Боллинджеру нечем заслониться, когда труба со свистом – ясно слышным свистом, словно дунули в бутылку, – проламывает ему череп над правым ухом.

Глаза Боллинджера закатываются, он падает на колени, лицо его обмякает – как у куклы, у трупа, – потом он рушится на холодные плитки пола и замирает.

Хари стоит над его телом, пошатываясь, щеки его горят огнем.

Когда прибегают охранники, я наношу свой единственный удар в этом бою: стоя на коленях у тела Боллинджера, заливаю его блевотиной.

15

Потом из нас сделали героев – особенно из Хари. Свидетельство камеры видеонаблюдения было неопровержимо: он спас мне жизнь.

Была, правда, пара зацепок, весьма заинтересовавших следователей из службы безопасности. Во-первых, они никак не могли понять, каким образом Хари прошел в дверь уборной, если ее удерживал студент-боевик на сорок кило его тяжелее. «Не знаю, – твердил Хари упрямо. – Я его даже не заметил. Может, он просто стоял у двери, а не держал ее».

Мы, конечно, не собирались никому рассказывать, что Хари больше часа ждал своего выхода в шкафчике для туалетной бумаги.

Еще следователи не понимали, каким образом Боллинджер собирался избежать наказания, когда все происходило под бдительным оком камеры видеонаблюдения. На эту тему нас трясли пару дней, а мы настаивали на собственном невежестве, покуда Боллинджер не пришел в себя настолько, чтобы отвечать на вопросы заплетающимся, непослушным теперь языком.

Похоже было, что некий студент Колледжа боевой тауматургии, по фамилии Пирсон, затеял со мной ссору. Не осознавая всей серьезности намерений Боллинджера, он предложил ему помочь сквитаться со мной, отключив камеру наблюдения. Пару дней последив за мною, банда Боллинджера пришла к выводу, что разобраться со мной лучше всего в уборной корпуса лингвистики, – туда я заходил каждый день в одно и то же время, между занятиями.

На допросе Пирсон признался во всем с хорошо разыгранной стеснительностью. Он настаивал на том, что откуда ему было знать, что Боллинджер собирается не просто напугать и унижить меня? Что же до камеры наблюдения, то Пирсон только плечами пожал. «Наверное, умения не хватило. Я отключил только индикаторный диод. Позор на мою голову».

Пирсон происходил из Профессионалов, родители его были инженерами-электриками. Поэтому сделал он именно то, о чем попросил я, – парень входил в число тех лизоблюдов, что толпились у моего столика, – а заодно сделал отводку от шины данных, чтобы сделать собственную запись случившегося.

С открытого терминала в библиотеке запись перегнали на главный сервер Консерватории, а оттуда, не оставляя следов, электронной почтой отправили Бизнесмену Марку Вайло, Патрону Хари, вместе с докладной от самого Хари, содержавшей вполне конкретные инструкции по использованию этой записи.

Мы с Хари и Пирсоном согласовали версии заговора, и легенда была достаточно примитивной, чтобы мы не запутались в собственной лжи. При беседе с местными охранниками я даже не вспотел.

Вот когда прибыла Социальная полиция – да.

Их было четверо – полный взвод. Безликие за зеркальными забралами касок, в скрадывающей телосложение броне, они встали стеной у моей лазаретной койки и по очереди задавали вопросы голосами, стертыми до полной невыразительности при помощи оцифровщиков в шлемах. Глядя на них, я пугался больше, чем когда Боллинджер пытался расколоть мне череп о стену в том сортире.

Мои проступки вовсе не интересовали их: они собирали улики против Боллинджера по обвинению в насильственном межкастовом контакте. Иск подал мой отец; ему казалось, что наши семейные законники сумеют найти лазейку в уставе Консерватории, считавшейся кастово нейтральной территорией. Если так, то Боллинджеру грозил смертный приговор.

Все, о чем хотела знать Социальная полиция, – понимал ли Боллинджер, что я выше его по рангу. И все. Но у меня при разговоре с ними язык отнимался. Я боялся их до усрачки.

На протяжении всей беседы я видел одно только лицо – собственное, издевательски отраженное кривыми зеркалами серебряных забрал. Соцполы обращались только ко мне, не перемолвившись между собою ни словом, и голоса всех четверых звучали совершенно одинаково.

Я, как и все остальное человечество, всегда полагал, что маски Социальной полиции созданы специально, чтобы защитить ее агентов от опознания, чтобы не помешать их умению скрываться под личинами, тайно проникать в ряды врагов цивилизации. Никогда личность работника Социальной полиции не раскрывалась для публики, ни один ее офицер не появлялся на людях без серебряной маски, бесформенной брони и оцифровщика голоса – даже в суде.

Ребятня пугает друг друга страшными байками о том, что даже жены и мужья соцполов до конца своих дней не узнают, чем занимаются их супруги. Я уже к тому времени повзрослел достаточно, чтобы понимать, до какой степени преувеличены эти сказки, но сейчас я ощутил за ними пугающий трепет скованной истины, словно земля под ногами сдвинулась, открывая новые перспективы, новый угол обзора реальности, так что свет лазаретных ламп охолодел, и запах антисептика, пропитавший мою кожу вместе с простынями, превратился в зловещие неопишуемые миазмы.

Я поймал себя на том, что прикидываю про себя, а нет ли в штабе Социальной полиции закрытой комнаты, где соцполы могли бы снять надоевшие маски и хотя бы наедине друг с другом побыть просто мужчинами и женщинами. Инстинктивно я сомневался в этом; даже единственный миг олицетворения подорвал бы неким образом их власть, нарушил незримую магическую броню анонимности.

Они все терзали меня насчет Боллинджера, заходя то так, то этак, словно, повторив один и тот же вопрос множество раз, могли добиться нужного им ответа. А я и хотел бы его им дать, правда, хотел бы – вот только не знал, если уж честно, понимал ли Боллинджер в глубине души, что я из семьи Бизнесменов. Я повторял это снова и снова, а соцполы все не отступались, будто гончие, преследуя оленя. В конце концов у меня родилось тошнотворное чувство, будто они и не Боллинджера вовсе хотят прижучить, что их настоящей целью было и остается вытянуть из меня ложь, ту ложь, которая убьет его.

Они хотели его смерти – да! Но хуже того – они хотели сделать меня пособником его убийства.

Это я понял не потому, что заглянул в их души. Пару раз на меня накатывало слабое головокружение, словно перед входом, но я так и не ощутил ничего. А может, и ощутил. Может, это оно и было.

Может, я все-таки заглянул в их души, а там – пусто.

16

В конце того дня, вскоре после обеда, меня навестил в лазарете Чандра и привел с собою Хари.

Меня опутывали трубки – респиратор и внутривенные катетеры, голова кружилась от плывущих в крови продуктов метаболизма анестетика. Пару часов мне пришлось провести на операционном столе – зашивали легкое, проткнутое сломанным ребром, и селезенку, разорванную ударом Боллинджера. Потом меня долго-долго допрашивала Социальная полиция. Я переживал мучительную усталость, смятение, нарастающую боль. И, несмотря на это, когда я увидел выражение лица Чандры, мне захотелось танцевать.

Он был напуган, нерешителен, стар. Разбит. Хуже того – ранен. Он был похож на подстреленного оленя, теряющего силы с каждым шагом и не понимающего – почему.

Хари катился рядом с ним в инвалидном кресле. Одну ногу в фиксирующих разорванные коленные связки шинах ему пришлось выставить перед собой; левое плечо поддерживала прозрачная пластиковая рамка. Но если он и испытывал боль, сквозь яростный восторг на его лице она не могла пробиться.

– Хансен, – от усталости резко проговорил Чандра. – Я провел телеконференцию с твоим отцом и... – губы его горько скривились, – с Бизнесменом Вайло.

Взгляды наши встретились, и по лицу Администратора словно прокатилась волна, оставляя за собой пустоту.

– С завтрашнего дня академические часы Майклсона будут переведены, он зачислен в Колледж боевых искусств. А ты... – Голос его пресекался, потом старик нашел силы продолжить: – Ты предстанешь перед Выпускным советом в июле, согласно графику. В обмен на это твой отец согласился снять иск о насильственном контакте против бедолаги Боллинджера, а Бизнесмен Вайло оставит меня – Консерваторию – в покое.

«Бедолаги Боллинджера?» – мелькнуло у меня в голове, но не это я хотел сказать. Свою речь я подготовил заранее и не имел намерения милость к падшим проявлять.

– Очень щедро с его стороны, – отозвался я. Пластиковая маска-респиратор придавала моему голосу гулкий властный оттенок. – Со стороны их обоих. Мне кажется, что в этом заведении проявилась традиционная слабость власти, Администратор, и только ошибками руководства можно объяснить устоявшуюся атмосферу либеральничания и насилия, когда побои и запугивание не только дозволяются, но и поощряются. Я едва не лишился жизни, потому что вы не исполнили основного своего долга: поддерживать порядок в учреждении.

Прозвучало это солидно, а на душе было еще лучше – я выражался в точности как отец и начинал понимать наслаждение от праведной выволочки.

Вот только Чандра не был раздавлен. Печаль смыло с его лица.

– Когда Вайло пригрозил подать в Совет управляющих прошение о моей отставке, я едва не рассмеялся ему в лицо. Пусть расследуют. Пусть выяснят правду. Видишь ли, Хансен, я знаю. Я твердо знаю, что вы с Майклсоном все это подстроили. Знаю.

Хари даже не моргнул. Инстинкт подзуживал меня встать на дыбы, но я последовал примеру Хари и постарался сохранить как можно более нейтральное выражение лица.

Чандра окинул взглядом нас обоих, и жесткое выражение на его лице растаяло под наплывом усталости и отчаяния.

– Я только не знаю зачем. Не понимаю, как это... мы... оказались здесь, в лазарете. Не понимаю, почему мы должны искать донора глазного яблока для Пэта Коннора. Почему Ян Колон сейчас проходит реконструктивную операцию на коленном суставе. Боллинджер в коме, в Афинах; лучший нейрохирург Европы только что закончил извлекать осколки черепа из правого полушария его мозга. Считается, что бедняга выживет, но полная картина увечий будет ясна только через несколько дней или недель.

Под ложечкой у меня набирал вес ленивый склизкий комок тошноты.

В глазах Чандры плескалась чистая боль.

– Вы получите то, чего добивались. Оба. Я... я не могу вынести, что... – Он всхлипнул, потом собрался. – Хватит крови. Один студент изувечен, другой искалечен, у третьего проломлен череп и поврежден мозг. Твоя работа, Хансен. И твоя, Майклсон. И ради чего? Чтобы получить перевод в Колледж боевых искусств? – Он беспомощно развел руками. – Ну почему – вот так? Другого способа не нашли?

Я хотел ответить, но слова не шли на язык. Респиратор будто вытянул воздух из моих легких, как уже высосал влагу с губ. Я покосился на Хари, но тот был бесстрастен, словно шаманская маска.

Чандра покачал головой. В глазах его блестели непролитые слезы.

– Неужели нельзя было просто спросить?

17

Часы складывались в дни, дни – в недели. Хари выписали из лазарета намного раньше меня; когда мы с ним столкнулись в следующий раз, он уже занял свое место в Боевой школе. Хотя ни ростом, ни весом он не вышел, чтобы одерживать верх в танковых баталиях между неповоротливыми рыцарями в тяжелой броне, Хари не уставал повторять, что даже в Надземном мире доспехи иногда приходится снимать. Сам он не утруждал себя напяливанием снаряжения, но никто из студентов не рисковал незащищенным выступить против него с деревянным мечом.

Большую часть времени Хари посвящал тренировкам с Хэмметом и Толлманом – изучал способы победить бронированного противника, пользовался своей подвижностью и легкостью, чтобы сбить врага с ног или войти в тесный контакт, когда меч бесполезен, а стилет легко пронзит забрало или воткнется под кольчужный воротник. В этом он преуспел, как я и предполагал. Хари не был настолько одарен природой, чтобы постоянно брать верх над действительно талантливыми боевиками – такими, как Боллинджер, но этого хватало, чтобы даже лучшие с опаской выходили против него в додзё или в симуляции ВП.

Он стал знаменитостью студгородка, экспонатом, звездой единоличного шоу уродов. На острове не осталось ни единого человека, кто не знал бы, кто он такой; кто не хотел бы любой ценой приблизиться к нему. Вокруг его столика в кафе, как раньше вокруг моего, собиралась толпа.

Он стал идолом растущего кружка благоговееющих студентов-магов и неофициальным талисманом Колледжа боевых искусств. Коннор и Колон взяли привычку следовать за ним, словно молодые волки за вожаком стаи; не держа на него зла за увечья, они хвастались ими, рассказывали, как Хари выдавил Коннору глаз и почему Колон до сих пор немного прихрамывает. Отметки его по всем предметам неуклонно росли, особенно по академическим дисциплинам. К тому времени, когда начались турниры – в неделю моих экзаменов, ясно было, что Хари окажется одним из первых на курсе.

Я не завидовал ему. Он заслужил славу. Подстава там или не подстава, а Хари был героем. С голыми руками выйти против четверых боевиков – этого не было в нашем плане, но Хари

не поколебался. И я никогда не забуду, что он мог просто отсидеться в шкафу и дать им убить меня.

Вот только Боллинджер... Обломки кости повредили ему мозг. Мне передали, что левосторонний парез частично прошел – настолько, что бывший студент мог ходить с костылем. Но глаз потерял способность к аккомодации, левая сторона лица застыла в вечной кривой ухмылке, и Боллинджер никогда не станет Актером, никогда не попадет в Надземный мир. Остаток дней он проведет в приюте, в родной Филадельфии, на минимальном пособии.

Однажды я едва не позвонил ему. Не знаю, что бы я сказал ему, – что тут вообще можно сказать? Как можно объяснить, что я каждый день раз за разом, стоило мне отвлечься, влезал в его шкуру, каждый день становился им – страдающим от недержания, распростертым на госпитальной койке, когда медсестра вытряхивает в утку его подгузник. Мучительно ковыляющим по залу физиотерапии с пристегнутым к плечу стальным костылем вместо здоровой ноги, подволакивающим омертвевшую половину своей когда-то величайшей гордости – своего тела. Чувствовал, как из моего навсегда полуоткрытого рта стекает струйка слюны.

Может, я хотел сказать ему, что никогда не забуду, сколько пришлось заплатить за исполнение моей мечты.

Я сдал экзамены за семестр, все на высший балл, как обычно. Я перетерпел остаток эльфирующих операций, ходил на занятия, делал курсовые, жил как живется.

Держался в стороне.

Я ел в своей комнате, ни с кем не разговаривал в кампусе. Я бродил из класса в класс, как привидение. Вскоре и со мной перестали заговаривать. У моего кружка подлипал нашелся новый герой, а я только рад был от них избавиться.

В кошмарах мне являлась вовсе не физиономия Боллинджера. Я видел лицо Чандры и слышал его голос. Он спрашивал: неужели не было другого способа?

Хари, однако, остался со мной. Не думаю, что я особенно ему приглянулся; кажется, он считал, что в долгу у меня, и поэтому возвращался, заговаривая со мной, не позволяя опустить руки.

Именно Хари твердил, что не надо разыгрывать навязанный Чандрой гамбит вины, напоминая, что именно упрямство Чандры заварило кашу. Произнесенная в лазарете речь Администратора, говорил он, не больше чем попытка слабака избежать ответственности за свои поступки. Может, так оно и было, только фактов это не меняло.

Я даже не пытался поступить иначе. Даже не подумал, что это возможно.

Быть может, постаравшись, я смог бы спасти свою мечту, не убивая мечты Боллинджера. Я рухнул в мир по Хари Майклсону. Обратился к насилию, устроил бойню, потому что так было *легче* – проще и эффективнее.

Веселее.

Такую цену за свою мечту я не мог платить. Я продолжал учиться по инерции. Никому не сказав, даже Хари, я принял решение. Я брошу актерское ремесло. Плюну на Надземный мир. Позволю умереть мечте о магии. Боллинджеру это не поможет, конечно. Зато я хоть буду спать спокойно.

Достаточно просрать экзамены, и больше выбора не будет. Пересдачи не существует. Если проваливаешься перед Выпускным советом, тебя просто отправляют домой.

В ночь перед экзаменами Хари Майклсон снова спас мне жизнь.

Мы сидели в моей комнате за литровой бутылкой рецины и говорили о карьере. В Консерватории принято, чтобы друзья студента посидели с ним в ночь перед экзаменом. Вы все равно слишком нервничаете, чтобы спать, и вам нужны друзья, чтобы составить вам компанию.

Кроме Хари, друзей у меня не осталось.

Когда придет его черед устраивать ночное бдение – в следующем семестре, у него в комнате набьется столько доброжелателей, что будет не протиснуться. В тот вечер мы сидели вдвоем по берегам лужи бледно-желтого света, разлитой настольной лампой, пили кислое, отдающее смолой вино и разговаривали вполголоса – все больше о нем, потому что, если бы речь зашла обо мне, я не смог бы ни говорить, ни слушать.

– Да ну, Крис, – пробормотал он, слегка запинаясь, и осушил последний стакан. – Думаешь, у меня правда прокатит?

– Хари, – серьезно ответил я, – ты уже звезда. Глянь, как все на тебя смотрят. Любой знает, что ты далеко пойдешь. Ты словно из фильма про самураев вышел или там про пиратов. Актерская индустрия всегда ищет чего-нибудь новенького... и даже этого мало. Что бы это ни было, у тебя оно есть. То, что делает звезду. Я это вижу. И ты видишь. Ну прикинь, как ты, не знаю, ожил, что ли, когда на тебя начали обращать внимание. Черт, если бы я тебя похуже знал, то решил бы, что ты счастлив.

Он улыбнулся доньшку пустого стакана, глядя куда-то в далекое будущее.

– И кем мы, по-твоему, будем через двадцать лет? Звездами мировой Сети? Журналы, посвященные нашей сексуальной жизни, и все такое?

Я пожал плечами:

– Ты – может быть, если доживешь. Я? Думаю, я стану вице-президентом чего-нибудь в Мальмё, в семейной индустрии.

Слова слетели с языка так легко, будто почти не причиняли боли.

Он полупьяно воззрился на меня по-совиному, не понимая.

Я покачал головой в ответ на невысказанный вопрос и втянул воздух, больно царапнувший оцепеневшее сердце.

В конце концов пришлось бы ему сказать. Тщеславие, конечно. Мне казалось, что я сумею перенести и смешки за спиной, и всеобщее «Я знал, что он не сдюжит», и лживые соболезнования остальных студентов, когда не сдам экзамены. Но только не от Хари. Ему я должен был сказать, что провалился нарочно. Из всех, кого я знал в своей жизни, ему я более всего хотел доказать, что могу пройти любой тест – только не желаю.

Чтобы он понял: я отказался, а не провалился.

– Не могу, Хари, – пробормотал я. – И так подумаю, и эдак, по-всякому... не могу. Помнишь, что ты мне заявил, когда мы только познакомились, столько месяцев тому назад? «Характер не тот». Ты был прав. Не тот.

– Херня.

– Правда.

– Херня это, вот что! – яростно прошептал Хари. – Все из-за Боллинджера, так?

– Ага.

– Он получил то, на что напрашивался. Умолял просто.

– Не в том дело.

– Тогда в чем? В чем?

Лицо его налилось краской. Он явно сдерживался, чтобы не врезать мне, будто мог вышибить дурь из моей головы.

Если бы все было так просто.

– Я трус, – беспомощно признался я.

– Что? Потому что сложился, когда он тебе врезал? Господи Иисусе, Крис! Боллинджер был тебя втрое тяжелей. Живой бульдозер, блин. У тебя не было ни шанса – а ты все равно сунулся в тот галюн. Отвага бывает разная, Крис. Бывает горячая – как у меня. Начнется драка, и меня затягивает – но таких парней навалом. У тебя смелость холодная. Ледяная, парень. Ты, наверное, самый храбрый сукин сын, какого я в жизни видывал.

В глазах у меня защипало, язык завязался узлом. Я только и смог, что покачать головой. Что тут объяснишь? Но если я не начну говорить, то расплачусь, а я бы, скорее, повесился.

– Я всегда хотел одного – попасть в Надземный мир, – проговорил я. – Всю жизнь мечтал быть Актером. Ты знаешь, что такое быть Актером, Хари? Это значит каждый день возвращаться в тот сортир.

– Ты справишься, – настаивал он. – В Надземном мире ты станешь самым крутым парнем в квартале – как в тот раз, когда раскатал меня на лугу...

– Не в том дело! – воскликнул я. – Не в опасности. Плевал я на нее. Я возвращаюсь в тот сортир, потому что вынужден кого-то калечить, убивать – только ради того, чтобы поднять цену своих акций, заработать пару тысяч долбанных марок! Что мне с тех марок? Я и без того богат. Ну что мне нужно такого ценного, что стоит чьей-то жизни?

– Либерал, твою мать! – пробормотал Хари. – Аристократ. Нет ничего дешевле жизни. Будь ты Рабочим, ты бы знал – у нас это в крови. Черт, в Миссионерском округе чью-нибудь голову можно купить дешевле, чем хороший бифштекс.

– Так это для тебя, – отозвался я. – А для меня – нет. Прикидываться без толку.

– Тогда у нас, кажется, проблема.

– У нас?

Он откинулся на спинку кресла и поставил стакан на пол.

– Ага. У нас. Это не только твоя проблема. Ты мой лучший друг, Крис.

– Ну да! Хари, ты же меня еле терпишь!

– Ты спас мне жизнь. Я такого не забываю.

Я хотел возразить, но он оборвал меня:

– Нет. Спас. Ты провалишь экзамен – ты возвращаешься к жизни скандинавского Бизнесмена. Это одно. Не так плохо. Я провалюсь – я возвращаюсь в поденщицкие трущобы Сан-Франциско. Это другое. Ты спас мою карьеру, а это важнее жизни. Я не позволю тебе страдать из-за этого.

– Поздно, – с горечью вымолвил я.

– Слушай, предположим, ты сдашь экзамен. Что потом?

– Как обычно. Два года полевой практики в Надземном мире – для акклиматизации и тренировки на местности, если получится; допустим, я найду адепта, который меня примет в ученики. Потом возвращаюсь, чтобы получить имплантат...

Шанс вспыхнул у меня перед глазами, и Хари уловил это, когда по моей физиономии расплзлась первая за много месяцев улыбка.

– Понял, Хансен? – Он ухмыльнулся в ответ. – Ты все по правилам метишь играть, парень. Все думаешь, что ты должен делать. Что тебе важно на самом деле – стать Актером или все же попасть в Надземный мир? Кто сказал, что это комплект?

– Я... я...

Сказать мне было нечего. В голове у меня эхом отдавались слова Хари: «Кто сказал, что это комплект?»

19

На следующий день я сдал выпускные экзамены с самым высоким баллом за последнее десятилетие.

20

Следующую неделю я провел, мотаясь по Консерватории, – собирал вещи, готовился. Это было моим домом в течение трех лет, и трудно было поверить, что больше я его не увижу.

В ту же неделю с меня наконец окончательно сняли хирургическую маску. Теперь, глядя в зеркало, я видел незнакомые черты Перворожденного чародея.

Мое истинное лицо.

Меня порой до сих пор от его вида передергивает.

«Я эльф», – повторяю я себе снова и снова.

Я эльф.

Еще я потратил немного времени, наблюдая за ходом турниров. Мой голос сливался с восторженными воплями студентов Кобелятника, когда Хари своим неуставным способом пробивался от этапа к этапу. Финальный бой он, правда, завалил, но, когда поздравлял победителя, на залитом кровью лице отражалась такая дикая радость, будто он сам стал чемпионом.

Потом я на неделю отправился домой – повидаться с отцом и матерью, со старшими братьями и маленькой сестренкой, побродить по полям вокруг усадьбы, порыбачить, навестить окрестности Мальмё, где я вырос...

Попрощаться.

А потом вернулся в Консерваторию, записал это все и спрятал так, чтобы потом мои заметки нашли и кто-нибудь – может, отец, может, Хари, а может, и я сам – прочел их и понял.

Завтра я через Трансфер отправлюсь в Надземный мир на полевую практику. Два года спустя я могу появиться в одной из фиксированных точек переноса, чтобы вернуться в Студию, на Землю, к карьере Актера.

А могу и не появиться.

За два года случиться может всякое. Многие студенты гибнут. Надземный мир – опасное местечко, особенно для нас, знакомых с ним лишь понаслышке. Иные студенты исчезают, и больше никто никогда не слышит о них.

Подозреваю, что это случится и со мной.

Все дело в Хари, понимаете. Он умнее, чем я мог о нем подумать. Он прав: я, вообще-то, никогда не хотел быть Актером.

Я хотел быть Перворожденным магом.

Может, я просто придуриваюсь. Может, обманываю себя. Может, в этом таится моя гибель.

Ну и что? Я уже сделал выбор и не вижу смысла теперь суетиться.

Я не могу вытравить из памяти выражение глаз Чандры в то утро, когда эта история началась для меня. Я не забуду того же слепого голода в медвежьих зенках Боллинджера. Связующая их нить – я день за днем искал ее, перебирая образы в памяти, снова и снова, поглядывая на них то так, то эдак, пытаюсь понять, и все никак не складывалось... покуда тот же голод я не узрел в глазах отца, когда транспортный фургон Социальной полиции доставил на фабрику новую партию Рабочих.

Я увидел то же самое: будто одна тварь напялила на себя по очереди все три лица, как маски. В моих кошмарах шепчет в окаменелом сне массивная неведомая туша, и сны ее проникают в мир живых, надевая нас, точно перчатки. Маски. Зеркальные забрала шлемов Социальной полиции.

Я долго размышлял о том, что такое эта тварь. Поначалу мне казалось, что это лишь метафора: миф, выдуманный мною, чтобы объяснить собственные ощущения. Теперь я не так в этом уверен. Кажется, тварь и мою маску напялила однажды – тот же безличный голод в моих глазах видел Хари, когда я впервые подошел к нему в тренажерном зале. Думаю, поэтому он и возненавидел меня с первого взгляда.

Он выбил из меня тварь в буквальном смысле – но это не помешало мне использовать Боллинджера так же безжалостно, так же спокойно и безлично, как Чандра употребил меня. Использовать, пока орудие не сломалось.

Наверное, это привычка. Наверное, так устроен мир. Эта сила вертит шестеренки цивилизации.

Но Хари... Вот тут ничего безличного не было: он ненавидел Боллинджера всеми фибрами души. Может, к этому все и сводится. Хари и эта безличная голодная тварь – может, они попросту естественные враги.

Хари все касается лично.

Я стану прятаться. Хари – нет; я вижу это в нем при каждом взгляде. Он выйдет на поле боя и надает всем по мозгам.

Странно даже писать об этом, даже перед самим собой признаться, что дикий, асоциальный громила Рабочий – выше меня. Вот и опять я соскальзываю: Хари не дикий, асоциальный громила Рабочий.

То есть... да, но не только.

Кажется, у меня не хватает слов. Он – Хари, вот и все. Это очень много.

Я пытался стать его учителем, а узнал больше, чем передал ему.

Я сказал Хари, что быть Актером все равно что день за днем возвращаться в тот сортир. Чего я ему не сказал, так это того, что я, Бизнесмен по рождению и воспитанию, захожу в тот сортир каждый раз, когда встаю утром. Так устроена жизнь на Земле. Неизбежно.

Потребляй и будь потреблен, пока не иссякнешь. Такова жизнь.

Здесь.

Мои длинные эльфийские уши улавливают поступь Хари по дорожке в дальнем краю двора. Сегодня я прощаюсь и с ним.

Последними прощаются с теми, кто всего ближе.

Я прощаюсь с лучшим другом, который никогда мне не нравился.

Станный какой мир.

А тот, куда я отправляюсь завтра, еще удивительней.

Я буду искать тебя, Хари. Может, когда-нибудь, лет через двадцать, ты будешь сидеть в одной из таверн Надземного мира и смутно знакомый маг из Перворожденных поставит тебе выпивку. Как еще можно отблагодарить тебя за то, что спас мою душу?

Если бы только я мог спасти твою...

Во что встанет тебе избранная тобою судьба, я даже представить не могу.

Пожалуй, лучше надеяться, что тебя никто никогда нигде не заметит.

Глава первая

Богиней она работала на полставке, но место свое любила, и получалось у нее здорово. Она шла по земле и струилась в земле, и там, где ступала нога ее, цвели цветы и прорастало зерно; где простиралась рука ее, зимы были мягки, а урожаи щедры, летние грозы приносили ливень, теплый и сладкий, как просвеченный солнцем пруд, и весна пела обо всем, что растет и живет.

Перворожденные звали ее Эйяллари – Поток сознания; покорители камней называли ее Тукулг'н – Утопляющая; для древолазов она была Кетиннаси – Обитель реки; у людей она звалась Чамбарайей, богом реки; но вообще-то ее звали Паллас Рил.

Говорили, будто у нее есть в дальних краях любовник из рода людского, что на полгода она обретала смертное тело и жила там в мире с возлюбленным своим и дитятей. Иные утверждали, будто супруг ее есть сам господь, ее черная тень, темный ангел гибели и разрушения, и полгода, что проводит она обок него, – выкуп за мир, что своим телом она расплатилась, дабы удержать его за стеною времен и сохранить мир в подвластных ей краях.

Как обычно бывает с такими легендами, обе они равно верны и ложны.

Богиня на полставке не имела ни церкви, ни поклонников, не составляла догм, ее нельзя было умиловить жертвами или призвать чарами. Она шла куда пожелает и следовала велениям сердца своего, точно прихотливым извивам своих берегов. Она любила свой край и все, что живет в нем, и все процветало под десницей ее. Единственная молитва могла тронуть ее – рыдания матери над больным или раненым ребенком, будь эта мать человеком или эльфом, ястребом или рысью, оленихой или крольчихой, – и то лишь потому, что смертная часть ее рассудка не забыла еще, что значит быть матерью.

Возможно, именно поэтому на самом деле и ей, и ее возлюбленному придется умереть.

Ибо благоухание цветущей, плодородной земли тревожило сон иного бога: слепой безымянной силы, бога пепла и праха, чьи сны исполнены губительной мощи.

1

Отрубленная голова девчонки подскочила на матрасе, ударилась о ребра Хари Майклсона, и тот начал просыпаться.

Он зашарил в комьях сбитых в похмельном сне одеял, пробиваясь к свежему воздуху. Склеившиеся веки разлепились с трудом, как рвется мясо. Сновидения расточились дымом, оставив по себе только клубы меланхолии. Снова мерещатся старые деньки. Давно оставленная

карьера Актера. Или даже раньше – детали сна ускользали, но, быть может, он относился к временам учебы в студийной Консерватории, больше четверти века тому назад, когда Хари был еще молод, и силен, и полон надежд. Когда жизнь его еще шла по восходящей.

Пальцы в своих слепых блужданиях нащупали что-то, чему в постели не место. Не голову, конечно, никакую не голову, а мячик, точно, детский мячик, какими сам Хари играл в регби – сто лет назад, в светлые, счастливые дни, прежде чем умерла мать и выжил из ума отец. С абсурдной уверенностью, как бывает во сне, Хари знал, что мячик принадлежит Фейт. Проскользнула, значит, в родительскую спальню и таким вот способом решила подбодрить его, чтобы он вытащил ленивую задницу из постели и отвел дочку на субботнюю тренировку по футболу.

Повернувшись, Хари выкашлял из смятых легких комки слизи. «Эбби... окна просветлить, – прохрипел он так, чтобы домокомп распознал голос. – И поддай свету».

«Странный какой мячик», – мелькнуло в голове, покуда Хари ждал, когда деполяризуется окна. Кривой какой-то, неровный – весь в шишках – и на ощупь непонятный, словно что-то мягкое, гладкое натянули на твердый каркас, почти как костяной...

А это еще что за гадость? Волосы? На мяче растут волосы?

Пальцы его нашарили месиво из перерубленных позвонков и кровавого мяса в тот самый миг, когда Хари осознал, что окна не работают и света в комнате нет. Рослая тень в изножье кровати заговорила на западном наречии.

– Итак, Кейн... – елеяно, тихонько пропела она, и голос ее был полон темной, жаркой страсти. – Ты теперь калека...

И голова в руке Хари принадлежала его дочери, и тенью в изножье был Берн.

Меч Косаль блеснул в лунном свете, точно огонь, а ноги Хари Майклсона не желали шевелиться.

2

Содрогаясь под смятыми, пропотевшими простынями, Хари надеялся только, что не обгадился в очередной раз.

Теплая рука коснулась его плеча.

– Хари, все в порядке, – тихонько проговорила Шанна. – Я здесь. Это был всего лишь кошмарный сон.

Он стиснул зубы, призывая на помощь всю свою отвагу, потом открыл глаза. Шанна стояла рядом с кроватью на коленях. Спутанные волосы – как темный нимб в сумраке спальни, глаза раскрыты так широко, что будто бы светятся из глубины, между бровями – едва заметная тревожная морщинка.

– Я... – прохрипел он, потом закашлялся и начал снова: – Я громко кричал?

Она грустно кивнула:

– Опять Берн?

– Ага.

– Эти из самых худших.

– Ты это мне рассказываешь? – Он склонил голову к плечу, глядя на смятые покрывала поверх ее кровати; смотреть на свои у него не было сил. – Я... убирать надо?

– Кажется, нет, – серьезно ответила Шанна. – Запаха нет. Мне глянуть?

В голосе ее снова звучал отстраненный медицинский профессионализм. Хари ненавидел эти интонации; от них в животе сплетался налитанный желчью узел. Под уверенным, спокойным «я справлюсь» пряталось тошнотное омерзение.

– Пожалуй, – выдавил он. Сказать это было тяжелей, чем перетерпеть саму рану, будь она неладна. – Шунт снова вырубился.

Нейрошунт, проводивший импульсы в обход частично регенерировавшего участка спинного мозга, работал в лучшем случае спазматически. За последние три дня Хари ни разу не перезагружал систему, и непонятный глюк программы заставлял шунт самопроизвольно отключаться. Эта часть сна ничем не отличалась от реальности – Хари не мог шевельнуть ногами. И не чувствовал ничего ниже пупка. Ниже трехдюймового шрама, оставленного клинком Косаля, он был мертвей дохлой коровы.

После отключений у него всегда случались кошмары. Порой он просыпался в луже мочи и испражнений, даже не чувствуя этого, а порой – если достаточно долго лежал в дерьме и обоняние притуплялось – даже не замечая. Поэтому Шанна больше не спала с ним в одной кровати.

Не только поэтому.

– Эбби... освещение – одна четверть, – спокойно проговорила Шанна. – Исполнить.

Потолок вспыхнул рассеянным сиянием, и Шанна сдернула покрывало. Хари заставил себя посмотреть. Простыни были покрыты лишь пятнами пота, где белье касалось мокрой кожи, – значит, шунт накрылся не полностью, контроль над сфинктерами сохранялся. Он вздохнул облегченно, и его едва не передернуло. Может, он еще успеет добраться до уборной, прежде чем проклятый шунт перезагрузится снова?

Регенерационная терапия, которой врачи Студии подвергали рассеченный спинной мозг Хари, приводила к успешным результатам в девяти случаях из десяти – так, во всяком разе, ему твердили. С другой стороны, это значило, что в десятом случае терапия ни к чему не приводила, и к Хари это относилось в полной мере.

Или не в полной.

Вообще-то лечение немного помогло – удалось добиться контроля за сфинктерами мочевого пузыря и прямой кишки и частично восстановить чувствительность. Но даже эти скудные успехи пришлось принести в жертву спинальному шунту. Тот действовал нейроиндукцией, как первосортные студийные ложа, и, когда он выходил из строя, все, что ниже пояса, тоже летело к чертям.

– Администратор?

Экран на прикроватном столике вспыхнул, озаряя спальню холодным электрическим блеском. Оттуда на Хари глянуло хмурое бестелое лицо Брэдли Винга, санитара, исполнявшего роль отцовской сиделки.

– Администратор Майклсон? С вами все в порядке?

Шанна молча подняла бровь, и Хари неохотно кивнул. Она нажала кнопку передачи – чтобы мужу не пришлось тащить тело через всю кровать, подтягиваясь на руках.

– Да, Брэд, в порядке. Все хорошо.

– Я слышал, вы кричали...

– Я сказал – в порядке. Шанна здесь, все в норме.

– Не хотите снотворного?

В бутылке рядом с экраном оставалось с пол-литра лафройга; кислый йодистый привкус виски еще стоял в горле. Хари заметил, какое у Шанны сделалось лицо, когда он посмотрел на бутылку, и, скривившись, отвернулся.

– Не стоит. Только... глянь, как там папа, ладно? Вдруг я его разбудил.

– Успокоительное, которое принимает Рабочий Майклсон...

– Не зови его «Рабочий Майклсон». Сколько раз тебе повторять?

– Извините, Администратор.

– И меня, блин, Администратором не обзывай.

– Извините, э-э-э... Хари. Такой час... просто забыл.

– Ну ладно. Все равно глянь.

– Хорошо... э-э-э... Хари.

– Давай.

Экран померк.

Заставить себя посмотреть Шанне в глаза он не мог.

– Я... мм... я пойду гляну, как там Фейт. Если уж Брэдли на первом этаже проснулся, я, должно быть, девочку до чертиков напугал.

Шанна поднялась.

– Я схожу.

– Нет-нет, – устало возразил Хари. – Я виноват – мне и отдуваться. Все равно перезагружаться – я заеду в уборную в коридоре, ты спи.

Он свистом подзвал инвалидную коляску. Та с легким жужжанием вкатилась в спальню, ловко огибая мебель, и остановилась у кровати; сенсоры системы ориентации придавали ее движениям почти животную плавность. Простая команда «Ровер, стоять!» поставила колеса на стопор, но Хари включил и ручной тормоз. Опыт общения с шунтом привил ему мрачное недоверие к любым процессорным системам.

Шанна приобняла его за плечи, пытаясь помочь, но он набылчился, не шевелясь.

– Справлюсь, – пробормотал он.

– Ох, Хари...

Голос ее звучал так устало, так невыразимо тоскливо, словно одним вздохом Шанна могла передать все недостатки своего мужа и всю глубину своего прощения. Хари стиснул зубы так, что в ушах зазвенело.

– Ложись спать, – выдавил он.

– Лучше бы дал мне помочь, – пробормотала она, и стиснувшая сердце рука разжалась на миг.

Он накрыл ее ладонь своей:

– Ты мне помогаешь всегда, Шан. Ради тебя я держусь. Ради тебя и Фейт. Но с чем могу, я должен справляться сам. Ладно?

Она молча кивнула. Потом, нагнувшись, легонько чмокнула его в щеку и вернулась в свою кровать. Хари мрачно смотрел, как она забирается под одеяло, устраивается поудобней.

– Доброй ночи, – проговорила она.

– Ага. Доброй ночи.

Отвернувшись, Шанна опустила щеку на пуховую подушку.

– Эбби, – позвал Хари, – погасить свет. Исполнить.

В темноте он медленно, осторожно перетащил свое тело с кровати на коляску. Омертвевшие ноги приходилось двигать обеими руками, пристраивая на ступеньку. Потом он долго сидел, тяжело дыша и разглядывая свои руки.

Когда-то он превратил эти руки в орудия смерти, тренировал их, покуда пальцы не стали гибельней клинка. В былые годы Кейна повсеместно считали лучшим спецом по рукопашному бою из ныне живущих. Последнее напоминание о тех днях – хруст ломаных-переломанных костяшек, стянутых блеклыми шрамами.

Тогда он думал, что стал крутым. Только потом, когда этими же руками пришлось запихивать в задницу глицериновые свечи и ставить самому себе клизму, Хари Майклсон понял, насколько иллюзорна его крутизна. В первый раз, когда Шанна, услышав плач мужа, застучала его в уборной – с изгвазданными в дерьме руками, которыми он, оставляя по-детски бесстыжие отпечатки, пытался вколотить обратно в омертвевшие бедра хоть каплю чувствительности, каплю толку, – он понял, что всю жизнь обманывал себя.

Для такого испытания у него никогда не хватало сил.

Сняв с тормоза колесики Ровера, Хари ухватился за стальные обода и медленно покатил кресло к дверям. Пару лет назад он купил себе левитрон, но вскоре продал. Шанне и врачам он заявил, будто магнитное поле, поддерживавшее левитрон в воздухе, не было должным образом

экранировано и от этого все проблемы со спинальным шунтом. На самом деле он ненавидел чертову хреновину и боялся. Любая поломка, хотя бы сбой в подаче энергии, оставила бы его беспомощным, неподвижным. У Ровера хоть колеса есть.

Что не мешало Хари и эту коляску ненавидеть.

Дверь при его приближении распахнулась сама. Выкатившись в коридор, Хари направился к спальне Фейт. Стоило бы прежде заехать в уборную и перезагрузиться, но иррациональное упрямство не позволяло Хари вести себя разумно. Даже если случится худшее, грязи будет немного. В Ровера вмонтировали химический туалет под сиденьем и мочевого катетер, хотя Хари про себя давно решил, что если поймает себя на привычке пользоваться ими, то немедля повесится.

Вонь... Он страшился ее больше, чем всего остального. При одной мысли об этом запахе жгло веки и перехватывало дыхание. Слишком хорошо он помнил этот смрад – химические миазмы болезни и недержания. Так несло от Дункана после того, как нервный срыв отправил его в штопор по ступеням кастовой лестницы. Тесная квартирка в поденщицком гетто Миссионерского округа в Сан-Франциско, которую они делили с отцом, задерживала эту вонь в себе, вбирала, ставила ее тавро изнутри черепной коробки. Вонь не острая, но густая и... округлая, вот. Не резкая, а тягучая, заполняющая носовые пазухи, словно утопаешь в соплях.

Запах безумия.

Удобственные примочки Ровера были не преимуществом, а угрозой. Если Хари докапается до подобного, сдастся, как советуют ему доктора, если примет свое увечье и попытается приспособиться к нему, то запах от него уже не отстанет. Хари боялся к нему привыкнуть. Привыкнуть так прочно, что перестанет замечать.

У дверей спальни Ровер затормозил. Кончиками пальцев Хари осторожно подтолкнул дверь, так нежно, будто касался дочкиной щеки, и створка приотворилась на пару сантиметров. Шепотом он велел Эбби включить в коридоре лампы, и дом подчинился, постепенно увеличивая яркость, покуда лучик света не дотянулся до кровати Фейт, заиграв на спутанных золотых кудрях.

Девочка лежала, расслабившись во сне по-детски беззаботно. В груди Хари взорвалась боль. Он смотрел, смотрел, покуда мерное колыхание груди под тонкой ночной рубашкой не отвлекло его. Вспомнилось, как он точно так же смотрел на Шанну, когда Паллас Рил лежала, распластанная, на алтаре в Железной комнате Сумеречной башни дворца Колхари, что в Анхане. Вспомнилось, какое облегчение он испытал, увидев, что она еще жива и мир не покинули ни рассудок, ни цель.

Но сейчас, когда ночами он заглядывал в спальню Фейт, облегчение не приходило к нему. Холодный ужас, таившийся в глубине зрачков, – однажды заглянуть в спальню и не увидеть этого мерного движения груди – не исчез. Он только отступил на время. С уверенностью, превосходившей убежденность любого фанатика, что Фейт отнимут у него. Таков был лейтмотив всей его жизни: ничего столь ценного тебе не оставят, не надейся.

Ее фарфоровая кожа, будто сияющая, подсвеченная изнутри теплом глаз, волосы цвета солнца на зимних колосьях, классические скандинавские черты лица – все в ней несло лишь слабый отпечаток британского наследия Шанны и совсем ничего – от Хари. Девочка пошла в настоящего отца.

«Биологического, – поправил себя Хари. – Ее настоящий отец – я».

С тоской он подумал об оставшейся на тумбочке бутылке виски. Надо было прихватить ее с собой. Сейчас ему пригодилось бы отдающее торфом утешение; в самый темный час ночи легко поддаться мыслям еще более темным.

Порой, глядя на Фейт, Хари не мог не вспомнить Ламорака... Карла. Карл Шанкс – второразрядный Актер, мелкая звездочка, смазливый мечник не без способностей к тауматургии, когда-то добрый приятель Хари. Любовник Шанны. Предатель.

Отец ее ребенка.

Ламорак предал Шанну. И Хари. Хари предал его в ответ. Выдал на пытки.

Убил собственной рукой.

До сих пор, шесть с лишним лет спустя, если закрыть глаза и только лишь подумать об этом, все возвращалось снова: как он лежит, пронзенный Косалем, на песке арены, Ма'элКот возвышается над ним, Ламорак лежит рядом. Слезы катятся по лицу Шанны, точно первые капли весеннего ливня. Звонко жужжит клинок Косаля, заставляя вибрировать все – от перебитого позвоночника до корней зубов, когда Хари берется за рукоять, чтобы вызвать к жизни магию его всеразрушающего лезвия.

Как с неровным «ж-ж-жип», точно из книги вырвали страницу, отделяется от тела голова Ламорака, когда Хари перерубает его шею клинком Косаля.

«Так лучше», – подумал он. Мысль эта приходила ему в голову всякий раз, как он вспоминал, чье дитя растит. Всякий раз, как напоминал себе, что у Фейт нет ни капли крови Майклсонов. Дункан вслед за Томасом Пейном любил напоминать, что добродетель не наследуется, а если и наследуется, то гораздо реже, чем ее противоположность.

А вот безумие, да, передается с генами.

Мелькнула мысль, что можно было бы разбудить Фейт – единственная сонная улыбка дочери изгнала бы все ночные кошмары, – но Хари знал, что не сделает этого. Никогда. Он не станет использовать Фейт как лекарство от депрессии.

Бросив последний тоскливый взгляд на мерно вздымающуюся грудь, Хари двинул Ровера прочь, в направлении кабинета. Когда черная тоска стискивает грудь, остается только работать.

Но сначала...

Он завернул в уборную для гостей, рядом с кабинетом. Подлокотники Ровера опускались, и, держась за поручни на стене, Хари смог перетащить себя на унитаз. Пижамные штаны сзади соединяла застежка-липучка, так что их можно было не опускать, а раздвигать. Теперь набрать четырехзначный код на пряжке переброшенного через спинку Ровера ремня, чтобы отключить шунт. Последняя кнопка – перезагрузить.

И пока программа, позволявшая ему ходить, запускалась вновь, пока дергались и сучили по полу ноги, пока судорожно опорожнялись мочевой пузырь и кишки, Хари Майклсон, бывший некогда Кейном, стискивал зубы и закрывал глаза, чтобы не текли привычные слезы тайного унижения. «Ну почему я не могу проснуться? Господи, молю Тебя... ну кто там меня слышит? Я больше ничего не хочу. Ничего больше.

Дай мне проснуться».

3

Хари брел по коридору, слегка пошатываясь. Как ни славно работал шунт, а здоровому спинному мозгу он уступал. До конца дней своих Хари придется управлять ногами, словно чужими, с помощью невидимых кнопок. До конца жизни – марионетка от пояса и ниже, парализованная кукла, пол-Кейна.

«Ну, – спросил холодный, пустой ночной коридор, – как с этим жить?»

«Как всегда, – ответил себе Хари, стиснув зубы, как отвечал уже тысячу или миллион раз. – Справлюсь. Я справлюсь, блин!»

Ровер неслышно двигался по его следу – сенсоры движения позволяли коляске держаться в двух шагах позади хозяина и чуть по левую руку. Когда Хари зашел к кабинет, кресло осталось за дверьми.

Со вздохом облегчения Хари опустился в наполненное пеногелем кожомитовое кресло – самое удобное – и закинул руки за голову. Он чувствовал себя опустошенным, и в то же время что-то пугающе хрупкое распирало его изнутри – словно кишки набили яичной скорлупой.

Протерев глаза, он глянул на часы, мигавшие на столешнице: три часа сорок минут. В желудке шевельнулась тошнота, обрызгав глотку вонючими кислыми брызгами виски. Хари сглотнул и поморщился, когда засадило в гортани. Может, кофе выпить? Может, жизнь кажется дерьмом только с недосыпу и от первых аккордов до нотки знакомого грядущего похмелья?

Он поразмыслил, не позвонить ли в Кунсткамеру Тан'элКоту. Сегодня он мог цивилизованно побеседовать даже с врагом – а после стольких лет Тан'элКот и врагом-то перестал быть. Оба сделали друг другу немало зла, которое не прощают, – Хари с охотой признавал, что совершил больше, нежели претерпел, – но это странным образом перестало иметь значение.

Он даже не разбудит старого ублюдка: Тан'элКот не спал уже лет двенадцать или тринадцать.

«Нет, черт! Нет, – повторил Хари про себя. – Не стану. На сей раз – нет».

Позвонить Тан'элКоту – значит отвлечься. И только. Спокойствие, которое мог обрести Хари в обществе врага, было ложным – иллюзия, ничего больше. Продлится оно не больше часа. И ничего странного. Хари не был настолько слеп, чтобы не видеть, почему на самом деле ищет компании бывшего Императора Анханана: Тан'элКот единственный до сих пор обходился с Хари как с бывшим Кейном.

«Вот с этим тоже, блин, пора кончать».

Он развернул кресло к буфету красного дерева и заказал у кофеварки кувшин – двенадцать чашек по-юкатански. Машинка загудела тихо – ровно настолько, чтобы было слышно, как она работает: отмеряет жареные зерна из холодильника, перемалывает, добавляет корицы. В кофейник засочилась густая черная жидкость, такая крепкая, что от одного запаха глаза открывались сами.

В ожидании кофе Хари лениво играл с клавиатурой на столе. Не то чтобы он хотел воспроизвести какую-нибудь определенную запись – пальцы сами знали, что ему нужно, машинально набирая длинный, подробный код.

Темный прямоугольник экрана слегка просветлел, напоминая мутное, затянутое низкими тучами небо. Смазанное буро-бежевое пятно медленно сложилось в лицо человека, маску бога. Рокот из встроенных динамиков складывался в слова, в музыку живой речи. Голос был мягок, и тих, и невозможно басовит, не так слышим, как ощутим костями, точно подземная дрожь, предвестник землетрясения. Хари не надо было прислушиваться, чтобы разобрать слова; он и так помнил. Помнил это небо. Это лицо.

Ма'элКот под созванными им облаками на стадионе Победы рокошет, успокаивая, утешая: «Расслабься, Кейн. Все в порядке. Тш-ш... лежи, расслабься, отвлечись...»

Хари смотрел в стену кабинета и слышал, как синтезированные фразы актерского монолога звучат голосом Кейна из динамиков.

К черту все это!

Никогда не сдаваться!

Никогда!

И он не сдался. Он держался, каждый день по сей день. Он еще боролся. Этим он был, по крайней мере, обязан тому, кем был прежде.

Вздыхнув, он неохотно приказал экрану подключиться к Сети Студии. Несколько кодовых фраз позволили Сети убедиться, что Хари – тот, за кого себя выдает, и спустя несколько секунд из принтера посыпались распечатки свежих таблиц. Сложив их в стопку, Хари принялся перебирать листы. Недоверие к данным, существующим только в электронном виде, в Сети, вошло ему в кровь. Возможно, потому, что Хари вырос в тени безумного либертарианства Дункана.

Когда-то у Хари была изрядная библиотека реальных книг с настоящими, из хлопка и древесных опилок, страницами, картонными обложками – иные были напечатаны еще в девятнадцатом и двадцатом веках, переплетены в кожу и фибролит, с золотыми обрезами. Дункан учил сына по возможности по книгам, и чем старше книга, тем лучше; по его мнению, всему, что напечатано после Чумных лет, верить нельзя.

– Печатная страница – это предмет, понимаешь? Вот ее напечатали, и она у тебя в руке. Это больше нельзя изменить, отредактировать или подвергнуть цензуре, а если это было сделано, то можно заметить это, увидеть, где что-то было замазано или вырезано. А электронный текст, он же наполовину воображаемый, всякая сволочь может туда залезть и подменить все согласно последнему единственно верному курсу. Не веришь? А ты найди в Сети любые работы Джона Локка. Любой текст Авраама Линкольна, Фридриха Ницше, Алистера Кроули. Сравни то, что видишь на экране, и то, что напечатали когда-то. Многому научишься.

От этих книг, конечно, давно пришлось избавиться. Их продали за сотни тысяч марок. Иные, правда, и продать-то нельзя было – запрещенные работы таких неличностей, как Шоу, Хайнлайн и Пейн, – они покоились в запертом сейфе поместья Сангре-де-Кристо, принадлежавшего Патрону Хари, празднотелю Марку Вайло. Пока Дункан здесь, Хари не мог держать дома книги.

Приговор бунтовщику Дункану Майклсону был отложен со множеством условий. При первых признаках антиправительственного поведения – например, чтения запрещенной литературы – соцполы запустят в Дункана когти и уволочут его уже не обратно в немой блок социального лагеря Бьюкенен. В этот раз его киборгизируют и продадут в Рабочие – а в неволе Дункан не продержится и недели. В нынешнем состоянии, пожалуй, дня не протянет.

Вспомнилось, как спорил Дункан с Тан'элКотом года четыре тому назад, когда отец еще мог разговаривать вслух.

– Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что Творцом они наделены определенными неотчуждаемыми правами...

Хари едва не улыбнулся. Дункан цитировал Джефферсона с язвительным придыханием – это значило, что Тан'элКот опять его довел. Отец отступал на позиции Джефферсона, только когда Тан'элКот ловил его на логическом противоречии.

Та сценка встала перед глазами Хари как наяву: Тан'элКот сидит за столом в кухне Эбби, и стол кажется игрушечным рядом с его тушей. Тяжелая кружка с кофе в его лапище похожа на чашечку для эспresso. Великан облачен в стильный, безупречного покроя однобортный костюм, как полагается Профессионалу, шоколадные кудри стянуты в старомодный хвостик. Он вел себя со спокойной учтивостью манекенщика, но в глазах плясало нескрываемое веселье. Спорить с Дунканом ему нравилось.

– Пропаганда, и ничего больше, – пророкотал он, внушительно воздев палец. – Каковы бы ни были намерения вашего гипотетического Творца – якобы вам известные, – могу сказать вот что: права богов не интересуют. Нет никаких прав. И нет зла. Есть только сила и слабость. Я сам был богом и знаком кое с кем из этой породы. Нас заботит структура выживания. Жизнь человека определяется ее взаимоотношениями с жизнями других, долгом перед своим родом. Перед лицом этого долга «жизнь, свобода и стремление к счастью» теряют смысл. То, что вы зовете «правами личности», суть не более чем распространенная фантазия упадочнической цивилизации.

– Фашиствующий ублюдок! – восторженно прохрипел Дункан. Глаза его вращались в орбитах, как у безумного, но голос оставался разборчивым и сильным – ясней, чем на протяжении всего месяца. – Фашистам верить нельзя. Первой жертвой ради блага государства всегда становится правда.

– Хм-ф. Как скажешь. Не хочешь полагаться на мое слово – спроси у своей невестки. Хотя она слабая богиня, ущербная, недоделанная, но все же богиня. Спроси Паллас Рил, какое место в ее иерархии ценностей занимают права личности.

– Насчет богов спорить с тобой не стану, самодовольный ты сукин сын, – выдавил Дункан.

В тот день он мог сидеть, хотя и был привязан ремнями к поднятой спинке складной койки. Его ложе стояло по другую сторону столика, напротив Тан'элКота. Сквозь редкие седые космы бились, бугрились на черепе вены. Глаза закатывались поминутно, руки непроизвольно подергивались, из уголка рта стекала струйка пенистой слюны... и все же Дункан оставался в сознании.

Споры о политической философии оставались единственным, что привлекало его внимание. Даже тогда. Прежде чем аутоиммунное расстройство, пожиравшее его мозг клетка за клеткой, начало проявляться, Дункан Майклсон был профессором социальной антропологии, филологом, специалистом по культурам Надземного мира. Он всегда любил споры, даже больше, наверное, чем своих близких.

Он едва не погиб в немоном блоке соцлагеря имени Бьюкенена по приговору в антиправительственной деятельности. Причина была проста: он так и не научился вовремя затыкать себе рот.

Хари никогда не удавалось его переспорить. Он не был склонен к борьбе фантазий за обеденным столом. Хари всегда был слишком занят выживанием в реальном мире, чтобы тратить время, размышляя о том, каким этот мир должен быть. Порой он неделями не мог выжать из Дункана членораздельного слова. А вот Тан'элКоту как-то всякий раз удавалось вывести Дункана из той персональной нирваны, где держало старика безумие.

– Плевать на богов, – продолжал Дункан. – Боги тут ни при чем. Важны люди. Важно взаимное уважение.

– Я уважаю то, что уважения достойно, – парировал Тан'элКот. – Требовать уважения, когда оно не заслужено, есть детский каприз. А что в конечном итоге более достойно уважения, нежели служба? Даже твоего идола, Джефферсона, в конечном итоге судят по тому, как достойно он служил своему роду. Цена индивидуализма, его цель – самореализация. Это лишь другое наименование тщеславия. Мы восхищаемся людьми не за то, что они реализовали себя, а за то, сколько блага они принесли при этом человечеству.

– Ха! – отвечал Дункан, утирая подбородок. – Может, самореализация – единственный путь воистину служить человечеству. Может, это такие, как ты, губят его? Когда ты пытаешься служить человечеству, ты превращаешь людей в овец. Пастух тоже желает блага стаду. Но люди овец едят. – Он устремил затуманенный взгляд на Хари и явственно подмигнул, будто приглашая к столу, к дискуссии, неслышно говоря: «Такие, как ты. Мой сын, хищник».

Тан'элКот промывчал, не соглашаясь:

– Овцы как вид добились большого успеха. Люди, по крайней мере в моем мире, – нет. Твой индивидуализм неизбежно ведет к появлению людей, которые ставят собственные желания выше блага других людей – многих, а возможно, и выше блага людей вообще.

– Таких, как Леонардо, Моцарт, Карл Великий, Александр Македонский.

– Мм. Или, – веско произнес Тан'элКот, точно убедился, что завел Дункана в неизбежный логический капкан, – Кейн.

Вот тут Хари решил, что с таким спором пора завязывать.

– Хватит, – проговорил он, поставив на стол кружку. Слишком решительно – кофе расплескался. – Меняем тему.

– Я не желал никого обидеть... – миролюбиво начал было Тан'элКот.

– Плевать. Я не обиделся. Просто надоело уже слушать.

Дункан словно не слышал; а может, слышал, но решил не обращать внимания.

– Кейн принес много блага множеству людей...

– Сугубо случайно, – перебил его Тан’элКот.

– Ты же вроде бы не веришь в случайности?

– Э-эй! – гаркнул Хари. – Кончайте, оба!

Дункан вяло мотнул головой, пытаясь обернуться к сыну.

– Я пытаюсь тебя прикрыть, Киллер, – пробормотал он дребезжащим голосом.

– Не надо меня защищать, папа, – оборвал его Хари. – Лучше заткнись.

За катарактой в стариковских глазах сгустилась иная мгла, застилая рассудок от мира.

– Прости... прости...

Этим предрассветным часом те два слова жгли Хари огнем. Как он мог такое ляпнуть? Как мог вести себя точно мальчишка?

И как ни обманывай себя, ответ был ему ясен. Тогда рана, возникшая, когда из его жизни был с мясом вырван Кейн, была еще слишком свежа. Он не успел еще приспособиться к неизбежности: ему уже никогда не стать тем человеком. Никогда он не будет так силен. Так уверен в себе.

Так свободен.

Тогда он не понимал, откуда исходит боль. Повторял себе: «Я получил все, о чем мечтал. Я победил, черт! Так в чем, блин, проблема?!» Знал только, что ему все время больно, больно, и оставалось только тупое, животное непонимание и повадки росوماхи, страдающей зубной болью.

Вскоре после этого у Дункана отнялся голос. Так даже и не вспомнишь, разговаривали ли они с отцом еще раз.

Хари долго вглядывался в распечатки таблиц, заставляя себя мало-помалу осмысливать колонки цифр. «Господи, какая гадость!» – мелькнуло в голове. Он перетасовал листы, собрал, перетасовал снова, опять разложил на столе. Как ни смотри, жестокая правда была неоспорима.

Он ни черта не понимал в своей работе.

Из тех шести фискальных лет, что он был Председателем Сан-Франциской Студии, четыре года подряд контора теряла деньги, и чем дальше, тем хуже. Он принял лучшую Студию на Земле, флагман всей системы «Приключений без границ» – и облажался так, что на плаву ее держали только грузовые тарифы компании «Надземный мир».

«И что это – загадка? – горько подумал он. – Это кого-то удивляет?»

Пост Председателя – вместе с переводом в касту Администраторов – он получил в рамках грандиозной рекламной кампании, прозрачной попытки противостоять катастрофическим последствиям последнего Приключения Кейна – «Из любви к Паллас Рил». В результате той истории лишился своего места прежний Председатель, Артуро Кольберг, а репутация Студии вообще оказалась безнадежно подмочена. На несколько недель Хари оказался самым популярным человеком на Земле – «Из любви к Паллас Рил» стало популярнейшим Приключением в истории, поставив рекорд продаж, не побитый и сейчас, семь лет спустя, – и мог бы причинить всей индустрии неисчислимые бедствия. Поэтому его подкупили.

«Это слишком мягко сказано, – подумал Хари. – Купили меня. Со всеми потрохами купили».

Он заплатил надеждой на мирную жизнь с любимой женщиной. Заплатил возможностью вырастить свою дочь Администратором. Заплатил шансом снова узнать отца. А взамен?

Ему надо было только сидеть и помалкивать.

Один из его новых коллег, директор Студии Санкт-Петербурга, при первой их встрече через пару недель после возвышения Хари выразил это простой максимой: «Самое важное умение, какое может выработать у себя умелый Администратор, – умение ничего не делать. Понимать, когда надо ничего не делать, гораздо важнее, чем знать, что делать».

Вот так: философская основа под его образ жизни. Будь хорошим мальчиком, не высывайся, считай дни до пенсии. «Так всех нас в трусов превращает мысль», – вспомнилось Хари.

У него хватало сил, чтобы пережить один день. Но когда он поднимал голову, то вся жизнь представляла перед ним как долгий, мрачный коридор, полный таких же ночей, когда сидишь за рабочим столом в четвертом часу с бетонной уверенностью, что сегодняшний день станет копией вчерашнего и дни будут ползти от завтра к завтра, без конца и края, аминь.

Это если очень повезет.

Аккорд по клавишам вызвал на экран очередное заявление, поданное в социальный суд адвокатами Эвери Шанкс. Когда на Хари нападала нестерпимая хандра – как сегодня, – он всегда мог заглянуть в растущий архив дела «Биз. Шанкс против Адм. Майклсона» и поразмышлять над тем, что случится, если юридический департамент Студии на него плюнет.

Бизнесмен Эвери Шанкс – мать Карла Шанкса, мать Ламорака и глава электрохимического концерна «СинТек» – лично подала иск против Хари по обвинению в насильственном межкастовом контакте через пару дней после завершения Приключения «Из любви к Паллас Рил», прежде чем Хари выписали из больницы. Юридический отдел корпорации она использовала словно гончих псов, изнурая суд бесконечными жалобами. Основой иска служило спорное заявление, что статус Карла Шанкса как Профessionала можно считать сугубо формальным в соответствии с его родом деятельности как Актера. Законники СинТек продолжали настаивать, что в глазах суда Карл должен считаться Бизнесменом.

Без защиты Студии этого было бы достаточно, чтобы Хари киборгизировали и продали в Рабочие.

Самыми темными ночами Хари начинал подозревать, что Студия не закрыла дела окончательно, потому что хотела иметь козырь в рукаве на случай, если Кейн начнет бузить.

Он закрыл судебный архив, пошуршал распечатками, раздраженно сложил их стопкой, но внимание кругами, спиралями возвращалось к...

Одни только судебные издержки могли его уничтожить. Доходов Шанны не хватило бы, чтобы поддерживать семью, даже не учитывая трат на судебную бойню. Основная аудитория оставалась ей фанатично верна, но суммарные доходы продолжали неуклонно падать. У нее не осталось даже первоочередников. Она проводила каждую из своих трехмесячных смен дважды в год в прямом поиске, фриמוד, покуда ее впечатления записывались на микрокуб: ироническое эхо одного из нововведений Кольберга.

В том, чтобы ощутить себя богиней, имелся определенный шарм – нерушимый покой ее связи со всем миром, умопомрачительное чувство контакта со всякой живой тварью в бассейне водосбора Большого Чамбайджена, упоительное чувство полного контроля над неизмеримой мощностью, – но фаны быстро обнаружили, что записи дают тот же эффект. Даже одна запись. Поскольку для Чамбарайи каждый день не отличался от любого другого, записи продавались отменно плохо. Чтобы привлечь первоочередников, чтобы повысить доходы от продажи и проката записей, нужна была история. А ее-то как раз и не могла предложить Паллас Рил. Ее история была завершена, ей не требовалось ничего, чего не могла бы дать река. Чамбарайя не знает необходимости. А без нужды всё – суть каприз.

Хари встряхнул головой, чтобы сосредоточиться на графиках на столе, в которые пялился невидящим взглядом уже бог знает как давно. Цифры в строках потеряли всякое значение, превратившись в смутно пугающие иероглифы, апокалиптическое пророчество, начертанное линейным письмом А.

Вздыхнув, Хари признал свое поражение. Он снова сложил распечатки, потом согнул стопку и запихнул в мусоропровод под столом.

– Эбби, – позвал он, – звонок. Видео. Кунсткамера Студии. Личный вызов Тан’элКоту. Исполнить.

Секунду спустя логотип «ждите» на экране растворился, уступив место ясно видимому в каких-то фантастических красках лицу Тан’элКота.

– Кейн. Опять бессонная ночь?

– Ч-черт! – повторил Хари уже в миллионный, наверное, раз. – Если мне приходится звать тебя Тан’элКотом, то будь добр, блин, называть меня Хари!

Возмущение вырвалось рефлексивно, по привычке, и Хари сам слышал, как лживо прозвучали его слова.

И Тан’элКот слышал. Взметнулась царственная бровь, обозначились морщинки в уголках глаз.

– Да-да.

– Что у тебя с экраном? Все в оранжевых тонах, и контрастность такая, что пол-лица не видно.

Тан’элКот пожал плечами и протер глаза.

– Экран в порядке. Я уже не могу читать с монитора, а от бесконечного мерцания ваших электрических огней у меня болит голова. – Он повернул экран таким образом, чтобы Хари мог разглядеть лежащую на столе толстую книгу, а рядом с ней – струйку пламени за стеклом поддувной керосиновой лампы. – Но ты поднялся в столь ранний час не затем, чтобы корить меня за дурное обхождение с техникой.

– М-да. – Хари вздохнул. – Я тут подумал, если ты не слишком занят...

– Занят, Администратор? Я – занят? Я – как был на протяжении, о, стольких лет! – всецело в вашем распоряжении, господин Председатель.

– Забудь, – пробурчал Хари. Сил терпеть убийственную иронию Тан’элКота у него сегодня не оставалось. Он протянул руку к выключателю.

– Кейн, – произнес Тан’элКот, – подожди. – Он отвел взгляд, провел ладонью по лицу, будто хотел стереть свои черты, заменив иными. – Прошу... Хари... прости мне злые слова. Слишком долго сидел я в одиночестве, копя горечь, и сказал, не подумав. Если желаешь, я буду рад сегодня твоему обществу.

Хари взгляделся в изображение на экране: темные мешки под глазами, новые морщинки и складки на безупречной некогда коже, опущенные уголки губ, которые когда-то знали только улыбки. «Черт, – мелькнуло в его голове, – неужто и я выгляжу настолько скверно?»

– Я тут подумал, – медленно проговорил Хари, – надуться кофе и выйти. Прогуляться не желаешь?

Губы Тан’элКота изогнулись в некоем подобии улыбки.

– В округ?

Хари пожал плечами с показным равнодушием, не обманув ни себя, ни Тан’элКота.

– Пожалуй. Готов?

– Разумеется. Мне нравятся твои родные места. Они бодрят. Напоминают ваши старинные документальные фильмы о природе: океан, полный мелких терзающих друг друга хищников. – Он склонил голову к плечу и со сдержанным весельем парня, отпустившего сальную шутку в переполненном ресторане, поинтересовался: – Когда ты в последний раз кого-нибудь убивал?

Скрытая столешницей рука Хари непроизвольно нашарила нечувствительный рубец на пояснице.

– Ты должен помнить. Сам видел.

– Мм. Верно. Но кто знает, быть может, сегодня нам повезет и нас обидят.

– Ага. Может быть. – «Если мы напоремся на банду слепых идиотов», – добавил Хари про себя. – Ладно. Иду.

– Встретимся у Южных ворот через полчаса.

– Увидимся.

– Верно... – Прежде чем разорвать связь, собеседник ухмыльнулся. – Кейн.

Хари покачал головой и презрительно фыркнул в потемневший экран. Потом выключил комп и обнаружил, что почти улыбается.

– Хари! Ты не вернулся в спальню...

Он поднял глаза, и улыбка увяла снова. В дверях стояла Шанна, укоризненно глядя на мужа из-под копны спутанных волос. Лицо ее хранило тающий отсвет благодати, умирающий призыв сверженного покоя – ей снилась река.

Хари захотелось чем-нибудь в нее бросить.

– Ага. Я... – Он опустил голову, пытаясь сделать вид, что ему совсем не стыдно, и махнул рукой в сторону распечаток на столе. – Решил поработать.

– С кем ты говорил? С Тан'элКотом, да? – (Взгляд его упал на стиснутые кулаки.) – Знаешь, лучше бы тебе не проводить столько времени с...

– Да, я знаю, – перебил Хари. Это был привычный спор, и затевать его снова в такой час ему не хотелось. – Я выйду ненадолго.

– Сейчас? – Трансцендентный покой никогда не задерживался на ее лице надолго; вот и сейчас его уже смыло рекой. – Ты собрался гулять посреди ночи?

– Да. Иногда, знаешь, находит.

Он не стал добавлять: «И ты бы это знала, если бы проводила со мной и дочерью времени больше, чем шесть месяцев в долбаном году», но слова и без того повисли между ними, отравляя воздух.

Шанна отбросила волосы со лба, и лицо ее обрело напряженное, стылое выражение, которое Хари помнил слишком ясно с недобрых старых деньков, когда они рта не могли открыть, чтобы не затеять свару.

«Недобрые старые деньки? Кого я обманываю?

Недобрые нынешние деньки».

– К завтраку ты вернешься? – спросила она и, не удержавшись, нанесла удар ниже пояса: – Или мне наврать что-нибудь ради Фейт?

Хари собрался было накричать на нее, но осекся. Ему ли жаловаться? Он выдохнул набранный было воздух, покачал головой:

– Нет. Нет. К завтраку вернусь. Слушай, Шанна, прости. Просто иногда хочется поговорить с кем-нибудь...

Увидев, какое у нее сделалось лицо, Хари тут же пожалел о сказанном.

Шанна зажмурилась, губы превратились в ниточки.

– Иногда я позволяю себе надеяться, что ты захочешь поговорить со мной.

– Ох, Шанна, не на... слушай, мы же говорим.

Хари терпел эти беседы всякий раз, когда мог вынести в миллиардный, язвы его, раз лекцию о том, как легко быть счастливым, если только позволить себе плыть по течению и все такое прочее. Он отвернулся, чтобы мысли его нельзя было прочесть по лицу. Шанна не виновата, и он раз за разом обещал себе, что не будет срывать на ней злость.

– Оставь. Я пойду.

Он в последний раз сложил распечатки стопкой и поднялся. Шанна переступила порог, будто могла остановить его.

– Будь осторожен с Тан'элКотом. Ему нельзя доверять, Хари. Этот человек опасен.

Он прошел мимо, стараясь не коснуться ее в дверях.

– Верно, – ответил он и добавил вполголоса, уже уходя: – Как я когда-то.

За ним с бесконечным неживым терпением следовал Ровер.

4

Шанна глядела ему вслед, прислонившись лбом к прохладному оконному стеклу. Его даймлеровский «ночной сокол» по рассчитанной компьютером пологой траектории черной каплей взмыл к низким облакам.

Она тосковала по реке.

«Сорок дней, – подумала она. – Это всего-навсего пять недель... ну ладно, шесть. Шесть недель можно что угодно вытерпеть».

Через сорок дней, считая с сегодняшнего, в девять часов утра начнется ее очередная смена на посту богини. В восемь тридцать она натянет респиратор, опустится в гроб фримод – свободного поиска, захлопнет крышку изнутри и будет лежать на гелевом матрасе, пережидая бесконечные минуты масс-балансировки, – свободный переход требует точнейшего масс-энергетического обмена между двумя вселенными, – и эти неторопливые секунды станут мгновениями сладчайшего предвкушения, прежде чем грянет, раздирая рассудок, неслышный грохот Трансфера. И зазвучат первые ноты Песни Чамбарайи: неторопливый, басовитый приветственный гимн, который наполнит ее сердце, вызывая к жизни ответную мелодию. Дважды в год по три месяца кряду она имела право быть частью реки.

Дважды в год она могла быть целой.

Она никогда не говорила Хари, как тоскует по этой Песне; никогда не объясняла, какой пустой и пресной стала для нее Земля. Она слишком любила его, чтобы рассказать, как мучительно быть с ним одинокой. «Неужели ты не видишь?!» – кричало вслед улетающему «ночному соколу» ее сердце.

«Неужели ты не видишь, как мне одиноко?»

По щекам медленно катились слезы. Как можно жить, когда в сердце у тебя ничего, кроме надежд и воспоминаний?

– Мама! – послышался за спиной робкий голосок Фейт. – Мама, ты хорошо себя чувствуешь?

Шанна отодвинулась от окна. Она не потрудилась вытереть слезы: связь, которая существовала между ними на протяжении полугода, не позволяла им врать друг другу.

– Нет, – призналась она. – Мне очень грустно.

– Мне тоже. – Фейт потеряла глаза кулачками, медленными шажками заходя в кабинет. Шанна обняла ее, оправляя пижамку, убирая с лица растрепанные легкие золотистые волосы. Девочка со вздохом прильнула к ее плечу. – Грустишь по реке, да?

Шанна молча кивнула. Она присела на подоконник и взяла дочь на руки. Потом обернулась и взглянула на облака, подсвеченные оранжевыми городскими огнями.

– Я тоже, – серьезно призналась Фейт. – По музыке. Когда ты дома, всегда так тихо – я даже боюсь иногда.

Шанна крепко обняла дочь, остро ощущая, насколько хрупко ее тельце, как легка опустившаяся на плечо головка. Физический контакт был, однако, лишь бледным отзвуком той нежности и любви, которую они разделяли, когда их связывала река. Фейт родилась через девять месяцев – с точностью до дня – после битвы в доках Анханы. Клетки, из которых развился потом организм Фейт, уже находились в матке Шанны, когда Паллас Рил впервые коснулась реки и услышала ее Песнь.

Мошь, обоготворившая Паллас Рил, пронизала и ее дочь.

– Когда ты здесь, я по тебе очень скучаю, – проговорила Фейт. – Без музыки так одиноко. Но ты и папе нужна.

– Да, – проговорила Шанна. – Знаю.

– Ты поэтому грустишь? Вы с папой поссорились?

– Нет, не поссорились. С твоим папой теперь никто не ссорится, – безнадежно отозвалась Шанна, глядя туда, где исчез в облаках «ночной сокол». – По-моему, в том-то и беда.

5

Дом оседал. Двести лет без ремонта. Почерневшие от смога стены впитывали свет единственного треснувшего уличного фонаря, не отражая. Кривоватый прямоугольник высился в мутной ночи, словно окно в забвение.

Хари стоял на искрошенной мостовой переулка, глядя туда, где было окно его комнаты: квартира 3F, третий этаж, дальняя дверь от лестницы. Три комнаты и встроенный шкаф, куда едва помещалась койка восьмилетнего мальчишки. В этом шкафу он жил еще месяц после своего шестнадцатого дня рождения.

И окно, которое открывалось бесшумно, только если очень постараться; будь его глаза чуть позорче или свет чуть поярче, он точно различил бы следы от веревки на древнем алюминевом подоконнике.

Он все еще чувствовал, как моток этой веревки давит ему на ребра из своего тайника между его тонким походным матрасом и стальными перекладинами каркаса койки. Веревка десятки раз спасала ему жизнь. Порой единственное, что могло спасти его от приступов отцовского убийственного гнева, – это запереть комнату изнутри и через окно вылезти на улицу. Там, среди шлюх, наркоманов, извращенцев, юный Хари чувствовал себя в большей безопасности, чем рядом с отцом.

Лучше так, чем дышать безумием в закрытой квартире.

– Я когда-то думал, – проговорил за его плечом Тан'элКот, – что понимаю, почему мы приходим сюда. Я думал, что ты хочешь напомнить себе, какой необыкновенный путь ты проделал в жизни. Отсюда можно видеть и начало этого пути. – Он мотнул головой в сторону дома, потом обернулся и глянул на шпиль главного здания Студии в трех километрах от края трущоб. – Так и можно увидеть пик твоих достижений. Контраст, мягко говоря, потрясающий. И все же это явно не приносит тебе удовлетворения.

Хари не нужно было видеть Тан'элКота, чтобы знать, какое выражение застыло на его лице: маска вежливого интереса, скрывающая хищный голод. Бывшего Императора живо и непрестанно интересовало все, что может причинить его спутнику боль. Хари не обижался; он знал, чем заслужил такой интерес.

– Я прихожу сюда не за этим, – мрачно отозвался он.

Он оглянулся, озирая полуразвалившиеся дома, нависавшие над разбитыми тротуарами; полутемные бары в подвальчиках на каждом углу, где под громовую музыку люди тупо топтались на одном месте, на банк провизии, где родители с пустыми глазами и их молчаливые дети выстраивались в очередь на завтрак, до которого оставалось еще два часа. Невдалеке шевельнулась куча тряпья, приоткрыв физиономию синяка в последней стадии долгого падения: суматошно бегающий слепой взгляд выжженных метанолом глаз, нос и верхняя губа проедены гноящимися язвами насквозь. Синяк вытащил из пластикового пакета свое сокровище – пропитанный горючкой грязный платок – и, содрогаясь, прижал ко рту, вдыхая испарения.

Хари приподнял руку – и тут же опустил. Этот короткий, безнадежный жест будто охватывал весь Миссионерский округ.

– Порой приходится себе напоминать, что до дна очень далеко.

Припомнилась старая шутка, исполненная такой горечи, что весь юмор вытек: «Падать-то легко – приземляться бывает трудно...»

– Собрался прыгнуть? – медленно промолвил Тан'элКот.

Хари пожал плечами и двинулся дальше. Ровер жужжал по улице позади него, сохраняя дистанцию в два шага. Тан'элКот шел рядом, двигаясь с тяжеловесным величием крейсера на малом ходу.

– И зачем ты притащил сюда меня? Надеешься, что я из ненависти попробую тебя убедить?

– А то нет?

Прищурившись, Хари уставился на вышагивающего рядом великана. Тан'элКот был одет в вязаный свитер и вельветовые брюки небрежно стильного модника-Профессионала, темная грива собрана в старомодный конский хвостик. Возраст смягчил резкие очертания его лица, но титаническое сложение бога, которым он был когда-то, сохранилось. Металлические ремни безопасности, которые он носил поверх свитера, блестели в свете фонарей, будто кираса. Казалось, что мостовая дрожит под его поступью.

– Разумеется, да, – легко согласился Тан'элКот.

В дружеском молчании они прошли еще квартал, то выходя на свет, то ныряя в тень.

– Я мечтал о твоей гибели, Кейн, – проговорил наконец Тан'элКот. – Я жаждал ее, как проклятые души в вашем христианском аду жаждут забвения. Твоя смерть не вернет мне Империи, не возвратит мне любви Детей моих, но она облегчила бы – хоть на те мгновения, покуда твоя жизнь утекает из моих пальцев, – страдания моей ссылки. – Он опустил голову, словно вглядываясь в трещины на асфальте. – Но... свершив это единожды, я останусь опустошен. Мне больше не о чем будет мечтать.

Хари обошел пару алкашей, которые прислонились друг к другу, будучи не в силах решить, пойти домой или рухнуть прямо на улице. Тан'элКот легко смел обоих с дороги. Вслед ему понеслось что-то неразборчивое и злое. Хари и Тан'элКот двинулись дальше.

– И кроме того, – пробормотал великан, – признаюсь, я буду скучать по тебе.

– Да ну?

– Увы, да. – Он вздохнул. – Я нахожу, что все более и более живу прошлым. Воспоминания – единственное утешение моего заточения. Ты единственный, с кем я разделяю их. Единственный из живущих, кто воистину помнит – воистину ценит, – кем я был прежде. – Он смиренно развел руками. – Сантименты, да? Какой мерзкой тварью я стал!

Эта стрела попала, на вкус Хари, слишком близко к цели. Пару кварталов оба шли молча.

– Ты не... – раздумчиво начал Хари, но осекся. – Ты никогда не думал вернуться?

– Думал. Я никогда не переставал думать о доме. Анханан – край, где я родился и переродился. Мучительнейшая из ран, нанесенных мне жизнью, – знать, что я никогда больше не почувствую тех ветров, никогда не согреет меня родное солнце, никогда нога моя не коснется той земли, никогда! Я прожил бы здесь счастливым остаток дней, если бы только знал, что последний свой вздох отдам Анханану. – Могучие плечи Тан'элКота поднялись и опустились. – Но это лишь пустая фантазия. Даже если твои хозяева позволят такое, Возлюбленные Дети более не нуждаются во мне. Церкви я скорее нужен как символ, нежели как воплощенный бог. А бог еще существует: сила Ма'элКота суть функция соединенного преклонения моих последователей. Жрецы Ма'элКота по сей день дают выход этой энергии, творя чудеса во время молитвы перед моими образами – верней сказать, его образами, поскольку мы с ним более не единосущны. – Он тяжело вздохнул. – Я не могу делать вид, что мир остановится, если им не движет моя рука.

Хари кивнул.

– Да, бывает, что дерьмо просто так... случается, – согласился он. – Тебе бы стоило привыкнуть.

– Правда? – Тан'элКот остановился, делая вид, что внимательно изучает забрызганную мочой стену. – Как так выходит, что свое поражение я нахожу более терпимым, нежели ты – свою победу?

– Очень просто. – Хари фыркнул. – Ты можешь винить меня. А мне кого винить?

Шоколадные брови над огромными, ласковыми очами взмыли вверх – Тан'элКот задумался.

– Мм... пожалуй, – признал он наконец с грустной полуулыбкой, кивнув собственным мыслям. – У тебя есть одно поразительно неизменное качество, Кейн. Ты всегда оказываешься чуть-чуть умнее, чем я предполагаю.

– Мгм. Точно. Я гений. С большой буквы «х».

Тан'элКот потрогал переносицу, там, где Кейн сломал ее; небольшой изгиб оставался единственным изъяном, нарушающим совершенство его черт.

– Знаешь, почему я не стал исправлять этот перелом? – спросил он. Ладонь его разомкнулась, словно выпуская бабочку. – По той же причине, по которой сменил имя.

Хари снова прищурился, глядя на него, и увидел другое лицо – лицо того же человека в те дни, когда тот правил Империей Анханан как Император и живой бог. Тогда он называл себя Ма'элКот, что с языка пакули переводится приблизительно как «я бесконечен». «Ма» на этом наречии есть форма настоящего времени глагола «быть», а «тан» – форма времени прошедшего.

«Я был бесконечен».

– Так что всякий раз, слыша свое имя, всякий раз, глядя в зеркало, – продолжал Тан'элКот, – я напоминаю себе, чего стоит недооценивать тебя.

Слова прозвучали отстраненно и точно. Словно заученная речь. За годы, проведенные на Земле, Тан'элКот все больше и больше приучался изъясняться таким образом – будто играл перед одним ему видимой аудиторией.

Хари хмыкнул:

– Лстец.

– Мм. Возможно.

– Ты поэтому никогда не пытался меня прикончить?

Тан'элКот двинулся дальше.

– Месть – занятие для слабых умов, – раздумчиво проговорил он. – Опознавательный знак нищих духом.

– Это не ответ.

Тан'элКот только пожал плечами. Хари вскоре нагнал его.

– Быть может, я не стал уничтожать тебя, – пробормотал бывший Император, – потому, что куда приятней смотреть, как ты сам себя губишь.

– Очень верно сказано, – фыркнул Хари. – Все, что я делал в своей жизни, было для кого-то развлечением.

Тан'элКот пробурчал что-то неразборчивое, однако спорить не стал.

Хари потер шею, но напряжение, стянувшее позвоночник, не исчезло.

– Может, в конечном итоге это пережить тяжелей всего. В жизни я натворил много дерьма. И много хорошего тоже сделал. Но если добраться до сути, все это ерунда. Все, что делал я и что испытал – побеждал, проигрывал, любил, ненавидел, один черт, – все это имеет значение только потому, что помогало какому-нибудь ублюдку, которого я даже не знаю, скоротать пару часов.

– Мы с тобой и вправду парные мечи, – пробормотал Тан'элКот. – Наши войны давно отгремели, наша слава прошла. Что тебя на самом деле тревожит: что твоя жизнь была для кого-то развлечением или то, что тебя она больше не радует?

– А, хорошо, что напомнил! – воскликнул Хари. – Что-то я тебя давно в жопу не посылал!

Тан'элКот блаженно улыбнулся:

– Я плакал оттого, что нет у меня сапог, покуда не встретил безногого. – Он кивком указал на тротуар, туда, где спал, сгорбившись в старенькой инвалидной коляске, оборванный безногий нищий. – Посмотри на этого человека: без сомнения, он самую надежду на посмертие отдал бы, чтобы на один день встать на ноги – даже столь неверные, как твои.

– Ну? – поинтересовался Хари. – Он сильнее моего искалечен. И что с того?

Улыбка Тан'элКота поблекла.

– Инвалидное кресло у тебя получше будет.

– Ага. – Хари горько усмехнулся. – Ровер – настоящее чудо.

– Ровер? – Тан'элКот вопросительно поднял бровь. – Ты дал кличку своей инвалидной коляске? Не думал, что это в твоём характере.

Хари раздраженно передернул плечами:

– Это командный код, и все. Без него голосовое управление не воспринимает приказов.

– Но Ровер – это ведь собачья кличка? Как Верный... э-э-э... Фидо?

– В данном случае не кличка, – с раздражением поправил Хари. – Это шутка. Началось, во всяком случае, как безвкусная шутка, а потом я решил ничего не менять.

– Не вижу ничего смешного.

– Я тоже. – Он пожал плечами. – Знаю, ты мало бродишь по Сети. Что-нибудь знаешь о киносериалах двадцатого столетия?

– Только то, что это было весьма примитивное развлечение.

– Был среди них один, назывался «Пленник». Не слышал?

Тан'элКот покачал головой.

– Объяснить тебе, в чем соль, будет сложновато, – признался Хари. – Но Ровером звали... весьма энергичного тюремщика. Вот и все.

– Мм... – промычал Тан'элКот. – Кажется, понимаю...

– Только не надо ударяться в философию – всякий раз, как ты этим занимаешься, я начинаю жалеть, что не прикончил тебя, когда у меня был шанс.

– Вот-вот. – Тан'элКот вздохнул. – Я тоже иногда жалею.

Хари покосился на него, пытаясь найти слова, однако только кивнул и двинулся дальше. Тан'элКот держался рядом.

Они опять немного помолчали.

– Пожалуй... главный вопрос звучит так: чего на самом деле хочет человек? – проговорил наконец Тан'элКот. – Хотим мы смириться со своей судьбой или хотим изменить ее – на счастливую? В конце концов, примирение с нынешней ситуацией – лишь вопрос серотонинового баланса, и достичь его можно медикаментозным способом.

– Лекарства не изменят ничего, кроме моего к ним отношения. – Хари повел плечами, как бы отбрасывая саму идею. – А изменить? Свою жизнь? Черт, я дрался за это!

– Правда?

– Я выиграл, черт возьми! Я победил Кольберга. Я победил тебя. Я получил все, о чем мечтал, блин: славу, деньги, власть. И даже прекрасную женщину.

– Проблема со счастливыми концовками, – заметил Тан'элКот, – в том, что в жизни ничто не кончается.

– К черту! – ругнулся Хари. – Я буду жить после этого долго и счастливо. Вот, живу.

– Понимаю. Твое счастье привело тебя в такой час на эти улицы в моей компании, – пробормотал Тан'элКот. – Я всегда полагал, что «жить долго и счастливо» в четыре часа утра означает спать в своей постели рядом с женой.

Хари уставился на грязный асфальт под ногами.

– Просто... не знаю. Иногда глухой ночью, понимаешь... – Он помотал головой, отгоняя мысли. Вздохнул, пожал плечами. – Наверное, я просто не привык стареть, и все. Это... А-а, на фиг! Гадский кризис среднего возраста.

Тан'элКот остановился рядом и молча стоял, покуда Хари не поднял глаза и не увидел, что бывший Император смотрит на него так, словно куснул какую-то гниль, а выплюнуть не может.

– Так ты называешь свое отчаяние? Гадский кризис среднего возраста?

– Ну-у... или не так. Зови как хочешь, мне-то...

– Хватит! – пророкотал Тан’элКот. Ладонь величиной с лапу пещерного медведя легла на плечо Хари и стиснула с такой силой, что едва не хрустнули кости. – Ты не сможешь умерить боль, как ни обзывайся. Ты забыл, с кем говоришь, Кейн. – Глаза Тан’элКота сверкали, и этот взгляд держал Хари Майклсона крепче великанской руки. – В этом мы с тобой братья. Я пережил то, что чувствуешь ты, и оба мы знаем, что нет на свете слов, способных описать и умерить эту муку. Мы ранены, ты и я, и наших ран не излечит время. С каждым часом они болят все сильнее – как гангрена, как рак. Они убивают нас.

Хари опустил голову. Сердце так болело, что слова путались в голове, и оставалось лишь молча смотреть, стиснув зубы, на исчерченные шрамами костяшки пальцев.

Позади слышались пьяные голоса:

– Эй вы, педики! Вы, засранцы!

Хари и Тан’элКот обернулись. Двое алкоголиков, которых великан спихнул с дороги, теперь перли на них через всю улицу, неровными шагами перебираясь через лужу ртутно-аргонового света. У одного в руках Хари заметил обрезок трубы, у другого – стальной клинок сантиметров в двадцать.

– Вы, блн, кты т’кие? – пьяно поинтересовался тот, что с ножом, мотая головой, будто пытался найти щелку в заставшей глаза пелене. – На к’го наезж’ть взялись?

Этот шел первым; Хари шагнул вперед, ему наперерез. Придурок светился сигналами, точно рекламный щит. Нож у него – напоказ, для страха, для самоуважения: восемь дюймов стального члена, блестящего и негнувшегося.

Уладить ситуацию можно было тремя способами. Можно извиниться, поставить ребятам по банке, остудить немного, погладить по самолюбию – чего они на самом деле хотят. Можно вытащить карманный планшет, вызвать Социальную полицию, а потом сообщить алкашам, что он Администратор, Тан’элКот – Профессионал и если мужики не отстанут, то завтра им волочить ярмо. А проще всего – сразу сказать, кто он такой. Работяги поклоняются знаменитостям не меньше всех остальных и, нежданно встретив на улице самого Кейна, придут в восторг.

Но вместо этого Хари повернулся к парню с ножом левым боком на четверть оборота, свесив руки. По нервам пробежала знакомая искра.

– Знаешь, если не хочешь пускать в ход нож – не пугай.

– Кто сказал, что я не собира...

Хари вложил в удар всю инерцию худощавого тела. Взрыв от бедра, его кулак очертил короткую дугу и врезался в переносицу нападавшему. Послышалось влажное «хлюп», точно упало мокрое полотенце, голова алкаша запрокинулась почти под прямым углом, так что второй удар – правой – пришелся точно в подбородок.

Хари пошатнулся, скривившись от злости, шунт сбивал чувство равновесия, заставив сделать лишние полшага и открыться для ответного удара ножом, но это было уже не важно. Алкаш рухнул на спину, как подрубленное дерево, и растянулся на мостовой.

– Да наплевать на то, что ты собирался, – пробормотал Хари.

Кулаки жгло огнем. Это была приятная боль. Он ей только радовался.

– ...Твою мать! – выдохнул второй алкаш. Про обрезок трубы в руках он забыл напрочь. – Ты... я тебя знаю! Это же *ты*, да? То есть... вы ведь Кейн?!

– Был когда-то, – согласился Хари.

– Я твой покло...

– Спасибо. А теперь вали отсюда.

– Не, я серьезно! Я правда...

– Верю. А теперь уноси ноги, пока я тебя не грохнул.

Алкаш уковылял, бормоча себе под нос: «Мать, твою мать, твою в жопу долбаную мать...»

– Он мертв? – Тан’элКот кивнул в сторону лежащего.

– Может быть. – Хари пожал плечами. – Но вряд ли.

Боевое исступление прошло так же быстро, как накатило, оставив по себе тоску, горечь, тошноту. Пальцы ныли, во рту стоял привкус молотого кофе. «Вот и я тридцать лет спустя бью морды пьяным в Миссионерском округе.

Ну что, пошарим по карманам, раз взялся за старое?»

– Ты спрашивал, чего я желаю. Я тебе скажу... – медленно проговорил Хари. – Я тебе скажу, чего хочу на самом деле.

Он потыкал лежащего носком башмака. Глаза его не видели тела: в этом пьяном окровавленном работяге, который валялся на улице с разбитой мордой, потому что у него не хватило ума вовремя отвалить, он видел себя самого.

– Я хочу найти того, кто тянет лапы к моей жизни и превращает в дерьмо все, чего я ни коснусь, – проговорил Хари. – Я хочу его встретить. Я многого не прошу: я хочу поделиться с ним ма-аленьким кусочком боли. – Он стиснул кулаки и процедил сквозь зубы: – Я хочу... добраться до этой сволочи.

– Мм. Это желание я мог бы с тобой разделить, Кейн. – Рука Тан'элКота снова легла на плечо Хари, точно плащ, и этим прикосновением двоих мужчин связало понимание.

Хари отстранился.

Тан'элКот не опустил руки, повернув ее так, словно пытался прочесть линии на своей ладони. Он возвышался над Хари непроницаемой, непроглядной, нечеловечески плотной тушей – силуэт дольмена на фоне подсвеченных зарей облаков.

– Будь осторожен в своих стремлениях, – предупредил он тихонько. – Один великий мудрец вашего мира сказал когда-то, что, когда боги желают наказать нас, они исполняют наши желания.

Глава вторая

Бог праха и пепла спал от начала эпох, погладывая в беспокойной от неуголимого голода дремоте безвкусный огрызок своих прежних владений.

И хотя бог спал, сами сновидения поддерживали его страшную власть, ибо богу служили жрецы, даже не догадывающиеся о его существовании. Его церковь не походила на церковь, религия не полагала себя религией, его последователи молились иным богам – а то не молились никому. Между пробуждениями спящего бога проходили долгие годы – но стоило ему проснуться, как армии вставали ему на службу, думая, что служат себе одним.

Ибо такова сила властителя праха и пепла: сплести судьбы своих поклонников так, что узоры получившегося гобелена оказываются неожиданны для них.

1

Прохладный денек в охвостье лета клонился к закату. Тень гор Зубы Богов тянулась на восток, заглатывая сначала рудники, чтобы стереть воздвигшиеся над ними столбы дыма, потом Северо-западный тракт и, в конце концов, затопив сумерками Терновое ущелье, крошечную столицу Трансдеи.

Посол Монастырей в Трансдее, юноша, известный в миру как Райте из Анханы, сидел в исключительно неудобном кресле с прямой спинкой, без обивки и украшений и равнодушно следил, как надвигается на город тень.

Его глаза внушали страх: блекло-сизые, точно зимний лед, они странно выделялись на лице смуглом и суровом, как у кочевников из Корской пустыни. Это несоответствие делало взгляд Райте пугающим, почти опасным – немногие рисковали смотреть ему в глаза. И таких смельчаков стало бы еще меньше, если бы кто-то догадался, как глубоко эти бесцветные очи способны проникать.

Пятеро эльфов прибыли в ущелье к концу дня. В первый раз Райте заметил их из этого самого окна: пропыленные, в потрепанной за время пути грязной одежде, на скакунах, чьи ребра угадывались под черно-зелеными попонами. На плащах всадников вышит был увенчанный звездами ворон – герб дома Митондионн.

Покуда эльфы вели коней вверх по крутой улице Тор, Райте разглядывал их, запоминая всякий особенный разворот плеч и прическу, всякое пятно, выжженное солнцем на льняных камзолах, всякие приметы посадки и манер, отличавшие одного из Перворожденных от другого. Он вышел из тени недостроенного Посольства на улицу и, прикрыв глаза рукой от лучей низко стоящего солнца, стал следить, как встречает гостей стража под аркой ворот Терновой крепости, как расходятся створки и эльфы заводят коней внутрь.

Потом он вернулся в Посольство, в свой кабинет, и примостился на том же кресле, чтобы видеть ясней.

Он сидел совершенно прямо, стараясь дышать в такт еле слышному биению собственного сердца: шесть ударов на вдох, три – пауза, девять ударов на выдох, и три – пауза. По мере того как сердце сокращалось все неспешней, замедлялось и дыхание. Выдергивая деталь за деталью из натренированной памяти, Райте выстраивал перед внутренним взором образы гостей – со спины, откуда он лучше всего их рассмотрел: вот остроконечное ухо выглядывает из-под платиновых волос, кожаный ремешок наискось пересекает лопатки, поддерживая флягу, нечеловечески изящная осанка, движение плеч в такт сдержанной жестикуляции...

Медленно-медленно, с бесконечным терпением он добавлял к образу новые детали: сплетенные из темных волос пояски, ползущий по предплечью одного из эльфов шрам, легкий поворот головы другого. Не те детали, которые он мог разглядеть, но те, что подсказывало ему развитое воображение. Но по мере того как их становилось все больше, образы виделись все ярче, плыли, искажаясь, покуда не сошлись, обернувшись несомненной, зримой истиной.

Теперь по краям поля зрения начали сгущаться другие картины: мраморный пол, истертый множеством ног, – башмаки эльфов ступали по нему бесшумно, потому что под ноги им ложился от самых дверей длинный язык голубой ковровой дорожки. В высоте смутно чудились массивные, высокие своды, почерневшие за много лет от факельного дыма дубовые балки.

Райте удовлетворенно хмыкнул. Значит, Престольный чертог.

С тех пор как несколько месяцев назад его прислали сюда из Анханы, он много раз бывал в этом зале, и цепкая память вернула ему мелочей больше, чем мог бы узреть живой глаз: от начищенной стали церемониальных клинков, сплошь покрывавших стены, до точного оттенка пробивавшихся сквозь закопченные окна закатных лучей. Сцена становилась все отчетливей, ярче. Перед эльфами возвышался Золоченый трон, на котором раскинулся ленивый и безвольный властитель Трансдеи: Китин, четырнадцатый Герцог Тернового ущелья. Райте смог различить даже вышивку на ало-золотой рубашке Герцога и, ухватившись за эту деталь, развернул точку обзора. Теперь чертог виделся ему глазами Китина, и Райте впервые сумел взглядеться в лица гостей.

Собственно, приглядываться к физиономиям он не стал: морщины, которые оставляют время и тревоги на лицах людей, не трогают черты эльфов, а потому никак не отражают их внутреннего мира. С точки зрения Райте, все остроухие были на одно лицо.

Куда больше его интересовало, какие заботы привели их в Терновое ущелье. Он вглядывался в движения их губ, хотя языком Перворожденных владел слабо, однако ради Герцога Китина гости станут говорить на западном наречии, ну а читать по губам совсем просто, когда тебе помогает безупречное второе зрение.

Колдовской взор был одним из самых полезных талантов Райте.

Свой дар он обнаружил, когда был еще тринадцатилетним мальчишкой, даже не вполне подростком. Однажды солнечным утром он лежал в постели на чердаке крохотной отцовской кузни и мало-помалу просыпался. В этом сне он целовал Делу, черноволосую девушку лет шестнадцати, что торговала пончиками в сиропе на перекрестке Кожевенной и Угловой улиц. Лежа под одеялом и щупая напряженный спросонья член, Райте явственно представлял себе, как она встает, стягивает через голову ночную сорочку, представлял, как покачиваются ее округлые, налитые груди, как твердеют соски, когда она брызгает на себя водой из кувшина в изголовье. Мысленным взором он видел, как она стоит нагая перед зеркалом, укладывая волосы в новую прическу – вместо длинных кос, сбегавших по спине, выплетая из них блестящий черный венец. Представлял, как она надевает самую старую рубаху, ту, что нравилась ему больше всего, потому что сквозь изношенную ткань проглядывали темные круги сосков.

Фантазия, конечно, и ничего больше. Яркие мечты похотливого мальчишки.

Но когда он отправился тем же утром покупать отцу пончики на обед, краснея так, что едва осмеливался глянуть на Делу, то увидал, что девушка надела ту самую рубашу и волосы заплела по-новому, затянув косы тугим венцом – точно так, как он себе представлял.

Тогда Райте в первый раз подумал, что ему уготованы великие дела.

Овладеть своим даром оказалось непросто. В последующие дни и недели, когда юноша при малейшей возможности подглядывал за нагой Делой, он обнаружил, что богатое воображение скорее мешает ему, нежели помогает. Слишком часто созданный им образ сладострастно поднимал ладони к груди, чтобы погладить ее или сжать, как это мечтал сделать юноша, слишком часто ему представлялось, как ладонь скользит к шелковистой поросли внизу живота... и образ тут же рассыпался в хаотическое нагромождение темных пятен. Райте обнаружил, что ясное видение требует определенной холодности чувств, отрешенности, иначе картина смазывалась, исковерканная его собственными влечениями, призраками неосуществленных желаний.

Но, как обнаружил Райте, эти мечты и желания обладали собственной властью. Дела встретила его взгляд с лукавой улыбкой в тот миг, когда он удерживал перед мысленным взором идеально очерченный образ сплетенных под покрывалами тел, взяла его за руку, отвела к себе и тем же ясным жарким летним днем отняла его девственность с той же стеснительной улыбкой.

И это стало поцелуем фортуны.

Постриг он принял в четырнадцать. Доступное лишь в стенах монастырского Посольства обучение обострило его разум; эзотерические тренировки тела и рассудка воспитали самодисциплину, способную безжалостно душить любые стремления подавить этот дар. Теперь он пользовался собой, как иной монах мечом, – оружием, служившим Будущему Человечеству.

К двадцати пяти годам он стал самым молодым полномочным послом за всю шестисотлетнюю историю Монастырей – и даже Совет Братьев не догадывался, до какой степени их решения продиктованы тайной властью мечтаний молодого монаха.

Сейчас перед мысленным взором Райте начал сгущаться туман, похожий на пелену. Распахнулись массивные двери чертога, и двойная колонна облаченной в алые кирасы артанской стражи вступила в зал, расходясь широкой дугой. Забавные беспружинные арбалеты были взяты на плечо.

Эльфы взирали на них с нескрываемым любопытством, не осознавая значения происходящего. Герцог Китин вскочил с Золоченого трона и опустился на одно колено, приветствуя артанского вице-короля Винсона Гаррета. Герцогу Китину можно было доверить лишь сугубо церемониальные встречи. Вести в Трансдее серьезные дела без участия истинных правителей этого края было никак невозможно.

Сердце Райте тяжело забилося.

Проходя мимо эльфов, Гаррет, кажется, сказал им что-то сердечно вежливое. Райте ощутил укол гнева: если бы не пелена, мешавшая ясно узреть происходящее в зале, если бы он слышал, что сказал посланцам вице-король, то, возможно, сумел бы понять и цель их посольства. Неведение не давало ему покоя.

Как голодному хочется есть, Райте отчаянно захотелось связать происходящее с именем Кейна.

Но внезапная вспышка желания нарушила его сосредоточенность, и видение растаяло. Теперь он видел только ту часть города, что лежала за его окном в недостроенном монастыре. Выругавшись про себя, Райте закрыл глаза, даже ладонью прикрыл для надежности, и заставил себя сосредоточиться вновь. Дыхание его замедлилось, стало ровным: девять на вдох, три – пауза, двенадцать на выдох... и Престольный чертог вновь сооткался перед глазами.

– Голова болит, господин посол? – поинтересовался елеинно заботливый голос из-за спины. – Не хотите отвара ивовой коры? Я себе заварил.

Чертог исчез из поля зрения Райте, он открыл глаза, чтобы прожечь взглядом Птолана, главного квартирьера нового Посольства, толстенького, вечно чем-то изумленного эзотерика, который целыми днями укладывал непокорные остатки седых волос, невнятно что-то напевая себе под нос. Старик стоял в дверях, стараясь не отходить от железной жаровенки, которую держал у своего стола, – по природной лени его оплывающая, омерзительно бледная плоть не могла найти тепла даже летним вечером. Птолан плеснул в чайник кипятку из бронзового кувшинчика и выжидающе улыбнулся послу.

– Спасибо, – ледяным голосом ответил Райте, – нет.

– А то бы румянцу прибавило, – промурлыкал Птолан бодрым, на взгляд толстого дурака, тоном. Румянец на его щеках подошел бы размалеванной шлюхе. – Трудов-то на вторую чашку не будет. А то ж делиться надо. Братство людей требует. Знаю, вы в эзотерии начинали, но мы-то, простой народ...

Вместо ответа Райте пронзил его бесцветным немигающим взглядом – из тех, какими запугивал слабаков. Птолан сглотнул и, нервно хихикнув, отвернулся.

– Ну как знаете, конечно, как знаете, оно так всегда. Я... э-э-э... я просто... – Он потер ручки и снова хихикнул. – В общем, я на две чашки заварю, если передумаете...

– Не беспоко... – начал Райте.

– Да ничего, ничего...

– Я сказал, – посол осканился, – не беспокойте меня.

Он прислонился затылком к угловатой резной спинке кресла и закрыл глаза.

– Вон отсюда!

На протяжении убийственно долгих секунд Райте смог вызвать перед мысленным взором один-единственный образ – стоящего в дверях Птолана, беззвучно открывающего и закрывающего губастый рот, наподобие голодного цыпленка. Потом в коридоре прозвучали, удаляясь, неуверенные шажки, и Райте снова занялся дыханием. Вскоре Престольный чертог снова предстал перед ним.

Хотя герцог Китин сидел на Золоченом троне, а Гаррет стоял рядом, сразу было ясно, кто истинный хозяин Трансдеи. Артанский вице-король излучал властное спокойствие; Китин, прежде чем заговорить, всякий раз косился на Гаррета, выискивая на тощем длинном лице вице-короля признаки недовольствия.

Райте никак не мог сосредоточиться до такой степени, чтобы услышать голоса, но губы на смутно видимом лице Гаррета явственно произнесли знакомые слова: «Алмазный колодец».

Посол кивнул собственным мыслям, и образ превратился в калейдоскоп пестрых пятен. Итак, послы Митондионна явились, чтобы разрешить спор об Алмазном колодце; он предупредил Гаррета, что Митондионн не останется равнодушным – все нелюди заодно, – но вице-король решительно отказался волноваться, покуда не грянет гром.

Алмазный колодец был резервацией гномов в холмах Трансдеи, называвших ее с типично нелюдской дерзостью «свободным владением». Проблемы начались с год назад – до того, как Райте назначили сюда послом, – когда начали умирать гномьи дети и старики. Привычные к работе с камнем гномы быстро распознали признаки отравления металлами. Вице-король Гаррет с обычной – излишней, на предубежденный взгляд Райте, – щедростью приказал расследовать случившееся на артанские деньги. Когда причиной оказались протекавшие в подземные реки Алмазного колодца стоки артанских плавилен, Гаррет – опять же излишне щедро – предложил переселить гномов в другую резервацию, повыше в горы и дальше от артанских рудников.

Гномы отказались под предлогом сентиментальной привязанности к родным краям. Вместо того чтобы подчиниться, они по глупости своей начали кампанию партизанского сопротивления, ломая рудничные машины и плавильни артанцев, в надежде сделать невыгодными вся-

кие горные разработки в этих краях и вынудить артанцев уйти. Они забыли основной принцип военного дела: познай врага своего.

Боевые машины артанцев были еще лучше, чем горнопроходческие. Оказалось, что вступить в Алмазный колодец и взять под стражу всех гномов до последнего дешевле, чем переносить рудники. Тех, кто сдался добровольно, наградили – определили на работу в штольнях, снабжали провизией и чистой водой, обеспечили койками в бараках; сопротивлявшихся перебили, как зверей.

История вышла грязная, и в глубине души Райте полагал, что разрешить проблему можно было куда проще: подлить в те же подземные реки яду посильнее – и с гномами было бы покончено дешево и сердито. Маска добросердечия, заботы о законных интересах гномов, которую надел Гаррет, только усугубила ситуацию: гномы осмелели и причинили немало вреда рудникам, прежде чем власти наконец справились с ними.

Похоже было, что в Престольном чертоге сейчас творилось нечто подобное. Гаррет, вероятно, мнетя и жметя, пытаясь развеять подозрения эльфийских посланцев, не понимая, что у него уже серьезная проблема. Он понятия не имел, какие силы дом Митондионн по сию пору мог выставить в поле, – впрочем, и эльфы Митондионна не знали настоящей мощи артанских хозяев Трансдеи.

Райте пришел к выводу, что ему представилась уникальная возможность, – если бы еще понять, возможность чего и как ее использовать правильно.

Когда он решит, к чему тут Кейн, то поймет, что делать.

2

Любой, кто по натуре своей склонен к рефлексии и философствованию, бывает порой ошеломлен прозрением организующих принципов истории. Форма, которую принимают эти принципы, неизбежно зависит от присущей мыслителю мании. Для монархиста история – это схватка великих вождей. Для социалиста – борьба классов в экономической междоусобице. Агроном видит динамику народонаселения, землепользования, снабжения продовольствием. Философ может рассуждать о стремлении к власти или воле к объединению. Теолог – о воле Божьей. Райте не был по натуре вдумчивым человеком, однако судьба заставила его осознать один из таких всеобщих организующих принципов, очевидный настолько, что молодой посол не переставал удивляться, как остальные не замечают его существования.

Целую жизнь тому назад – когда Райте был юным, полным надежд, страстно верующим монашом в Анхане, едва вступившим на путь эзотерического служения, – этот всеобщий принцип истории вмешался в его судьбу, разбив ее, точно пережженный горшок. Осколок за осколком ему удалось собрать себя заново, перековать, но из того горнила вышел уже не Райте из Анханы, хотя откликаться на прежнее имя ему приходилось до сих пор.

В те дни послом Монастырей в Анхане служил Крил из Гартан-Холда. Старик и сейчас как живой стоял у Райте перед глазами: величественный, прекрасный, блестящий мыслитель, чьи глаза сверкали исключительным весельем, а разум, точно лесной пожар, мчался по ветвям раздумий. Посол Крил взял юношу под свое крыло, указав ему открывшиеся великолепные перспективы, поддерживал в изучении эзотерических дисциплин вроде шпионажа и рукопашного боя, а в особенности – тех сил мысли, которые стали величайшим его оружием.

В беспомощном ужасе Райте наблюдал, как Крил погиб от руки Кейна. В тот день Райте поклялся на лице Кейна, что не найдет такого места, где убийца сможет избежать возмездия со стороны Монастырей. Но после убийства Крила место посла занял Дамон, этот двуличный лентяй, долго мутивший воду перед Советом Братьев, – хотя в конечном итоге это ничего не меняло, потому что к этому времени Кейна уже считали мертвым.

Убийство Крила стало первым шагом к гибели Райте; так первый удар плотницкого молотка наживляет гвоздь для последнего, единственного. Пять суток спустя после гибели Крила, когда Посольство без главы впало в великое смятение, Райте выпало внеочередное дежурство. В тот судьбоносный полдень он сидел за столиком в скриптории среди бесхребетных экзотериков, мучительно выводя строку за строкой пятой копии своего отчета о гибели Крила.

Если бы Кейн не убил посла, Райте стоял бы на стадионе Победы рядом с отцом – честным, богобоязненным человеком, безмерно гордившимся местом кузнеца при конюшне дома Джаннера, рядом с матерью, молчаливой, верной супругой и хозяйкой дома, чьи любящие руки, словно магическая черта, всегда ограждали Райте от мирских горестей.

Родители юноши одними из первых обратились к Церкви Возлюбленных Детей; матушка была особенно страстно предана Ма'элКоту. Так что, разумеется, оба они стояли на трибуне, когда под восторженные крики толпы процессия вступила на стадион. Восторженные – покуда не начался бунт и крики не превратились в вопли.

Если бы Райте оказался там, он дрался бы, защищая родителей. Спас бы их. Но его там не было. Из-за Кейна.

Его отец и мать погибли в тот день. Их зарезали, точно скотину.

Из-за Кейна.

Из-за Кейна юноша перековал себя в меч.

В последующие годы Райте посвятил себя изучению Кейна и его народа, чужеплеменной расы Актири. Он стал ведущим экспертом Монастырей не только по Кейну, но и по Актири. Именно Райте открыл, откуда взялись таинственные артанцы, захватившие власть в Трансдее, а вскоре после этого убедил Совет Братьев сделать его первым послом Монастырей при артанском дворе.

Миряне могли верить тому, что твердила им Церковь, – что Кейн сдох в тот день на песке стадиона Победы. Райте знал правду. Где-то, как-то – но убийца его родителей был жив и радовался своей гнусной победе. Райте видел его в ночных кошмарах и каждую ночь заново давал свою клятву.

Я назову тебе свое имя.

Он назовет свое имя миру, но именем этим будет не «Райте из Анханы». «Райте» стал маской, карнавальным костюмом, которые он носил, скрывая свое истинное обличье. «Райте» был хрупок, нестойк, он разлетелся на куски с первого удара – пустой горшок, не более. Тот, кто перенял его лицо, был клинком, откованным в огне и закаленным во льду. Только в самых темных, потаенных мечтах, в сказках, коими живой меч убаюкивал себя за полночь, когда призраки прошлого теснились вокруг ложа, осмеливался он назвать себя настоящим именем.

Его звали Кейнова Погибель.

Детская выходка? Он сам это знал – но, когда клятва была произнесена, он и был юнцом. Теперь, семь лет спустя, у него щеки горели при мысли о том, как унижительно было бы выдать кому-либо, как он по сию пору ценит эту мальчишескую выходку... и оттого она еще прочней вращалась в душе.

Приняв это имя, юноша с ним принял и неразрывную клятву. И теперь он ждал в своем неусыпном бдении.

Сравнивая историю Кейна с записями в монастырских архивах, он обнаружил одну черту, которая, на его взгляд, определяла Кейна как явление. В каждом из запечатленных для истории походов этого чудовища – от тривиальнейшего убийства до эпического сражения при Церано, где была разгромлена Орда Кхуланов, – всегда имелась ключевая точка, момент равновесия, когда появление Кейна решительно направляло ход событий по новому, неожиданному пути.

Каким-то образом Кейн ухитрился стоять за каждым историческим событием на протяжении всей жизни Райте. И этот урок был выжжен, будто тавро, изнутри черепной коробки юноши.

Откуда появилась Империя? Кейн спас Анхану под Церано, а Ма'элКот одержал победу над превосходящими силами Липке во время Войны Долин. Откуда появился Ма'элКот? Кейн добыл для Ма'элКота Венец Дал'каннита. Как Райте стал Погибелью Кейна? Как Кейнова Погибель оказалась послом Монастырей у артанцев?

Ответ на каждый вопрос приводил к Кейну.

Для Райте это стало личным правилом буравчика, столь же потаенным, как его мрачные фантазии, – ничего не предпринимать, пока не решишь, при чем тут Кейн. Это правило служило краеугольным камнем всех его начинаний за последние семь лет. Связь могла быть отдаленной, смутной, многоступенчатой – но всегда находилась. Так он поддерживал свое нескончаемое бдение.

Возмездие перестало играть для Райте какую бы то ни было роль. Само собой, он вступал на этот путь, снедаемый жаждой мести, но месть калечит душу, она относилась к тем стремлениям, которые Райте отбросил, как змея сбрасывает шкуру. Кейна не следует карать. Его следует уничтожить.

Ничего личного.

В конце концов, разве Кейн не такая же пешка в руках судьбы, как сам Райте? Кейн не собирался убивать его родителей; это вмещалась рука судьбы, словно сама вселенная решила породить Кейнову Погибель.

Себя, и свою миссию, и свою мечту стать Кейновой Погибелью Райте воспринимал теперь как метафору, так же как стал метафорой его противник. Для Церкви Возлюбленных Детей Ма'элКота Кейн был Князем Хаоса, Врагом Господа. Символом самых низменных инстинктов человечества: жадности, подлейшего самолюбия и злобы, символом всего, что противостояло Церкви. Он олицетворял ту часть людской натуры, что натравляла мужа на мужа, жену на жену, – саморазрушительную жажду крови, являвшую собой величайшую угрозу Будущему Человечества.

И в этом состояла фундаментальная ошибка Церкви: возвысив Кейна до роли Врага Господня, она питала силой легенды о нем. Сам Райте был верным элКотанцем, как и его родители, но он находил поразительным, что Церковь может признавать, будто кто-то или что-то в силах противостоять Ма'элКоту. Хотя, согласно церковной догме, противостояние Кейна служило – против вражьей воли – вящей славе Ма'элКота. Райте мерещилось порой, что дело обстоит противоположным образом.

Кейн – он такой.

Все сводилось к одному простому вопросу. Чтобы правильно ответить посланцам Митондионна, он должен был понять: при чем тут Кейн?

На одно ужасающее, головокружительное мгновение Райте подумал вдруг, что никакой связи с Кейном может и не найтись. Бездна сомнения разверзлась под ногами, и только отчаянная борьба с собой удержала его от падения. Связь есть. Не может не быть. И он найдет ее. Должен найти.

Это судьба.

3

– Мм... господин Райте?

Сосредоточенность его вновь разрушил елеинный голосок Птолана.

Райте открыл глаза. Из распахнутого окна на него смотрела ночь мириадами подслеповатых звезд. Сколько часов он просидел в дремоте, покуда возможности проходили мимо? Он вскочил с кресла, покраснев от внезапно накатившей ярости:

– Сгнои свои кишки, Птолан, я же говорил – не тревожить!..

– Про... простите, брат, только брат Талле явился, говорит, на Артанском зеркале огоньки горят, и вы сами приказывали – в любой час, чем бы ни занимались...

– Л-ладно, – прорычал Райте. – Да заткнись ты, благостью Джанто! Иду уже.

4

Окинув взглядом переполненный зал, Дамон из Джантоген-Блаффа, исполняющий обязанности посла Монастырей при Дворе Бесконечности, позволил себе испытать некоторое удовлетворение. Оркестр играл изумительно; посреди огромного зала колыхались в танце сотни пар, в то время как в сбившейся вдоль стен и в боковых нишах толпе скользили десятки юных послушников в белых рясах с подносами, полными бокалов и закусок. Свет лился ниоткуда, словно сам воздух пламенел, слегка подрагивая в такт вальсу и озаряя собравшихся сиянием более нежным и завораживающим, чем свет простых фонарей, отчего мужчины казались еще более блистательными, женщины – более прекрасными, а окружение их – поистине совершенным.

За те шесть лет, что Дамон исполнял обязанности посла, Монастырский бал превратился в одно из главных событий в календаре высшего общества Анханы. Сам Дамон был человеком серьезным и прагматичным, редко находил время для условностей и недолюбливал празднества, однако ценность таких балов оспаривать было невозможно. Монастыри представляли собою независимое государство, однако страна эта не имела границ, и анклавов ее имелись во всех ведомых землях. На этой, самой нейтральной из нейтральных территорий посланцы всех правительств цивилизованного мира могли встречаться, не следуя протоколу и забыв о спорах и привилегиях.

Вот, кстати, пример перед глазами: пьяноватый посол Липкана травит анекдоты своему пакуланскому коллеге, с проспиртованным дружелюбием опираясь на его плечо, невзирая на продолжающуюся каперскую войну между Пакули и Липканом. Среди танцующих разносился хохот облаченного в расшитую золотом медвежьей шкуру джел'Хана Корского, которого Майя, Графиня Каарн, заставила исполнить особенно изящный пируэт. Обычно бесстрастное лицо Дамона скривилось в мрачноватой, но довольной усмешке; пожалуй, и не узнаешь, сколько войн, убийств, дипломатических конфликтов всех мастей предотвратили такие вот балы.

Он не стремился к своему нынешнему посту, не радовался ему – но работа есть работа, и Дамон был доволен, что справляется с ней.

Сквозь музыку и смех Дамону слышались гневные голоса. Он прислушался, – похоже, кричали в Привратном зале, а не в танцевальном, за дверьми в три человеческих роста высотой, да так громко, что посол испугался, что может пролиться кровь. Впрочем, за безопасность Посольства отвечали не простые монахи, а настоящие ветераны, мастера рукопашного боя, способные остановить любую драку, не искалечив и не оскорбив ее участников, так что Дамон не стал тревожиться попусту, покуда мелодия вальса не рассыпалась глухой какофонией и не смолкла.

Рядом с дирижером стоял, отчаянно размахивая руками, незнакомый тип в синей с золотом ливрее Очей Божьих. Танцующие застыли в тишине, ожидая развития событий.

Сквозь толпу пробился послушник в белом и, нервно поклонившись Дамону, выдохнул так громко, что слова далеко разнеслись по притихшему залу:

– Господин Дамон... патриарх, он... Очи, Серые Коты, они арестовали Херна, и Дженто, и... и... и вице-посла т'Пассе!

Дамона скрутило леденящей судорогой. На мгновение ему отказали и язык, и тело...

Зал взорвался гулом. Послы и посланцы всех стран сбивались в группки, будто перепуганные олени. Оркестр грянул наконец имперский гимн «Король королей», и стоило первым аккордам прорезать шум голосов, как распахнулись тяжелые двери и в зал хлынул поток облаченных в серую кожу суровых воинов. За бойцами в сером следовало с дюжину рыцарей-гвардейцев в церемониальных кроваво-красных доспехах, окружавших тесную кучку Очей Божьих.

А среди них ковыляла невысокая фигурка в темной рясе. Патриарх Анханы.

Дамона отпустил паралич.

– Мальчик, вызови ко мне в кабинет мастера Доссайна. Скажи, пусть свяжется по Артанскому зеркалу с Советом Братьев, передаст, что мы атакованы и Посольство захвачено имперскими войсками.

Послушник заколебался.

– Я не понимаю! Как мог даже патриарх осмелиться...

– Тебе не положено понимать, – отрезал Дамон. – Тебе положено подчиняться. Когда мастер-почтарь отправит сообщение, пусть отсоединит зеркало и спрячет, дабы глаза мирян не узрели его. Марш!

Мальчишка бросился прочь, точно ошпаренная крыса.

Серые Коты пронизали толпу, держа наготове мечи, одним своим видом убеждая, что мудрей всего сейчас будет молча выждать, и наблюдать, и молиться, чтобы патриарх явился не по твою душу.

Дамон по очереди переглянулся с несколькими монахами, уже расчистившими для него дорогу в толпе. Посол махнул рукой тут же смолкшим оркестрантам и шагнул вперед, чтобы в наступившей полной тишине встретить взгляд патриарха Анханы.

Ростом патриарх был несколько ниже среднего. Бледное лицо избороздили глубокие морщины. Дамон по опыту знал, что владыка проводит не меньше двенадцати часов в сутки в трудах на благо Империи – и эти двенадцать часов сплошь и рядом растягиваются в двадцать. Волосы, выбившиеся из-под черной бархатной ермолки, были того же невнятного серо-коричневого оттенка, что и глаза, взиравшие на Дамона с тем же невыразительным бесстрастием, как в те дни, когда нынешний патриарх был еще ответственным за Общественный порядок.

Это было еще до Успения Ма'элКота. В хаосе, последовавшем за преобразованием Императора, Герцог Тоа-Ситель не только захватил власть, угрозами заставив дворянство подтвердить его титул имперского сенешаля, но, укрепившись на новом посту, провозгласил элКотанство государственной религией, а себя сделал первым патриархом Церкви Возлюбленных Детей Ма'элКота.

Действуя исключительно от имени божественного Ма'элКота, патриарх сосредоточил в своих руках даже большую власть, чем когда-то сам Император. Дамон про себя полагал, что Тоа-Ситель, бывший Герцог, а ныне сенешаль и патриарх, был опаснейшим из живущих на свете людей.

– Ваше сияние, – проговорил посол холодно и корректно. Преклонять колени или хотя бы сгибать гордую шею перед пришельцем он не стал; в пределах посольских стен он был полноправным владыкой и не должен был склоняться перед захватчиком. – Полагаю, вашему возмутительному вторжению найдется объяснение. Вторжение ваших солдат на мою землю и задержание под угрозой насилия монастырских подданных составляют повод для начала войны.

Тоа-Ситель только поджал едва заметно губы.

– Вы не первый государь, – заметил Дамон многозначительно и резко, – обманувший себя мыслью, будто у него достанет сил отнять суверенитет у Монастырей.

– Я должен извиниться перед вами, – вкрадчиво отозвался патриарх. – Никто не пострадал. Кроме того, Империя не имела намерения нанести оскорбление Монастырям. Империя не вторгалась на ваши земли. Империя не нападает. Задержанные будут освобождены, как только

будет установлено, что они действительно подданные Монастырей, а не преступники и террористы, обвиняемые в тягчайшем преступлении против Империи – богохульстве. Наша позиция будет детально изложена в наших формальных извинениях, которые мы принесем Совету Братьев. Не продолжить ли нам дискуссию в вашем кабинете, ваше превосходительство?

– Возможно, ваше сияние может сейчас, в присутствии всех собравшихся, – мрачно обогнул его Дамон, – объяснить, каким образом мой первый заместитель мог оказаться кем-то, кроме как подданным Монастырей?

Патриарх даже не оглянулся на затаившую дыхание, ловящую каждое слово толпу.

– Женщина, именующая себя т'Пассе, из Нарнен-Хилла, – невозмутимо ответил он, – связана с кейнистами и, более того, сама выражала политические взгляды, равнозначные открытому кейнизму.

Эти слова вызвали в молчаливой толпе изумленные вздохи, негодующие шепотки: «Какая, однако, наглость, будь он хоть трижды патриарх!» – недоверчиво-возмущенные взгляды, брошенные на патриарха и на его стражу.

Лицо Дамона оставалось бесстрастным, скрывая гнев, обращенный равно на помощницу посла с ее нелепым идеализмом и на него самого – за то, что по доброте душевной не выбил из нее дурь вовремя.

– Это было бы весьма печально, однако ничего преступного я здесь не вижу. Сколько мне известно, кейнизм сам по себе не составляет государственной измены.

– Это говорит только о том, – отозвался патриарх с тем педантизмом, который переходит в скрытую насмешку, – как мало вам известно.

Слова долго, долго падали в тишину.

– От сего дня, кануна дня Святого Берна, да будет известно всем: нет покоя для врагов господних. Предатели и террористы не смогут прятаться за дипломатическими условностями. Когда дело касается блага Возлюбленных Детей Ма'элКота, даже наше всем ведомое уважение перед Монастырями должно уступить. Суверенитет Монастырей принадлежит миру; власть Ма'элКота дана от вечности. Нет бога, кроме Ма'элКота!

Патриарх, рыцари-гвардейцы и Серые Коты разом ударили себя в грудь кулаками, будто вгоняя кинжал между ребрами, и протянули ладони вперед, словно предлагая своему господу кровь из сердца, – символ своей веры.

Коротко кивнув Дамону, Тоа-Ситель поковылял прочь, к двери, ведущей во внутренние помещения Посольства. На ходу он слегка прихрамывал – давала о себе знать изувеченная нога.

– У тебя в кабинете, Дамон, – пробормотал он, проходя мимо посла. – Сейчас же.

Четверо гвардейцев последовали за ним.

На протяжении нескончаемых секунд Дамон стоял недвижно, обуреваемый раздумьями. Потом взял себя в руки настолько, чтобы объявить негромко, но с особенной ясностью, так что услышал весь зал:

– Этот спор касается лишь Империи и Монастырей и между ними будет разрешен. Пусть он не испортит вам праздника.

Повинуясь взмаху его руки, оркестр заиграл веселенькую плясовую. Не глянув, станет ли кто-нибудь танцевать, Дамон двинулся вслед за патриархом.

Выходя из зала, он подал знак шестерым охранникам. Все шестеро – эзотерики, каждый – мастер боя, способный справиться с противником в доспехах. Дамон не питал иллюзий, что он сам или его Посольство способны выдержать столкновение с военной мощью Империи, но он твердо решил, что и патриарх такого столкновения пережить не должен. Если дело не удастся решить миром, оно решится кровью.

5

Тоа-Ситель со вздохом опустил измученное тело в объятия массивного кресла за огромным испарпантым письменным столом в посольском кабинете. Одной рукой патриарх растирал искаленное колено, другой придерживал рюмку лучшего тиннаранского бренди, которое нашел в ящике стола. Сделав щедрый глоток благоуханной жидкости, он глянул на Дамона и слегка склонил голову к плечу, что заменяло ему улыбку.

– Точно не присоединишься?

Исполняющий обязанности посла ответил ему немигающим взглядом.

Тоа-Ситель вздохнул:

– Да расслабься, Дамон. Извини, что устроил этот спектакль в зале. Это было всего лишь представление – байка, которая разойдется далеко за пределы Империи еще до выходных, как я и рассчитывал. А я тем временем отпущу твоих людей, и Церковь выплатит любые репарации, какие только затребует Совет. Пойдет? Я оправдаю твоих подручных и представлю письменные извинения за нанесенные Посольству обиды – с тем добавлением, что, окажись твои ребята взаправду кейнистами, их ждало бы то же имперское правосудие, что и любых врагов господних. Но это мелочи. Выпей со мной.

Дамон тяжело вздохнул, покачав головой, однако покорно шагнул к столу, вытащил бокал и плеснул себе на три пальца корского самогона из кактусов.

– Не могу предсказать, что ответит тебе Совет, – пробормотал он, – но для репараций мы всегда открыты. Братья хотят войны не больше, чем Империя.

Тоа-Ситель одобрительно кивнул, указав рюмкой на обстановку кабинета: дорогой гарнитур хрупкой резной мебели в том легком, воздушном стиле, что отличал последние работы мастеров Анханы.

– Вижу, ты так и не сменил мебель после Крила.

Дамон пожал плечами:

– Я всего лишь исполняющий обязанности посла. У меня нет полномочий что-то менять.

– Мм, да, тебе никто не доверяет, правда? Ни одна из фракций в Совете не в силах толкнуть на этот пост своего прохиндея, так что ты остаешься на своем месте: единственный честный человек во всем дипломатическом корпусе Монастырей. – Тоа-Ситель фыркнул при одной мысли о честном после. – Я всегда тобой восхищался, знаешь?

Дружелюбный тон сделал свое дело: напряжение стекало с лица Дамона. Посол медленно опустился на обитую изумительно расшитой парчой кушетку. Он был все так же осторожен, но это можно стерпеть, если Дамон не наделает с перепугу глупостей – например, не прикажет тем монашкам наброситься на гвардейцев под дверями. В голове у патриарха промелькнуло, что облегчение в душе посла мешается с разочарованием: Дамон явно метил в благородные мученики.

– Честность – невеликая добродетель, – устало заметил Дамон, отхлебнув самогона. – Я говорю правду, потому что такова моя природа. Я не склонен ко лжи. Это как цвет моих волос или рост: не добро и не зло. Просто... так есть.

– Мм... поступай в согласии с собой, так? – пробормотал Тоа-Ситель. – Ты говоришь почти как кейнист.

Дамон хмыкнул и покачал головой:

– Я политикой не занимаюсь.

– Они, если им верить, тоже. Они у нас философы.

Дамон поджал губы:

– Лучше объясни, зачем ты явился. Вряд ли для того, чтобы обсудить тонкости кейнистской догмы.

– Вот тут ты ошибаешься, друг мой, – ответил Тоа-Ситель. Он осушил рюмку и, прежде чем продолжить, налил себе еще. – Завтра праздник Святого Берна. Через три месяца Успение, Дамон. Седьмой ежегодный праздник Успения, волею Ма'элКота.

Он поднял рюмку, оглянувшись на маленький элКотанский алтарь в углу кабинета, словно предлагая богу тост.

– Это будет важнейший день моего патриаршества. Есть среди наиболее легковых Возлюбленных Детей такие, что верят, будто сам Ма'элКот вернется к нам в этот день.

Дамон кивнул.

– Слышал такую байку.

– Это всего лишь сказка, – продолжал Тоа-Ситель. – Вознесенный Ма'элКот не вернется во плоти. Он трансцендентен, имманентен, вездесущ. Он не нуждается в физическом теле. Но Империя, с другой стороны... Империя нуждается в безупречно проведенном празднике Успения. Понимаешь? Это ключевой символ доктрины элКотанского превосходства. – Не выпуская из руки рюмки, он машинально предложил алтарю кровь своего сердца.

– Начинаю догадываться, – промолвил Дамон. – Ты полагаешь, что кейнисты попытаются нарушить ход торжества?

– Без сомнения, – устало отозвался Тоа-Ситель. – Как иначе? Такой возможности упустить нельзя. Нарушить ход празднества – невеликий труд, но выставить имперскую Церковь слабой и непредусмотрительной – значит поставить под угрозу само существование Империи.

Он снова осушил рюмку, твердо пообещав себе, что это последняя. Он так устал, что даже от нескольких глотков бренди начинала кружиться голова. Стены сжимались вокруг него, и воздух густел, не давая вздохнуть.

– К началу празднеств кейнизм останется дурным сном. Уцелевшие кейнисты будут думать только о том, как пережить следующий день, а не о том, как надсмеяться над Церковью. Я был снисходителен, Дамон. Я позволил им зайти слишком далеко, и они осмелели. Теперь придется раздавить их, прежде чем негодяи натворят дел.

Дамон ответил ему мрачным взглядом. Тоа-Ситель часто подумывал, что у посла есть свои соображения о том, насколько Империя представляет ценность для исполнения главной задачи Монастырей – верховенства человеческой расы над всеми остальными. Совет Братьев открыто поддерживал Империю как первейшую надежду человечества. Упрямая преданность Монастырям не позволяла Дамону публично отвергнуть политику Совета, но вросшая в душу честность не давала и согласиться прилюдно – поэтому посол отмалчивался.

Вздыхнув, Тоа-Ситель все же налил себе еще рюмку. Неожиданно покойно было сидеть вот так... пусть и не с другом, но с человеком, которого патриарх не считал нужным использовать, при котором можно было отбросить тяжелую маску божественной непогрешимости. Бывший Герцог решил про себя, что, закончив эту беседу, он вернется прямо во дворец Колхари и завалится спать до утра.

– Знаешь, – неспешно проговорил он, – в этой самой комнате я впервые встретился с ним. С Кейном. Прямо на этом месте.

– Я помню, – мрачно отозвался Дамон.

– Конечно-конечно. Ты ведь тоже был здесь, да?

Они переглянулись и разом посмотрели вниз, на широкий ковер, разделявший собеседников. Почти семь лет тому назад они стояли в этой комнате, глядя, как меркнет свет в глазах расprostертого на этом самом ковре посла Крила по мере того, как останавливается его сердце. Кейн переломил послу шею. Тоа-Ситель часто подумывал, как изменился бы мир, если бы он той ночью поступил так, как подсказывал ему здравый смысл: приказал бы пристрелить Кейна, точно бешеного пса, – явно удачное сравнение.

– Его милостью ты получил свой пост, – задумчиво пробормотал он. – Ты начал исполнять обязанности посла, когда Кейн убил Крила...

– Казнил, – твердо откликнулся Дамон.

Тоа-Ситель сделал вид, что не слышал замечания.

– Собственно, его милостью ты продолжаешь занимать свое место. Когда ты свидетельствовал перед Советом касательно обстоятельств гибели Крила, твои слова не понравились ни его друзьям, ни врагам. Ты оказался посередине, настроив против себя обе стороны, – опасная позиция, но ты, как выяснилось, наделен редкостным чувством равновесия.

– Я рассказал им правду, – ответил Дамон, пожав плечами, и тут же с любопытством покосился на патриарха. – А откуда ты знаешь, о чем я свидетельствовал? Протоколы заседаний Совета...

– Да-да, все секретно, – отмахнулся Тоа-Ситель. – Я просто нахожу эту тему для раздумий занимательной – время от времени. Сам по себе Кейн был, несомненно, воплощением зла, как и считает Церковь: бессердечный убийца, в стремлении удовлетворить очередной каприз нимало не заботившийся о разрушенных его прикосновением судьбах. Он предал господа нашего, и все же его предательством Ма'элКот был преобразен. Он искалечил меня – перебил колено так, что никакие чародеи не в силах помочь мне, и боль, терзающая меня на каждом шагу, напоминает о прикосновении Кейна – и в то же время подарил власть над Империей Анханан. Он затеял бунт, в ходе которого город едва не сгорел дотла, и начал гражданскую войну – собственно, не только Вторую войну за Престол, но и Первую.

В груди патриарха заныла старая боль от внезапно нахлынувшей скорби. В последней Войне за Престол погибли Ташинель и Джаррот, оба его безмерно любимых сына. Он встряхнул головой – это была знакомая мука, притупленная к тому же алкоголем, – и продолжил:

– И в то же время Кейн спас Анханан в битве при Церано. Он сгубил бесчисленное число душ... но нельзя забывать, что он оказал нашей стране огромную услугу, убив этого безумца Берна.

– Твоя Церковь почитает Берна святым, – напомнил Дамон.

– Не моя. Церковь Ма'элКота. – Тоа-Ситель снова вяло махнул рукой в сторону алтарика. – Ты забываешь, что я был знаком с Берном. Завтра мы будем славить его жертву во имя господне, а не личные качества. Как личность он был садистом и убийцей – похуже Кейна, и я готов под этим подписаться. В частной беседе.

Дамон криво усмехнулся, словно ему больно было изгибать губы.

– Ты и сам говоришь точно кейнист.

– Это все бренди, – махнул рукой Тоа-Ситель и, запрокинув голову, вылил в рот последние капли, после чего снова наполнил рюмку. – Я хочу, чтобы поняли все, Дамон: кейнизм – это государственная измена. Последователи Кейна открыто объявляют себя врагами державы и господа нашего. В пределах Империи кейнизм отныне вне закона – даже в устах монастырских подданных.

Дамон нахмурился.

– Не думай, что тебе позволено указывать подданным Монастырей, каких политических или философских взглядов им следует придерживаться, – важно проговорил он.

Тоа-Ситель устало взмахнул полной рюмкой бренди.

– И не пытаюсь. Я лишь рассчитываю, что Совет Братьев сочтет разумным носителей подобных взглядов отправлять куда-нибудь подальше – дабы избежать обвинений в намеренном оскорблении Империи и Церкви. В конце концов, – добавил он рассудительно, – кейнистская ересь не должна быть слишком любезна сердцам Братьев. Если бы Кейн не погиб на стадионе Победы, уверен, вы вскоре сочли бы необходимым избавиться от него.

Дамон взболтал в бокале кактусовый самогон и с хмурым видом уставился на доньшко.

– Иные твердят, что Кейн выжил – будто он ждет за краем мира – и, когда вернется Ма'элКот, с ним явится и Кейн, чтобы вступить в последнюю битву.

– Дикарские предрассудки, – фыркнул Тоа-Ситель. – Сказки про конец света всегда будут популярны среди невежд – а распространяют их те же кейнисты, без всякого сомнения! Но я намерен удостовериться, что поклонники Кейна никогда не смогут осуществить свои лживые пророчества. Вот поэтому мы с тобой сейчас беседуем с глазу на глаз, Дамон, у тебя в кабинете. Я хочу убедить тебя, что тружусь в интересах человечества, как и ты, и любой послушник. Кейнизм – наш общий враг, и победить его можно только общими усилиями.

Тревога, замеченная им прежде на лице Дамона, вернулась.

– Я вовсе не убежден, что кейнизм – наш общий враг, – заметил он. – И о каких усилиях ты говоришь? Что тебе от нас нужно?

– От тебя лично, Дамон, – сразу отозвался патриарх. – Время на исходе. У меня нет месяца или шести недель, чтобы гонять курьеров за границы Империи. Я желаю побеседовать с Райте из Анханы, нынешним послом в герцогстве Трансдея.

– Побеседо... – Дамон напрягся. – Как ты?..

– У вас есть устройство – кажется, вы зовете его Артанским зеркалом, – которое вы получили от артанцев, ныне властвующих в Трансдее. Обычно им пользуются отсюда, из твоего кабинета. Как оно действует, я не имею понятия. Но если ты будешь столь любезен, что позволишь мне связаться с послом Райте, я буду тебе крайне признателен.

– Но... но это же невозможно. Как ты...

– Как я прознал об этом тайном приспособлении? – Тоа-Ситель со вздохом осушил очередную рюмку. – Потратив жизнь на то, чтобы профессионально собирать чужие тайны, я обнаружил, что это занятие доставляет мне радость само по себе – отвлекает от тяжких государственных забот.

Он изобразил одну из своих редких медовых улыбок, ударил себя кулаком в грудь и протянул вперед ладонь:

– Око Божье зрит все. Нет бога, кроме Ма'элКота.

6

Тоа-Ситель внимательно наблюдал, как готовят к работе Артанское зеркало. Слышать об этом устройстве ему доводилось, но прежде он не видывал его и не знал, как оно работает.

Собственно, Артанское зеркало представляло собой коробку размером с небольшой саквояж, которую мастер-связист, некий Доссайн из Джантоген-Блаффа, примостил на письменном столе Дамона. Потом мастер-связист присоединил торчавшую из коробки веревочку в темной оплетке к другой такой же, незаметно свисавшей с оконной рамы. Одну из стенок коробки представляло собой совершенно обычное зеркало, вроде бы из посеребренного стекла, сбоку торчало золотое кольцо. Как соединялись веревочки, Тоа-Ситель не уловил – мастер-связист словно воткнул их концы друг в друга, и те срослись, будто привой с веткой дерева. Потом Доссайн отошел, и один из его помощников, называвшийся братом-динамиком, взялся, зажавшись, за кольцевидную рукоятку.

В молчании прошло несколько мгновений. Потом брат-динамик открыл глаза со словами:

– Есть контакт.

Дамон уселся перед Артанским зеркалом, брат-динамик взял его за руку.

– Привет из Анханы, – проговорил Дамон. – Посол Дамон вызывает посла Райте.

Тоа-Ситель склонился вперед, вглядываясь в странную коробку. Ему казалось, что Дамон смотрит на собственное отражение и беседует с воздухом.

В тишине прошло еще несколько секунд, затем Дамон промолвил:

– Плохо, почтенный Райте. Это не личный звонок. Со мной находится его сияние патриарх Анханы, который желает побеседовать с вами. – (Последовала пауза.) – Но он знает! – резко проговорил Дамон. – Вам бы следовало вспомнить, милейший Райте, что патриарх неко-

гда руководил Очами. Я предпочел не оскорблять его лицемерным притворством и вам советую последовать моему примеру... Очень хорошо... Да, помню. Можете быть уверены, что и патриарх помнит. Подождите минутку.

Он отпустил руку брата-динамика и обернулся к Тоа-Сителю.

– Почтенный Райте попросил меня не забывать, насколько он, будучи послом, занят своими обязанностями, – пояснил он со сдержанной усмешкой и уступил место патриарху.

Тоа-Ситель опустился в кресло, взгляделся в свое отражение и скривился, подметив обвисшие брыли, глубокие складки вокруг них, почти черные круги под глазами. «Вот кончится благополучно праздник Успения, – пообещал он себе, – и уйду в отпуск». Давно пора. Патриарх вздохнул, вспомнив, что собирается в отпуск уже седьмой год кряду.

Он сосредоточился на деле.

– Как этим пользоваться?

Брат-динамик протянул руку:

– Вашему сиянию достаточно лишь взять меня за руку и говорить, словно брат Райте с нами, в этой комнате.

Нахмурившись, Тоа-Ситель последовал совету. Потом ему пришлось нахмуриться еще больше – когда лицо в зеркале расплылось в сероватой мгле и на его месте соткалось иное: узкое, с заостренным подбородком, кожа как натянутый пергамент, нос точно вбитый между близко посаженными колючими глазами нож. Тонзуру окружал венчик сальных русых волос. Облачен мужчина был в роскошные кроваво-красные одежды посла Монастырей. Вот только эти глаза... они определенно вселяли трепет: блекло-сизые на фоне смуглой кожи, почти выпцветшие, тусклые и мутные, словно вдавленные в череп кубики льда.

Больше тридцати патриарх своему собеседнику не дал бы – скорее, лет двадцать пять, от силы на год больше.

И, к своему изумлению, Тоа-Ситель узнал его, хотя не мог бы сейчас вспомнить, где и когда именно – быть может, несколько лет назад – встречал этого необычного юношу. На какое-то мгновение его заворожил образ спутанного клубка судеб, переплетающихся снова и снова, без смысла и цели.

«А, к демонам все! – подумал Тоа-Ситель. – Пить надо меньше».

– Ваше сияние! – В голосе прозвучала скрытая насмешка – это Райте говорил с ним из загадочного устройства, через сотни миль. Комнаты, в которой сидел посол, видно не было, – казалось, юноша парит в сером тумане. – Чем могу служить?

Тоа-Ситель фыркнул. Тратить время на вежливую болтовню или как-то приукрашивать истину он не находил нужным.

– Как поданный Монастырей, вы не являетесь больше жителем Империи, поэтому я не могу приказывать вам. Однако Совет Братьев требует, чтобы делам Империи все и каждый из монахов оказывали полное содействие. Поэтому считайте, что моя просьба исходит от самого Совета.

Райте прищурил блеклые глаза.

– Продолжайте, ваше сияние, прошу.

– Передайте вашему вице-королю Гаррету вот что. От сего дня исповедание, явное или тайное, идей кейнизма считается изменой Империи и оскорблением господ... – начал Тоа-Ситель.

При этих словах глаза Райте полыхнули отчего-то огнем, будто зимнее солнце вышло из-за непроглядных туч.

– Это великий час, ваше сияние... но передать это вице-королю! Я не понимаю.

– Еще как понимаете, Райте, – раздраженно промолвил Тоа-Ситель. – Всем известно, что вы не дурак. Равно как общеизвестно, что вы получили свой нынешний пост по одной-единственной причине: вы ведущий знаток Актири среди поданных Монастырей.

Взгляд Райте буравил патриарха, как пропущенные сквозь линзу лучи солнца. Тоа-Ситель не удивился бы, если бы щеки его под этим пламенным взглядом пошли волдырями.

– Вы не можете...

– Оставьте! – Прежде чем продолжить, Тоа-Ситель собрался с мыслями, возвращаясь к привычной суховатой точности речи. – Наше сообщение Гаррету звучит очень просто: поддержка изменников-кейнистов отныне будет считаться объявлением войны.

– Ваше сияние, – проговорил молодой дипломат, – совершает страшную ошибку.

– Этот вопрос не подлежит обсуждению, посол. Передайте Винсону Гаррету, что Двор Бесконечности ведает о нем; никому не скрыться от карающей длани Ма'элКота. Передайте ему: мы знаем, что и он, и его так называемые артанцы суть не кто иные, как Актири. Нам известно, что Актири содействовали распространению кейнизма. И передайте, что, если он и его хозяева-Актири продолжают свою кампанию террора против Империи, их крошечный плацдарм в нашем мире будет выжжен дотла!

Райте фыркнул с нескрываемым высокомерием.

– Мы объявим крестовый поход, – произнес Тоа-Ситель. – Это вам понятно?

Посол как будто сглотнул, помотав головой, словно у него першило в горле, потом кивнул:

– Да, ваше сияние.

– Вот и объясните это Гаррету. Нам известно, что Актири владеют могучими чарами, но также нам известно, что умирают они так же легко, как простые смертные. Артанцам вовсе не обязательно враждовать с Империей – это ему тоже передайте. Пусть выбирает: дружба или смерть.

– Ваше сияние, прошу... – Юное лицо посла скривилось, словно он жевал битое стекло. Потом Райте взял себя в руки. – Хотя я не являюсь больше Подданным Империи, ваше сияние, – выдал он, – я остаюсь среди вашей паствы. От самого рождения Церкви я принадлежал к Возлюбленным Детям. Я прошел сквозь Чрево Ма'элКота под его самоличным водительством, и преданность моя Церкви никогда не колебалась. Во имя этой преданности я умоляю вас обдумать то, о чем вы просите меня. Я слишком хорошо знаком с вице-королем Гарретом – угроза столь неприкрытая может привести к той самой войне, которой все мы стремимся избежать.

Тоа-Ситель беззаботно хмыкнул:

– Если Гаррет пожелает продолжить свои кейнистские игры, мы можем обратиться к тому решению, которое избрал бы сам Кейн, в надежде, что преемник вице-короля окажется более рассудительным.

– Это невозможно, ваше сияние, – с убийственной уверенностью проговорил юный посол. – Вы понятия не имеете, с какими силами столкнулись. Вы нигде не будете в безопасности. От мести артанцев вам нигде не скрыться.

Слова эхом отозвались в мозгу Тоа-Сителя, и эхо исказило их: «Ты нигде не будешь в безопасности, Кейн из Гартан-Холда. Ты не скроешься от мести Монастырей...»

– Ха! – воскликнул он, прищелкнув пальцами, и указал на отражение Райте в зеркале. – Теперь я знаю – я тебя вспомнил!

Посол нахмурился:

– Извините?

– Ты был здесь, в этой самой комнате! – торжествующе выпалил Тоа-Ситель. – В тот вечер... тот вечер, когда Кейн убил его на этом ковре. Ты был среди стражников...

– Был, – мрачно подтвердил Райте. – Но я не понимаю, при чем тут ваши сделки с артанским вице-королем.

– Ну как же... – Тоа-Ситель нахмурился. Разумеется, связь была – разве нет? Он был совершенно уверен, что эта связь очень важна, что ее ни в коем случае нельзя упустить, но вот почему – никак не вспоминалось. Он потянулся к рюмке, но она была уже пуста. Голова кру-

жилась, и патриарх решил, что для одного вечера выпил уже достаточно. – Я имел в виду... я думал, – неловко пробормотал он, – о том, как переплетаются судьбы, вроде бы беспричинно...

При этих словах Райте напрягся, будто от удара, и у правого его глаза запульсировала, вздувшись, жилка, но Тоа-Ситель в хмельном тумане не обратил на это внимания. Свободной рукой патриарх утер набежавшую слезу.

– Передай мои слова Гаррету. Сегодня же. Сейчас.

И не успел посол возразить, как Тоа-Ситель выпустил пальцы брата-динамика, и Райте сгинул. Патриарх моргнул, глядя на отражение пьяного, усталого старика, странным образом поразившее его. «Пора домой», – подумал он, поднимаясь на ноги. Его пошатывало.

Бледный как смерть Дамон взирал на него из-за стола. Даже та половина беседы, которую он мог слышать, ввергла его в ужас. Тоа-Ситель пожал плечами и мотнул головой: мол, волноваться не о чем – выразить ту же мысль словами он был не в силах.

– Извини за бал, Дамон, – неразборчиво пробормотал он. – Надеюсь, все пройдет нормально. А я – домой.

Прихрамывая, он двинулся к дверям. «Ну, теперь начнется», – мелькнуло у него в голове.

7

Райте застыл перед Артанским зеркалом, не выпуская из пальцев золотой рукоятки.

«Это я, – крутилось в очумелой голове. – Это обо мне».

Теперь он понял. Вся жизнь лежала перед ним, обнажив извивы и повороты судеб. Здесь, на изломе лет, в узловой точке конфликта между Империей, артанцами и недочеловеческим домом Митондионн, он нашел связь, которую искал так долго. Он узрел руку Кейна.

Узрел ее в зеркале.

Кейн сотворил его, Кейн вложил в него жажду власти и знания, которая привела сейчас Райте сюда, в точку, где силы истории сошлись в неустойчивом равновесии, готовые обрушиться туда, куда качнет их единственный вздох. Кейн возвел Тоа-Сителя на Дубовый трон. Кейн вдохновлял еретиков-террористов, заставивших Тоа-Сителя воспользоваться зеркалом, чтобы донести до Райте ключевые слова: «...как переплетаются судьбы, вроде бы беспричинно...»

Но причина была, и причиной был Кейн.

Теперь Райте увидел все: возможности, шансы. Он видел, что мог бы совершить здесь Кейн, если бы только Кейн служил истинной мечте Будущего Человечества. Он видел шанс нанести удар в стиле Кейна, рычаг, который можно повернуть усилиями единственного человека. На всем континенте, – возможно, на всем белом свете – не было большей угрозы человечеству, чем эльфы дома Митондионн. Одним взмахом руки он может обрушить на них невообразимую мощь второй величайшей угрозы своей мечте: Актири – Кейново племя.

И позволить двум могущественнейшим врагам Будущего Человечества уничтожить друг друга.

Он поднялся на ноги.

– Птолан, – позвал он и как бы ненароком удивился, насколько спокойно и невозмутимо прозвучал его голос. – Почтенный Птолан, явитесь.

Прежде чем зазвучал елейный голос, послышалось не больше пары шагов, – должно быть, Птолан подслушивал за дверью.

– Да, почтенный Райте!

– Призовите брата-динамика; если придется – разбудите. – Райте и сам умел обращаться с зеркалом, так что мог бы отправить сообщение лично, но срочное дело вело его в стены Тернового замка – дело, которое не могло ждать и минуты. – Пусть известит Совет, что между артанскими повелителями Трансдеи и эльфами дома Митондионн началась война.

– Война? – чуть слышно выдохнул Птолан. – Сейчас?
Райте поджал губы, глядя в ночное небо:
– Скажем... через часок.

Когда Птолан поспешил прочь, посол медленно повернулся в угол своей комнаты и, ударив себя кулаком в грудь, предложил алтарю Ма'элКота кровь своего сердца.

8

Эльфийские посланцы стояли посреди гостиной Винсона Гаррета во всем своем нечеловеческом высокомерном спокойствии, неуместные, как балерины на бойне. Администратору Гаррету оставалось только скрипеть зубами и делать вид, будто стекающие из-под мышек струйки пота нимало его не беспокоят.

Обстановку гостиной он спланировал лично, в основном по образцу Кедрового зала английского замка Уорвик. Украшенные замысловатой резьбой деревянные панели, отполированные до темного цвета, покрывали стены на пятнадцать футов в высоту – до самого потолка с изысканной позолоченной лепниной в стиле итальянского барокко семнадцатого века. Каминном служило монументальное сооружение из бело-розового мрамора в половину человеческого роста; на полке громоздились здоровенные механические часы, разбрасывая тут и там цветные искры сверкающим самоцветами маятником. В пяти здоровенных хрустальных люстрах сияли три сотни свечей. Рисунок на огромном ковре ручной работы в точности повторял узоры потолочной лепнины, и мебель на нем стояла просто неправдоподобного изящества.

Богатство и хороший вкус создавали пьянящий коктейль, от которого любой посетитель терялся, осознавая истинные свои отношения с артанским вице-королем, всякий разговор начиная на нотках подобающего Гарретовой власти и проницательности почтения, что, без сомнения, ласкало не столько тщеславие Администратора, сколько его чувство преданности компании. Вице-король был публичной фигурой, лицом компании «Надземный мир», известной туземцам как королевство Артан, и обязан был создавать имидж, вызывающий уважение, которого заслуживала фирма.

Вот только эти чертовы эльфы...

Они топтались посреди комнаты, переговариваясь вполголоса, время от времени разражаясь металлически звонким смехом. То один, то другой оборачивался к Гаррету, чтобы вежливо поинтересоваться происхождением вон той ткани или историей определенного типа резьбы по дереву – вопросы, на которые ответил бы разве что дизайнер по интерьеру, а никак уж не человек, занятый таким важным делом, как управление целым герцогством. Невежество хозяина дома эльфов, похоже, втайне забавляло.

Он возненавидел их с первого взгляда.

Эти чуждые надменные морды, похожие на карикатуры, это нелюдское спокойствие, прятавшееся за ширмой вежливого интереса к обстановке комнаты, – всё в этих существах заставляло Гаррета чувствовать себя какой-то деревенщиной, олухом, демонстрирующим свою землянку с таким видом, будто это дворец. В присутствии эльфов великолепная гостиная казалась младенческим рисунком из говна на пеленках.

Личное оскорбление Администратор мог бы стерпеть, но неуважения к компании простить не мог. Эти нелюди надсмелись над смыслом его жизни.

И Администратор не боялся признаться себе, что не только в одной обиде дело. Эти огромные, неестественно раскосые глаза, эти уродливые черепа приводили на память чудовищ, наводнявших ночные кошмары Администратора вплоть до взрослых лет, монстров из тысяч детских страшилок.

Они были похожи на «серых человечков».

Гаррет откашлялся.

– Возвращаясь к вопросу... кхм... Алмазного колодца, джентльмены... э-э-э... джентль... мм... джентеличности?

Пропади оно пропадом, это западное наречие! Неужто оскорбятся? На этом уродском языке ничего толком выразить нельзя. Кроме того, он Администратор, а не какой-то там дипломат. Гаррет не вполне представлял себе, в каких отношениях находятся Алмазный колодец и дом Митондионн, – разве гномам и эльфам не положено ненавидеть друг друга или что-то в этом роде? Он никак не мог вспомнить, откуда проросла эта мысль – из лекций по истории Надземного мира или из тех дурацких сказок, которыми в детстве пичкала его мама.

Ну вот, все пятеро устали на него. К лицу Гаррета прилила кровь. Чертовы эльфы пилились на него так, словно могли читать мысли.

– А, верно... Алмазный колодец, – проговорил один. Гаррету его представили как Квеллиара, и Администратор считал этого остроухого вожаком. – Я гостил там... мм... кажется, во вторую декаду правления Вороньего Крыла – это будет по вашему хуманскому счету чуть больше девятисот лет назад, ваше высочество. Чудесное местечко. Весьма живописное. Пещеры, блистающие искрами туфа, и их веселые, крепкие обитатели – славные повара и буйные танцоры.

– Хотя и прескверные музыканты, – вставил другой.

– Да, но ритм! – парировал Квеллиар. – По их мнению, ритм важнее мелодии.

– Хм, верно, – заметил третий. – В те дни покорители камней говорили не «музыкальный слух», а «сердце плясуна».

Гаррет удерживал на физиономии бессодержательно заинтересованную мину, в то время как под ложечкой у него огорчение медленно перекипало в ярость. Он был совершенно уверен, что его гости воспринимают происходящее как сложную игру.

«Чудесное местечко», – презрительно усмехнулся он про себя. Видал он те пещеры: темные, сырые, душные дыры, единственная ценность которых оставалась бесполезно заключенной в камне. Эти гномы были не лучше дикарей, поклоняющихся племенным тотемам, в то время как сами стены вокруг них лучились несказанными богатствами руд. Геологи компании еще не закончили обследовать пещеры, но каждый новый отчет был радужней предыдущего. На первых двух пробных скважинах уже начались работы, и руды, извлеченные на поверхность, были невообразимо богаты.

«Что за зряшная трата времени?» – подумал Гаррет, как всегда, когда ему стоило лишь вообразить, как на протяжении столетий гномы корячились в своих пещерах. Алмазный колодец был последним наглядным примером одного из главных правил Администратора: «Если не умеешь пользоваться – не жалуйся, если отберет тот, кто умеет». Эти недоразвитые троглодиты даже не поняли, чего на самом деле лишились.

Но – как всегда – решение порождало новые проблемы. Эти чертовы эльфы...

Вот только недооценивать их силы не стоило. Об этом предупреждали все отчеты. Эльфы могли воздействовать на мозг, заставляли тебя галлюцинировать по команде. Вот поэтому за каждой дверью гостиной стояли охранники компании «Надземный мир» – так называемая артанская стража, – одетые в новейшую, устойчивую к магии баллистическую броню и вооруженные автоматами с пороховыми патронами. Если Гаррету только померещится, что он видит в комнате нечто лишнее, по первому его зову сюда ворвутся шестеро тяжело вооруженных громил и откроют огонь. Рисковать Администратор не собирался.

А если эти чертовы эльфы и впрямь могут читать мысли – пусть читают. Может, хоть тогда уважать начнут.

Эту мысль Гаррет постарался отогнать. То была всего лишь репетиция перед конфликтом. Этим он грешил частенько: дурная привычка, от которой Администратор пытался избавиться уже не первый год. «Воображаемый конфликт перетекает в жизнь», – напомнил он себе. Еще одно из главных его правил.

Однако к делу. Он перевел дух и попытался заговорить снова.

– Лагерь... э-э-э... вынужденных переселенцев из Алмазного колодца расположен недалеко от Тернового ущелья. Может, утром я провожу вас туда? Чтобы вы сами увидели, как хорошо о них заботятся.

Брови Квеллиара изогнулись.

– Как о скотине?

– Как о партнерах, – твердо поправил Гаррет, но эльф его словно не слышал.

– Хумансы и их скотина, – с непробиваемой снисходительностью продолжал он. Голос его звучал весело. – Кто кем владеет?

– Ценные партнеры, – гнул свое Гаррет. В разговоре глухих, напомнил он себе, могут участвовать и двое. – Они весьма помогли нам в проведении горных работ...

– Возможно, наше взаимное непонимание носит сугубо лингвистический характер, – покровительственно заметил Квеллиар. – У нас в Митондионне партнеров, которых держат за оградой, называют скотиной. Вам знакомо это слово?

Гаррет состроил профессионально невыразительную администраторскую улыбку, пытаясь сообразить, чем ответить на такие слова. Спасло его то, что отворилась дверь. Охранник, держа автомат на изготовку, неуверенно переступил порог и захлопнул за собой дверь, после чего вытянулся по стойке смирно и отдал честь, вскинув руку к виску, прикрытому серебряной сеткой антимагического шлема.

– Простите, что прерываю, Администратор, – проговорил он по-английски. – Посол Монастырей ждет вас в приемной.

– Райте? – Гаррет нахмурился. Черт, что послу могло понадобиться от него в такой час?

– Так точно, сэр. В приемной.

– Что ему надо?

– Не объясняет, сэр. Но говорит, что это крайне срочно.

Если уж на то пошло, каким образом посол Монастырей забрался так глубоко во чрево замка без ведома хозяина? Гаррет раздраженно мотнул головой.

– Хорошо, – решительно бросил он. – Передайте его превосходительству, что, как только я закончу здесь...

И он умолк – дверь за спиной охранника неслышно распахнулась, открыв взгляду терпеливо ожидающего Райте. Посол стоял очень прямо и совершенно неподвижно. Складки алой с золотом сутаны ниспадали, словно вырезанные из коралла. Руки монах сложил на груди странным образом и шевелил пальцами так, что Гаррет не успевал следить за их движением...

– О... – выдавил Гаррет со смешанным чувством облегчения и благодарности. – Ну слава богу... – Райте пришел! Наконец-то! Гаррет и не подозревал, насколько соскучился по Райте, до какой степени нуждался в ободряющем присутствии друга. – Райте! – воскликнул он, светлея лицом. Вот теперь Гаррет мог вздохнуть свободно. – Заходи, заходи, будь любезен. Передавать не могу, как я рад тебя видеть.

Посол Монастырей вступил в комнату:

– А я рад, что прибыл вовремя. Отошли своего стражника на пост.

– Конечно-конечно. – Гаррет махнул рукой охраннику, и тот вернулся в коридор к своему напарнику. – Дверь закрой, придурок!

– Не стоит, – негромко проговорил Райте.

Он посмотрел на дверь, и та закрылась.

Сама.

У Гаррета отвалилась челюсть.

– Что?

Райте перевел взгляд на ручку двери, сощулив бесцветные глаза. Собачка замка встала на место с явственным «щелк», прозвучавшим в тишине как звук медленно, уверенно взведенного курка.

– Что?

Дверь напротив щелкнула так же громко. Райте перевел взгляд на третью дверь, и та тоже заперлась. Друг за другом затворялись с лязгом железные ставни и замыкались, щелкая, засовы.

– Райте... – неуверенно проговорил Гаррет. – Райте, что ты делаешь?

Поджав губы, посол по очереди оглядел собравшихся и всем уделил по сдержанной улыбке.

– Не даю сбежать этим убийцам.

Квеллиар обернулся с нечеловеческим, нарочитым изяществом поднимающей голову кобры.

– Дитя людское, – проговорил он. Веселые колокольчики в его голосе уступили место дальнему, древнему, холодному набатному звону. – Я старейший из Массаллов. Это твои шутовские забавы? Я учил подобным десять поколений твоих предков за тысячу лет до твоего рождения, когда люди были не более чем нашими... – мрачный взгляд в сторону Гаррета, – партнерами. Не заставляй нас демонстрировать, что опыт приходит со временем.

Хотя Райте не шевельнулся и даже в лице не изменился, от него на Гаррета хлынула леденящая волна, путая мысли и наполняя сознание ужасом. Гаррет словно очнулся от необъяснимо накатившего сна. С нарастающим трепетом он взирал на посла Монастырей. Они друзья? Как он мог поверить, что дружил с этим человеком? Он едва был знаком с ним, втайне считал утомительным фанатиком, пограничным психопатом, чей рассудок колеблется между честной тупостью и невыносимой мономанией. А уж взгляд, который Райте бросил на Квеллиара, – немигающий, невыразительный, безумно сосредоточенный – превратил внезапную дрожь в настоящий физический страх.

– А я Райте из Анханы, – проговорил монах и глухо хлопнул в ладоши, так, словно стряхивал в сторону Квеллиара пыль.

Ничего не случилось.

Эльфы взирали на него с неизменным любопытством. Гаррет едва осмеливался дышать и молился про себя, чтобы все это оказалось дьявольской шуткой. Райте сложил руки на груди и с мрачным удовлетворением улыбнулся – одними глазами. Квеллиар кашлянул, и его спутники разом обернулись к нему.

Гаррет дернулся, страхась посмотреть и не в силах удержаться...

Пушистые брови эльфа озадаченно изогнулись. Квеллиар склонил голову к плечу, точно удивленный щенок, и медленно-медленно опустился на колени. На лице эльфа не отражалось ничего, кроме недоумения, – ни грана тревоги, не говоря уже о боли, – когда его обильно вытошнило черной кровью на ковер.

– Прости, – шепнул он Гаррету. – Прости...

И он рухнул лицом в растекающуюся лужу кровавой блевотины. Его корчило, трясло, из окровавленного рта вываливались огромные алые ломти, словно какая-то сила искромсала его кишки, печень, желудок и теперь выталкивала через глотку. По тончайшей вышивке на обивке софы эпохи Людовика XIV разбрызгался фонтан вишнево-черных капель.

Наконец он перестал глухо, мучительно хлюпать – «хгхкх... гкх... кх... гхсс...» – и затих.

– Рад был познакомиться, – безмятежно сказал мертвецу Райте.

Он обернулся, подняв бровь, к оставшимся эльфам, но внезапная смерть старейшины настолько ошеломила их, что они оцепенели. Гаррета охватил ужас; его колотила дрожь, дыхание перехватило. Он был совершенно уверен, что сейчас эльфийские посланцы совещаются без единого слова или жеста, готовя немыслимое, нечеловеческое возмездие. А Райте отвернулся, будто не считал эльфов достойными внимания.

Он снова странным образом сложил руки на груди, и страх растаял. Даже память о пережитом ужасе рассеялась как дым, и сгинула.

– Вызови охрану, – приказал посол. – Расстрелять этих убийц!

И поскольку Райте был, в конце концов, старым другом Гаррета, Администратор подчинился.

9

Когда-то Полустанок был городской площадью в самом сердце нижнего Тернового ущелья. Дома, окружавшие ее в те времена, стояли до сих пор – под изящным куполом из бронестекла и стальных балок, как средневековая улица в одном из земных городов, превращенная в приманку для туристов. Плиты из того же бронестекла перегородили улицы, ведущие с площади. Только стальные жилы рельсов проходили сквозь стену невозбранно. Пять раз в час на Полустанок прибывали грузовые составы, влекомые тяжелыми паровозами. Вечный угольный дым сажей оседал на бронестекле, отчего солнечный свет едва сочился сквозь купол и круглые сутки Полустанок озаряли огни газовых фонарей. Даже в полдень все на Полустанке казалось зеленоватым, словно лунной ночью, а уж после заката купол и вовсе приобретал потусторонний вид.

Офис компании «Надземный мир» располагался в просторном здании, некогда служившем городской резиденцией богатого купца. Обок него стоял старый амбар, выпотрошенный изнутри, чтобы вместить местный портал между Надземным миром и Землей, так что в воздухе конторы постоянно висел запах озона и серы: здесь пахло родиной.

А в подвале купеческого особняка располагалось сердце конторы: там, в уютном подземелье, заключенный в зем-нормальное поле, питавшееся от трансферного насоса, находился Центр обработки данных. Здесь, где ЗН-поле защищало чувствительную электронику от хаотического влияния физических законов Надземного мира, стояли компьютеры и размещался центр связи с Землей – мозг компании.

Переступив порог ЦОДа, Гаррет очнулся молниеносно, словно на голову ему опрокинули ведро льда. Он пошатнулся, задыхаясь, и слепо зашарил вокруг в поисках хоть какой-нибудь опоры, защиты от цепящего ужаса.

Одна крепкая рука поддержала его, другая обхватила за плечи, излучая уютное тепло. Совсем близко, прямо перед лицом Администратора, сверкали ледяные глаза посла Райте.

Гаррет завизжал.

Ладонь посла заткнула ему рот, и наружу вырвался только сдавленный стон.

– Тсс, – успокаивающе промурлыкал Райте. – Все в порядке, Винс, я тебя не обижу... Тсс...

Гаррета колотило. Он был слишком испуган, чтобы сопротивляться. Попытался сглотнуть – не вышло – и только тяжело дышал носом, покуда Райте не соизволил наконец отнять руку.

– Что... Как ты?... Господи...

Вот теперь он все вспомнил: гибель Квелиара, грохот автоматных очередей, когда охранники выломали двери гостиной и превратили эльфийских посланцев в истерзанные тряпки. Вспомнил, как предлагал Райте составить ему компанию, покуда он сообщит о несчастном случае своему руководству, вспомнил, как сидел рядом с послом в карете, болтая, будто школьница, всю дорогу из Тернового замка до Полустанка...

Вспомнил, как приказал всем покинуть ЦОД...

«О господи! – беззвучно простонал Гаррет, закатывая глаза в очередном приступе панического страха. Бессмысленно подмигивающие скрин-сейверами мониторы глядели на него из

тесных каморок. – О господи, я правда это сделал, я всех отсюда выгнал – я с этим психом наедине!..»

Райте глянул ему в глаза, словно мог читать мысли Администратора, как книгу.

– Винс, – пропел он. – Винс, Винс, Ви-и-инс. Успокойся. Я на твоей стороне. Мы теперь партнеры.

– Но... но... но что ты со мной сделал? Как ты заставил меня притащить тебя сюда? И почему? Зачем?

– Мы здесь, Винс, потому, что, едва лишившись моего общества, ты бы понял, что действовал под моим влиянием. Мы пришли сюда поговорить, поскольку я желаю убедить тебя, а не подчинить. Здесь, – он обвел жестом кабинки, сияющие мониторы, – как ты поймешь, если вдумаясь, я не в силах навязать тебе свои мысли против твоей воли. Чтобы наше партнерство оказалось успешным, я должен обратиться к твоему рассудку.

– Рассудку?.. Партнерство? – Передернувшись, Гаррет вывернулся из объятий посла и обернулся к нему, бледный от ужаса и гнева. – Господи ты боже мой, партнерство! Ты развязал войну!..

– Нет, Винс, – невозмутимо ответил Райте, улыбаясь печально и ласково. – Войну развязал ты. Я только дал тебе шанс нанести удар первым.

Эта улыбка каким-то образом подавила стремление Администратора побушевать. Вместо этого Гаррет опустил в ближайшее кресло, повернулся к столу и, облокотившись на него, закрыл лицо руками.

– Ты про Алмазный колодец?

– Без сомнения. Покорители камней Алмазного колодца были союзниками дома Митондионн еще до Освобождения – больше тысячи лет назад. Если бы посланцы вернулись к Т'фарреллу Вороньему Крылу, чтобы рассказать об увиденном, война началась бы, хочешь ты этого или нет. Война началась, когда ты отравил воды Алмазного колодца.

– Господи боже... – прошептал Гаррет.

Он потер пальцами закрытые глаза, заглушая внезапный порыв вдавить их до упора, ослепить себя ко всем чертям.

– Боже мой, почему ты ничего не объяснил мне? Ты же был здесь – ты знал, ты видел, что происходит. Почему ты мне не сказал?!

Райте пожал плечами:

– С какой стати?

Гаррет поднял голову и уставился на посла. Щеки его горели, точно ошпаренные, но боль еще не достигла сознания.

– Остановить войну между безграничной мощью Артана и величайшим врагом рода человеческого, – рассудительно произнес Райте, – было бы с моей стороны чистым безумием. С какой стати Монастырям считать ваши потери? Никакая цена не будет чрезмерна, если нужно избавить мир от эльфов, а война между вами не будет нам стоить ни гроша.

– Тогда п-почему... – Гаррет запнулся. – Что ты делаешь... Почему? То есть... ты говорил о партнерстве...

– О да, Винс. Я не забыл о существеннейшей, самой важной детали: артанцы или нет, но вы такие же люди, как я.

«Я гораздо больше человек, чем ты, дикарь чокнутый», – мелькнуло в голове у Гаррета, но лицо его осталось бесстрастным. В данный момент положение его было настолько отчаянным, что он готов был принять любую помощь – даже от этого психопата-фанатика.

– Мне известно также, – продолжал Райте, – что ты человек мирный. Я знаю, что войне ты предпочитаешь переговоры, и это достойное восхищения качество, Винс, поверь мне, – до тех пор, пока переговоры имеют шанс завершиться успешно. Но мира между расами быть не может, Винс. Переговоры лишь дали бы эльфам время собраться с силами, распланировать

свою кампанию. Поэтому посланцы должны были умереть так, как это случилось. Теперь война неизбежна. Выбора у тебя нет. Но пройдут недели, возможно месяц, прежде чем дом Митондионн узнает о судьбе своих посланников. Теперь время на твоей стороне. Воспользуйся им с толком, Винс. Готовься к удару.

– Но... ты не понимаешь! – беспомощно выпалил Гаррет. – Я не могу вот так взять и объявить войну! У меня нет полномочий... я отчитываюсь перед своим руководством, и даже оно должно держать отчет перед... э-э-э... высшим дворянством Артана. Большая часть этих... э-э-э... дворян никогда не примет войны – мне прикажут искать сугубо дипломатические решения...

Райте пожал плечами:

– Разве ты не можешь подчиниться им сугубо формально? Я в силах предложить тебе тайных союзников, которые выйдут на поле боя за тебя.

Гаррет оценивающе прищурился. Ему уже представлялось, как он выступает перед Конгрессом празднотелей, овеянный славой государственного деятеля; представил, как предложит компании выступить в качестве миротворца, третейского судьи, посредника, ратующего за «прекращение насилия между двумя добрыми соседями Трансдеи...».

Он сможет не только защитить кампанию, но и спасти собственную карьеру.

– Союзников?

– Мм... да, – задумчиво отозвался Райте. – Полагаю, это вполне возможно. Что скажет твое... руководство... в ответ на предложение союза со стороны Империи Анханан?

– Анханан? – Дерзость этой идеи ошеломила Гаррета. – Ты можешь устроить нам союз с Анхананом?!

– Скорей всего. О, будь спокоен, неформальный союз – возможно, поначалу даже тайный, но я полагаю, что общие интересы со временем будут связывать Анханан и Артан все крепче.

– Как... с чего начинать?

– Для начала в качестве жеста доброй воли, – решительно ответил Райте, – ты и твои собратья-Актири прекратите поддерживать кейнистов в пределах Империи.

Гаррет задохнулся. Челюсть его отвисла.

Райте сухо усмехнулся:

– Или ты забыл, каким образом я попал сюда? Я заглянул в твои мысли. Мне известно, что артанцы и Актири суть одно и то же. Я знаю, что Кейн был Актири и что они сражаются за дело кейнизма.

– Я... я...

– Я также знаю – или, правильней сказать, верю, – что конечные цели Империи, Монастырей и Артана едины. Все мы служим Будущему Человечества. Не так ли?

– Я... ну пожалуй...

– Когда мы установим нормальные отношения между Артаном и Анхананом, вы сможете продавать Империи артанские боевые артефакты – в идеале эти свои многозарядные самострелы без пружин, – и я полагаю, что имперцы будут более чем счастливы воспользоваться этим оружием для истребления эльфов.

Гаррет прикусил губу. План был привлекательным, дерзким, интересным, но...

– Все не так просто, – заметил он. – Сохранить такой договор в тайне я не смогу, а дворянство не согласится и на это.

– Дворянство, дворянство... – Райте сплюнул. – Или ваш король живет в страхе перед своими вассалами?

– У нас нет короля, – ответил Гаррет. Как он мог объяснить, что такое Конгресс празднотелей, чтобы феодальные извилины мозга Райте переварили смысл? – Нами правит... дворянское собрание. И мое непосредственное руководство составляет лишь небольшую часть

этого собрания. Если большинство решит иначе, мы вынуждены будем подчиниться. Нельзя даже, чтобы наши приготовления к войне были замечены, пока на нас не нападут.

– На тебя уже напали, – лицемерно заметил Райте, – предательски, в твоих собственных палатах. Если бы не своевременное вмешательство артанской стражи, ты бы погиб.

– Мм... может быть, – признал Администратор, – но кое-кто сочтет покушение слишком своевременным и недостаточно убедительным. Нет, так у нас ничего не выйдет.

Райте коротко улыбнулся и потрепал Гаррета по плечу. Администратор удивленно глянул на него, а потом понял, отчего посол выглядел таким довольным. Гаррет начал говорить – и думать – о себе и Райте *мы*.

Партнеры, объединенные общей целью.

И он обнаружил, что сам этому рад. Прежде ему в голову не приходило, насколько одиноко здесь, каким тяжким бременем обернулась защита интересов компании – день за днем, год за годом. В конце концов, Райте не такой уж плохой парень и не психопат на самом деле, просто суровый тип – склонный к насилию, конечно, но уж в таком обществе он вырос, недостаточно развитом, чтобы признавать ценность человеческой жизни...

Хотя эльфы, строго говоря, не люди.

Гаррет всегда старался не забывать, что «просвещенный человек не судит окружающих по собственным культурным стандартам». Еще одно из главных правил.

– Надо отыскать способ выиграть эту войну еще до начала, но как бы нечаянно, – проговорил он. – Обязательно придется сделать вид, что мы ничего дурного не хотели.

– Я знаю, что вы, артанцы, – захватчики, – задумчиво произнес Райте. – Должно быть, прежде вы часто сталкивались с враждебными туземцами. И я уверен, что вы нашли способ бороться с ними – некий способ избавляться от угрозы с их стороны, который не вызывает сопротивления наиболее слабодушных ваших дворян.

Гаррет уставился на него, приоткрыв рот, вспоминая еще одну детскую сказку – одну из тех страшилок, что шепотом пересказывали друг другу дети Администраторов. Там говорилось о племени американских индейцев... как их – сю Су? Что-то в этом роде. Не важно.

Шанс оживить легенду встряхнул его.

Он может. Сейчас. Здесь. Одним смертельным ударом спасти компанию и собственную шкуру.

«Господи!» Гаррет вскочил, нервно заламывая руки.

– Райте, я гений – я больше чем гений, Богом клянусь, я придумал!

Он хлопнул посла по плечу, пожал ему руку и едва удержался, чтобы не растоптать остатки достоинства, сплясав тут же. Усидеть на месте он не мог. Он повернул ближайший монитор под углом вверх и включил его, вызвал телеком-программу и, едва погасла заставка, ввел свой опознавательный код.

«По-английски, – напомнил он себе. – С этими надо говорить по-английски».

Экран просветлел.

– Студия Сан-Франциско, – счастливым голосом пропел улыбчивый симпатяга в костюме касты Ремесленников. – Чем могу помочь?

– Администратор Винсон Гаррет, компания «Надземный мир». Конфиденциальный звонок высшего уровня срочности главе отдела хранения опасных биоматериалов. Приготовьтесь к шифрованию.

Глаза юного Ремесленника широко распахнулись.

– Так точно, господин Администратор! – выпалил он, тяжело сглотнув. – К шифрованию... – из динамика донесся стук пальцев по клавиатуре, – готов!

– Соединяйте.

«Господи! – твердил про себя Винсон Гаррет, ожидая, когда откликнется начальник отдела хранения опасных биоматериалов. – Господи, наверное, Ты меня за что-то любишь».

Глава третья

Темный аггел ждал в построенной им самим темнице, оплетенный им самим скованными цепями. Многие годы у него не было иной пищи, кроме собственной плоти. Он жрал себя: глодал свои же кости и высасывал мозг.

Он не знал, чего ждет, и все же продолжал терпеть и ждать.

Но в один недобрый день из-за края мира донесся еле слышимый шепот далеких фанфар, и темный аггел в своей тюрьме расправил крылья.

Запустив руку под рубаху, Хари нащупал бугристый шрам на пояснице и попытался растереть его сквозь хитон, отгоняя боль. Чувство было такое, словно он улегся на булыжник размером с собственный кулак. Ощущение было смутным и приглушенным, насколько позволяли подавить его болеутоляющие, не вырубив Хари совсем. А Председателя Студии ждала работа.

В последнее время у него всегда за работой болел шрам. Может, дело в этом чертовом новом кресле? В каталоге оно выглядело изумительно, но вот устроиться в нем поудобнее никак не получалось. Обычно спина начинала ныть, когда Хари спускался на личном лифте в кабинет, вырубленный в скале под Студией Сан-Франциско. Покуда кабина проезжала беззвучно три этажа, спину начинало обещающе потягивать до самых плеч. По большей части боль нарастала на протяжении рабочего дня, но оставалась терпимой.

А в последние дни болело зверски.

«Это чертово кресло...

Надо было оставить кольберговское, – подумал Хари. – Кольберг был, конечно, мешок с глистами, но в удобствах знал толк».

Когда он победил наконец в борьбе за то, чтобы не только формально встать у руля Студии Сан-Франциско, одним из первых его начинаний была полная смена обстановки в кабинете.

Эта мысль бродила у него в голове, то смутная, то явственная, с того самого момента, как Студия назначила его на этот пост шесть лет назад. Поначалу Хари испытывал искреннее злорадство, сидя в кресле посрамленного предшественника, за его столом, глядя на океан в принадлежавшее Кольбергу видеоокно фирмы «Сони». Но мелочное гадство быстро приелось. Подбранная Кольбергом мебель была округлой, мягкой, тусклых тонов, ни единого прямого угла – похожей на самого Кольберга. Хари ненавидел этот кабинет не меньше, чем его прежнего обитателя, но ему на протяжении нескольких лет в голову не приходило, что это вполне весомая причина сменить обстановку.

Собственно говоря, ему не приходило в голову, что и Кольберг подбирал мебель по своему вкусу. Для того, кто вырос в рабочих трущобах, мир выглядит по-иному. Это был не просто кабинет, где работает Председатель, это был кабинет Председателя. Хари Майклсону он казался чем-то вроде мифического святилища, похожего на тронный зал владыки Надземного мира, его убранство диктовалось тысячелетней традицией, а не прихотью его обитателя.

Теперь это казалось забавным. Оглядываясь, Хари мог только, усмехнувшись, покачать головой. Его терзало вечное подозрение, будто кабинет этот – не его, будто Председателя поста-

вили сюда словно дополнительный стул, словно временную затычку, покуда не явится настоящий Председатель, чтобы занять свое место. Как король-дурак на киришском весеннем карнавале, которого все признают правителем – до тех пор, пока тот не попытается взаправду издавать законы.

Сейчас кабинет Председателя был обставлен сурово – стенные панели темного дерева, ворсистый ковер, огромный стол мореного дуба, привезенного из Надземного мира, подковой огибавший кресло, по стенам – массивные шкафы, полные настоящих книг: немного драм, немного исторических хроник, но по большей части беллетристика в кожаных переплетах, фэнтези, детективы, попадались даже социально безответственные, слегка рискованные произведения в сгинувшем жанре научной фантастики. Большая часть книг переехала сюда из сейфа в поместье Вайло. Если бы кто-то поинтересовался – скажем, Совет управляющих или даже Социальная полиция, – Хари всегда мог заявить, что ворует из старых романов сюжеты для Приключений. Это был превосходный предлог хранить здесь коллекцию, которую ему никогда не позволили бы держать дома.

Вот только спина, разрази ее гром, все еще болела.

Анальгетик, которого наглотался Хари, помогал – немного. Ничего сильнее врачи Студии своему Председателю не прописывали. Они не верили, что у него на самом деле что-то болит. То один, то другой брал на себя смелость напомнить, что болевые и тактильные рецепторы в области ранения были повреждены при установке шунта – чистая правда, в самом шраме чувствительности осталось не больше, чем в ломте мяса, – и что болеть там, в сущности, нечему.

Хари готов был признать, что его мучают сугубо фантомные боли. Ну и что? Все равно сил нет терпеть.

Спорить с врачами он устал. Вместо этого он взял привычку носить с собой флакончик меперидин-гидрохлорида с «серого рынка». Лекарство притупляло боль не только в пояснице, но и в душе.

Если вся боль, как они утверждают, жидется в мозгах, то почему болеть начинает сильнее, когда он сидит в кресле, которое ему нравится? Теперь Хари восседал в старомодном вертящемся кресле с высокой спинкой, с обивкой из телячьей кожи поверх гелевых подушек, более дорогое и лучше сработанное, чем то, что стояло в его домашнем кабинете. В нем должно быть удобнее, чем в койке, язви ее в душу, не говоря уже о том бесформенном уродище, что он унаследовал от Кольберга.

Хари заставил себя всмотреться в экран, заполненный последними отчетами инспекторов из горнодобывающей колонии в Трансдее. До него доходили неприятные слухи об этом филиале. Гаррет, тамошний вице-король от компании «Надземный мир», был безжалостен, как педофил; поговаривали, будто он закрывает глаза на погромы нелюдей в пограничных районах герцогства. Так что Хари мог помечтать о внезапной ревизии, о том, чтобы написать отчет, который будет стоить Гаррету головы, а Председателю доставит пару часов искренней радости...

Селектор на столе предупреждающе пискнул.

Вздрыгнув, Хари покачал головой, потом потянулся к клавише приема. Отчеты растаяли, сменившись лисьей физиономией секретаря.

– Да, Гейл?

– Вызывают из суфлерки, Администратор. Говорят, срочно.

– Соединяй.

– Слушаюсь, сэр.

– Э-э-э, Председатель Майклсон, – проямлил нервный человечек в белом комбинезоне наладчика, – простите, что беспокою...

– Не волнуйтесь, техник. В чем дело?

– Э-э-э, ну, мы получили сигнал от Росси. Он очнулся и вроде бы не ранен...

– Мм, это хорошая новость.

Франсис Росси участвовал в одном из личных проектов Хари – непрерывной многосерийной программе. В проекте приняли участие десять разных Актеров, каждый из которых проводил в Анхане по три месяца кряду. Вместо обычного Приключения, длившегося от семи до десяти дней, первоочередники могли подписаться на любое время – от нескольких часов до месяца впечатлений подряд – и даже переключаться от одного на другого из действующих лиц сериала. Это позволяло Актерам вести нечто напоминающее нормальную жизнь в Надземном мире, завязывать серьезные отношения с аборигенами и друг другом, поскольку от них не требовалось держать аудиторию в постоянном напряжении. Это делало их впечатления более насыщенными и эмоциональными, без нескончаемых потоков насилия, которыми другие студии пытались поддержать интерес зрителей.

Критики были в восторге. Аудитория откликнулась на новинку с определенно меньшим энтузиазмом, наклеив на нее презрительный ярлычок, восходивший к началу двадцатого века: «мыльная опера», но Хари решил для себя, что будет держаться за этот проект, пока это возможно. Он считал непрерывный сериал более мягкой формой актерства, менее омерзительной, нежели кровавая бойня, принесящая такой успех, например, Кейну... да и самим Актерам приходилось легче.

Он уже начал опасаться, что Франсис Росси станет первой жертвой среди участников НМП за два года.

В Надземном мире Росси знали под именем Дж’Тана, охотника за головами, подрабатывавшего порой на частную охранную контору «Подпольные следователи» в Анхане. Его сюжетная линия была самой активной во всей НМП. Дж’Тан поддерживал тщательно слеplенную маску аморальной безжалостности; Хари лично создал этого персонажа, заставив Росси прочесть «Мальтийского сокола», «Подпольщика» и «Последний поцелуй».

Конец очередной трехмесячной смены Дж’Тана уже близился. Расследуя дело банды работоторговцев со связями в правительстве, он, верный образу частного сыщика, тайком пробрался на самую модную вечеринку в Анхане – шоу «Развратная принцесса» в казино «Чужие игры», в первую же неделю после начала представлений объявленное лучшим шоу десятилетия, – подкупив охранявших ложи (в свободное от службы время) патрульных.

После этого все пошло как-то слишком гладко.

Приписанная к ложе длинноногая и симпатичная шлюшка человеческой породы оказалась очень разговорчива; обронив несколько потрясающих намеков, она затем доказала, что горазда не только разговаривать, устроив сыщику потрясающий минет. Когда ее смоляные кудри расплескались по его бедрам, а член его уперся в стенку ее глотки, Дж’Тан не только не услышал, как открывается дверь за его спиной, но и не сообразил, что у него большие неприятности, покуда на голову ему не набросили мешок, а шнурок не затянулся на шее ту же, чем губы шлюшки на члене.

Когда Росси потерял сознание, техники в суфлерке тут же переключили аудиторию на канал другого Актера, из параллельной сюжетной линии, тоже попавшего на представление. Поскольку неизвестный противник не придушил Дж’Тана на месте, тут же самоорганизовались два тотализатора: в одном ставили на то, когда Актер отдаст концы, а во втором – каким образом. Но к десяти часам сегодняшнего утра Росси был еще жив, но все еще – без сознания.

– Хорошо, очнулся, и здорово, – проговорил Хари. – Подключайте аудиторию.

Чего они к нему привязались? Сами знают, что делать, – все известно, все расписано в руководстве по НМП, приклеенном к каждому экрану в техничке.

– Спасибо за отчет, техник.

– Э-э-э, Администратор, подождите... это не все, то есть я хочу сказать, там, кажется, проблема...

Хари вздохнул:

– Валяйте, докладывайте.

Наладчик объяснил. Покуда Росси не очнулся, его телеметрию, как водится, записывали. Инструкцию все знали: как только Актер очнется, переключить аудиторию на его сюжетную линию. Когда героя берут в плен плохие парни, обычно происходит масса интересного – от кульминационной схватки с главным злодеем до банальной смерти под пытками.

Франсис Росси очнулся в лесу.

И одновременно – не в лесу, потому что его сигнал определенно исходил из Анханы – из Города чужаков, собственно говоря, и почти точно – из казино «Чужие игры».

– Вы уверены?

– Так точно, сэр. Диагностика ничего не дает. Э-э-э, может быть, я подключу видеовыход на ваш экран, сэр? Проще показать, чем объяснить.

– Ну да. – Хари нахмурился. – Подключайте.

На экране появился лес, просвеченный полуденным солнцем, на опушке – что-то вроде полуразваленной деревеньки, дома из переломанных досок...

Населенные эльфийскими покойниками.

Точка обзора Росси плавно двигалась между развалюхами, будто Актера катили по деревне на инвалидной коляске. Тела валялись тут и там на прогалинах, иные – свежие, точно бычки на бойне, другие почернели от гнили, раздувшиеся животы лопались под давлением кишечных газов. Тошнотное бульканье Росси эхом отдавалось в будке.

Губы Хари стянулись в ниточку. Кабинетная работа, решил он, имеет свои преимущества. Кейну не раз приходилось бывать в подобных местах, и он отлично помнил, как там смердит.

Брюхо одного из покойников лопнуло с мягким, чавкающим хлопаньем. Взгляд Росси продемонстрировал размах бойни – всюду тела, некоторые изрублены в куски, потом точка зрения Актера снова двинулась вперед.

Вот это движение, это знакомое по множеству записей метание взгляда выдало его. У Хари зазудели пальцы. В миг ошеломительного озарения он понял, что происходит. Тот, кто захватил Росси, использовал его как видеокамеру.

Это было плохо. Для самого Росси – хуже не бывает. «Им известно, что он Актер».

Из динамиков в суфлерке доносились невнятные, перебиваемые шипением полуслова, рваные ошметки фраз – попытки программы-переводчика справиться с незнакомым наречием. Телеметрия показывала, что пульс Росси и содержание адреналина в его крови переходят за красную линию шкалы.

– Что это за язык? – спросил Хари. – Разобрались уже?

– Программа не распознает, сэр. Может, какой-то из эльфийских диалектов... не думаете?

«Эльфийский диалект. Хрена с два!»

– Посмотрите на телеметрию. По-моему, Росси все понимает, даже когда программа не справляется. Он перепуган до судорог – и про внутренний голос не вспомнил, господи боже мой! Фрэнк – Профессионал, он бы из-за пары раздутых трупов не забыл, что должен вести монолог!

Взгляд Актера наткнулся на первое живое существо: лысый, нездорового вида эльф без бровей, рослый и для своей расы необычно широкоплечий. Одет он был в простую, однако новенькую и чистую белую рубашу, перетянутую пояском, и бурые обтягивающие штаны.

Эльф двинулся к Росси странной, неуверенной походкой, будто ноги его не вполне слушались и приходилось переносить вес то на одну, то на другую, чтобы сдвинуться с места.

Он заговорил, и в динамиках послышалась тарабарщина.

– Кто этот парень? – спросил Хари.

– Не знаем, сэр. Мы его уже видели. Судя по всему, это тот, кто взял Актера в плен.

Хари взгляделся в экран.

– Выключите переводчика.

– Сэр?

– Закройте программу перевода.

– Но, сэр, без компьютера у нас нет возможности проанализировать фонемный...

– Послушай, идиот! Это все спектакль, ты понял? Он не в лесу – он до сих пор в Анхане.

В «Чужих играх». Это пьеса, а мы – зрители. Нам отправляют сообщение, и те, кто делает это, уж точно не станут тратить столько усилий, чтобы бормотать на непонятном языке. Выключи долбаного переводчика!

– Слушаюсь!

Когда программа отключилась, динамики на пару секунд смолкли. Потом голос эльфа полился из них – точно такой, каким слышал его Франсис Росси.

– ...Нет нужды показывать вам то, о чем вам и без того известно, то, что вы учинили здесь, на границах Трансдеи: убийство наших соплеменников, насилие над землей, творимое горными комбайнами...

Микрофоны на терминалах наладчиков были настолько чувствительны, что Хари мог услышать, как они хором шепчут: «Твою мать».

«М-да, – мелькнуло у него в голове. – Ни убавить, ни прибавить».

Загадочный диалект, на котором изъяснялся лысый и безбровый хворый эльф, был вполне понятен.

Это был английский.

Глава четвертая

Единственным защитником богини на полставке был подлый рыцарь. Он был отражением рыцарства в разбитом зеркале, и все, что ни делал он, было разбито.

Подлый рыцарь не носил брони и не рубил мечом. Он был мал ростом, худ, урод и невежа. Он не умел скакать на коне, и оруженосцы не служили ему. Он был обманщик и негодяй, и жизнь его строилась на лжи.

Сила его была как сила десяти рыцарей, ибо сердце его было тронутно порчей.

1

Анхана расплзлась по речной долине, будто язва, изливающая смрадный гной промышленных отбросов и канализационных стоков прямо в воды реки, которую люди называли Большим Чамбайдженом. По мере того как тяжеловесная баржа огибала излучину реки далеко к северо-востоку от имперской столицы, город выплывал из накрывшего кварталы дымного облака: смазанная клякса на лице земли, затушеванная расстоянием до мертвенной серости гниющего мяса.

На носу баржи стоял фей в курточке и штанах из сильно потертого, выцветшего сукна. Похоже было, что когда-то одежда приходилась ему впору, – костяк, во всяком случае, у него был крепкий, и плечи – для Перворожденного – широкие, но сейчас она висела на нем, точно на вешалке. Лицо избородили глубокие морщины: следы лишений и скорбей более глубокие, чем позволит себе выказать истинный Перворожденный. Череп над заостренными ушами покрывал короткий, в полпальца, ежик платиновых волос. Когда-то роскошные башмаки изрядно стоптались; взамен пояса чресла его были препоясаны толстой плетеной пеньковой веревкой. Кошелек у него не было, а вместо благородного оружия в руках он сжимал швабру, на которую и оперся устало.

Он глядел вниз по течению на Анхану, и костяшки стискивавших швабру пальцев побелели. Губы приоткрылись, обнажив по-волчьи острые клыки. В огромных золотых очках с сузившимися по-кошачьи от жаркого вечернего солнца зрачками полыхало едва сдерживаемое отчаяние.

Когда-то – не так давно – он был принцем.

Звали его Делианн.

– Эй, на палубе! – хрипло окликнул его помощник боцмана. – Ты там драишь или дрочишь?

Перворожденный словно не слышал его.

– Ты, хер собачий, я к тебе обращаюсь!

Над двойными шпилями дворца Колхари собрались тучи, словно протянутая с небес рука, с отдаленным рокотом осыпавшая землю молниями. Даже издали видно было, что

дождь еще не начался: все так же висел в воздухе липкий, исчерна-бурый угольный дым над Промышленным парком, в северной части города. Ливень еще не смыл сажу с воздуха, чтобы сбросить ее в реку.

Еще одна буря, еще одна потрава рыбы: стоки с улиц Анханы убивали все живое в реке. Делианн тоскливо помотал головой. «Чтобы без опаски пить речную воду, надо неделю спускаться по течению. А братья любят напоминать мне, что по крови я из этих существ.

Но это не так. Не так.

Я еще хуже».

Более тысячи лет, от самого своего рождения, город осквернял здешние воды, даже когда то, что ныне звалось Старым городом, было еще пиратским логовом на острове посреди реки. Сам Панчаселл Митондионн почти десять веков тому назад осаждал этот город, прибежище беглых хумансов, когда возглавлял Союз народов во время Восстания. Здесь он и пал, приняв последний, неудачный штурм и передав главенство над своим домом и всеми Перворожденными Сумеречному королю, Т'фарреллу Вороньему Крылу.

«Здесь мы потерпели поражение», – подумал Делианн. Первый народ вел битвы с дикарями еще много лет после осады Анханы, но переломная точка войны была здесь. Теперь, почти тысячу лет спустя, даже ветераны Восстания диких, сходявшиеся с этими тварями врукопашную, не называли их «дикими». Только так, как они звали себя сами, – хумансы, будто от слова «гумус».

Проросшие из грязи.

– Эй!

За окликом последовал грубый толчок в спину и резкое «р-р-рт!» рвущейся ткани – боевой коготь помбоцмана запутался в складках делианновой рубашки.

Перворожденный обернулся к своему обидчику – стареющему огриллоу с бугрящимся шрамом в левой глазнице и костяным обрубок на том месте, где из выдающейся вперед нижней челюсти должен был торчать левый клык. Огриллоу нагнулся и склонил голову к плечу, чтобы получше разглядеть непокорного Перворожденного единственным налитым кровью глазом.

– Ты знаешь, кого я не люблю больше, чем долбанных безруких филонов на палубе? – Великан нагнулся так низко, что одним движением оставшегося бивня мог выколоть Делианну глаз. – Долбанных эльфов, вот кого. Так что, драить будем или плавать?

Перворожденный едва глянул на него; взгляд Делианна был прикован к едва заметным за плечом огриллоу настоящим ограм. Две команды – каждая из шести огров вдвое выше человека ростом и весом примерно в полтонны – по очереди под неторопливый мерный счет старшего вгоняли в речное дно тридцатифутовые багры из промасленного дуба. Напрягались могучие спины, пытались перебороть инерцию баржи, и когти на ногах оставляли глубокие царапины в настиле палубы.

– Почему тормозим? – бесстрастно поинтересовался Перворожденный.

– Совсем дурной, козел? Анхана – главный порт на реке, нам до завтрашнего дня причала не видать. – Смешок помбоцмана был столь же мерзок, сколь и сам он. – Решил, что коль мы на день раньше пришли, так тебе пахать на день меньше? Хрен тебе! Работай, эльф. Или плыви.

– Ладно. Поплыву.

Делианн выпустил швабру и все с тем же безразличием на лице обернулся, готовый прыгнуть в воду, но огриллой оказался быстрее. Могучая длань схватила Перворожденного за плечо, так что боевой коготь на большом пальце вонзился в ребра, и потянула обратно на палубу.

– Хрена с два! – прорычал великан. – Ты мне задолжал день работы, козел. Ты чо, кейнист какой-то? Решил, что тебе все можно?

– Я не вполне понимаю, кто такие кейнисты, – ответил Делианн. – Но лучше отпусти меня.

– Пошел ты на хрен! Чтобы меня надул какой-то эльфишка!

Он дернул Делианна за руку, давая почувствовать боль и одновременно сбивая с ног. Великан ожидал сопротивления, даже драки, и был к этому готов, но тощий, изможденный Перворожденный застыл чучелом.

– Ты... хочешь отпустить меня.

Пальцы огриллоя разомкнулись сами собой, боевой коготь прижался обратно к запястью. Великан недоверчиво уставился на свои руки.

– Какого хрена...

– Я терпел твое общество пять дней, – отстраненно заметил Делианн, – потому что не мог быстрее добраться до Анханы иным способом. Теперь я уйду, и ты меня не остановишь.

– Жопа! – решительно заявил огриллой, поднимая другую руку и собирая пальцы в кулак таким образом, чтобы не задеть угрожающе выставленный боевой коготь. На Большом Чамбайджене не было иного закона, кроме того, который команды барж устанавливали сами, – и никто не станет корить старшего на борту, если тот изувечит или пришибет простого матроса. – Я тебя выпотрошу, точно семгу, блин.

Морщины, оставленные на лице Перворожденного голодом и странствиями, прорезались глубже, превратившись в следы возраста – невозможной дряхлости, как будто Делианн взирает на мир сквозь толщу тысячелетий. Рука огриллоя безвольно повисла.

Великан взревел, оскалив клыки, и мучительно повел плечами, словно руки его были прижаты к телу незримыми кандалами, которые можно стряхнуть... но все было не так. Его руки ничего не сковывало. Они просто не повиновались его воле, свисая, будто парализованные.

– Эльфийский прострел, – с растущим, быстро переходящим в праведную ярость недоумением пробормотал он. – Поганец меня прострелил! Эй, полундра!

В ответ на вопль помбоцмана поднялись головы по всей барже.

Хотя в целом на реке царит беззаконие, за некоторые традиции команды баржей готовы жизнь положить, и за эту – в числе первых. Дюжина огров разом выдернула из воды свои шесты, грузчики побросали бутылки, сложили карты, спрятали кости. Даже палубные крысы, беднейшее поречное отребье, работавшее за харч и дорогу, оставили ведра и швабры, чтобы подхватить багры и крючья. И все разом ринулись на нос.

Делианн наблюдал за ними, чуть приметно нахмутив пушистые брови. Ближайший огр, потом еще один, за ним третий – с грохотом рухнули на палубу, с воем хватаясь за сведенные мучительной судорогой ноги. Прострел обездвижил их, как удар ножом по ахилловой жиле.

Остальным пришлось сбавить ход, чтобы бьющиеся в судорогах великаны никого не зашибли ненароком. И тут же дорогу им перегородила стена огня высотой с двух огров.

– Это просто фантазм! – взвыл огриллой. – Просто эльфья волшба, олухи! Она никого не тронет!

Очевидно, кое-кто из матросов, как и помбоцмана, знал, что чары Перворожденных обычно действовали лишь на рассудок жертвы, а может, просто был похрабрее. Они ринулись в огонь – и вывалились из него, шатаясь, в горячей одежде и с тлеющими волосами. С воплями они попрыгали в реку.

Огриллой моргнул единственным глазом, прищурился, моргнул снова.

– Не тронет, – тупо повторил он, – эльфья же!

– И это было бы так, – отозвался Делианн, – будь я взаправду эльфом.

Протянув руку, он дернул помбоцмана за единственный клык с такой силой, что великана скрючило.

– Я не люблю насилия, – отчетливо прошептал он прямо ему в ухо. – Я не желаю зла ни тебе, ни кому другому. Но сейчас я ухожу. Времени нет разводить церемонии. Кто бросится – прибыю. Понял? Потом вернусь и прибыю тебя. Скажи, что ты меня понял.

Огриллой шарахнулся, мотая башкой, будто пытался стряхнуть надоедливую эльфишку, но тощий, почти бесплотный фей оказался чудовищно силен. Он снова притянул великана к себе. Из-под пальцев его струился дымок, разнося смрад горячей кости. Великан застонал, потом завизжал пронзительно и долго.

– Скажи, что ты меня понял, – повторил Делианн.

– Я... понял, понял, – прохныкал огрилой. – Только сгинь!

Перворожденный отпустил его, и великан отпрянул. На клыке его остались черные отпечатки пальцев. Он едва не рухнул в огонь, но в этот момент завеса пламени потухла, будто накрытая невидимым одеялом, оставив только широкую полосу из тлевших досок.

Делианн глянул вниз с борта, проверяя, не зашибет ли он кого-нибудь из прыгнувших в реку матросов, потом бросился вниз сам, ушел под воду, вынырнул и, сильно загребая, направился к берегу. Выбравшись из воды, он кинулся бежать, даже не оглянувшись на баржу посреди реки. Путь его лежал в Анхану.

«Людская кровь, – слышались ему насмешки братьев. Это была их любимая подколка. – Всегда делать – и никогда не быть. Это зовет людская кровь, ты разбрасываешься временем, как хуманс; у тебя его так мало, что не жаль и растратить, словно нищерброду, нашедшему кошелек».

«Может быть, – откликнулся он своим мыслям, – но сейчас у меня осталось больше времени, чем у вас».

Он отчаянно хотел ошибаться; мучительное стремление отвергнуть реальность жгло ему сердце, как колдовской пламень опалял палубу баржи.

До окраины Анханы оставалось не больше трех миль по равнине; над городом сгустились дождливые сумерки.

Делианн бежал неловко, спотыкаясь, будто ноги его принадлежали кому-то другому или были перебиты, так что Перворожденный припадал сразу на обе, но, несмотря на это, двигался очень быстро, стягивая Силу, чтобы напитать натруженные мышцы. Трущобы, окружавшие Лабиринт Анханы, он преодолел за четверть часа.

Буря рвалась ему навстречу, обливая потоками сернистого дождя. Не сбавляя шага, Делианн свернул на дорогу, ведущую на север, туда, где Лабиринт переходил в Промышленный парк.

Даже пустоглазое людское отребье, населявшее эти трущобы, находило в себе силы плюнуть в пробегавшего; спешить мимо хумансов так, словно тебе есть куда податься, считалось непочтительным. Анхана была сердцем людских земель, и здесь привечали только тех Перворожденных, кто знал свое место.

Добравшись наконец до Города чужаков – нелюдского гетто Анханы, – Делианн выпустил водоворот Потока, поддерживавшего его. Сейчас он не мог позволить себе отвлекаться от реальности, если хотел живым выйти из сплетения узких многолюдных улочек, расталкивая бесчисленных Перворожденных, покорителей камней, огриллов и хумансов.

Наступала ночь, и под открытое небо решились выбраться даже несколько троллей; то один, то другой задумчиво косился на решительного прохожего и голодно цыкал бивнем, будто втягивая стекающую по губам слюну. От вони перехватывало дыхание, от шума и бесконечной суеты кружилась голова. Мерзость, запустение, слепые глаза Перворожденных – из-за Анханы Делианн оставил род людской ради эльфийских пуш.

За двадцать лет, что Делианн не ступал на эти улицы, Город чужаков сильно изменился. Тогда здесь было тесное, переполненное гетто, набитое Перворожденными, покорителями камней, древолазами, огриллоями и их родичами-великанами, что пытались заработать на хлеб

по окраинам столицы, продавая хозяевам-людям силу и мастерство, теряя себя в дурмане и выпивке, огрызаясь и уничтожая друг друга, словно крысы в битком набитой клетке.

В те далекие дни стражники-люди наводили порядок не иначе как отрядами по пятеро, заработав себе жестокостью и щедрым использованием окованных железом дубинок кличку «головоломы»; теперь, похоже, пятерки головоломов сменились парами, причем один в паре всегда был человеком, а второй – нелюдем, обычно Перворожденным или покорителем камней. Люди носили черные с серебром мундиры, нелюди – алые с золотом. Делианну они попадались на глаза постоянно: проталкивались сквозь толпу, разводили драчунов, останавливали споры, прокладывали дорогу каретам богачей. Только головой оставалось покачать...

Двадцать лет назад надеть эти цвета значило объявить о своей принадлежности к одной из двух могущественных банд Лабиринта: Лица или подданные Короля Воров. Но тогда ни одна из банд не брала под свое крыло Город чужаков, и уж во всяком случае Лица нелюдей не привечали. Кроме того, это были именно банды: Лица приторговывали незаконной «дурью» и живым товаром, подданные Короля промышляли нищенством и шарили по карманам, а сверх того – зарабатывали охраной и вымогательством. Каким образом и те и другие образовали нечто вроде народной стражи, Делианн боялся догадываться.

Само гетто выросло в размерах втрое, если не вчетверо, расплываясь, словно плесень; сейчас, ночью, оно распускалось венериной мухоловкой, источая опасно притягательный сладкий аромат. На мокрой мостовой играли грязные радуги, свет бесчисленных цветных фонарей разбивался о булыжник, и вывески на приземистых тавернах и игорных домах мерцали яркими огнями. Вывески объявляли, какие удовольствия можно найти под этими крышами. Игры – от простых костей и рулетки до петушиных боев, борьбы с медведем и гладиаторских боев между разными расами, от хумансов и Перворожденных до огриллов. Еда – от деликатесных импортных крылышек тофальмо до каши с острым шпиком, плати и жри до отвала. Напитки – от дрянной сивухи до тиннаранского бренди. Наркотики – от простого паленого рита до экзотических порошков, способных самые потаенные фантазии сделать ощутимыми ясно, как соринку в глазу. Шлюхи – на любой вкус, любого опыта, возраста, пола, ориентации и видовой принадлежности, от томной педерастии до извращений, цена на которые включает помощь врача сразу по завершении акта.

Двадцать лет назад, чтобы найти в Городе чужаков нечто такое, чего не сыщешь в другом месте, – незаконное, или соблазнительно опасное, или просто слишком мерзостное, чтобы обрести широкую популярность, – следовало отправляться в заведение под вывеской «Экзотические любовницы», что почти на самой Дворянской. На первый взгляд это заведение казалось маленьким, хорошо обставленным борделем для узкого круга завсегдатаев; но, войдя в этот круг, показав себя достойным доверия, – иными словами, к тому моменту, когда владелец заведения получал достаточно пригодных для шантажа улики, чтобы посетитель пискнуть без разрешения не смел, – можно было получить доступ в мир в буквальном смысле слова неограниченных чувственных возможностей. В «Экзотических любовницах» невозможного не существовало – только дорогостоящее.

Но теперь, похоже, весь Город чужаков преобразился в базарный вариант «Экзотических любовниц», и отыскать в нем само заведение было совершенно невероятно. Делианн стоял посреди улицы, тупо взирая на вывеску грибоведа, занявшего домик на Дворянской, механически перечитывая список выставленных на продажу возбуждающих, дурманных или галлюциногенных спор: бесплодный самообман, конечно, попытка отложить на пару секунд тот миг, когда понимаешь, что понятия не имеешь, что делать теперь.

Он зашел так далеко...

Легкие пальцы скользнули по его ребрам – там, где Перворожденные обычно носят кошельки. Рука Делианна устремилась им навстречу неуловимо быстро, чтобы выволочь хозяина этих пальцев на обочину перед Перворожденным. Грязное людское дитя.

– Извини, фей, спотыкнулся я, – торопливо выпалил мальчишка.

– Это заведение... – мрачно промолвил Делианн. – Оно когда-то называлось «Экзотические любовницы». Что с ним случилось?

Мальчишка выпучил глаза, потом хитро прищурился:

– Эй, я по этим нотам не пою, зато есть у меня сестренка, ей одиннадцать, ничего еще не делала, ну разве пару раз отсосала...

– Я спрашивал не об этом.

– Ну ладно-ладно, правду сказать, тринадцать ей, только...

Делианн тряхнул его. Сильно.

– «Экзотические любовницы», – повторил он.

Мальчишка закатил глаза и внезапно завизжал что было сил:

– Косоглазый! Косоглазый! Спасите меня от этого долбаного кейниста!

Он попытался пнуть Делианна в лодыжку – слушать его вопли было больнее – и как-то вывернулся из пальцев, чтобы ринуться прочь и раствориться в толпе, разглядывающей Перворожденного с нарастающей враждебностью. Кто-то ругался вполголоса, но только один взялся выразить всеобщее мнение:

– Урод косоглазый!.. Хочешь оттрахать мальчонку, так плати, как приличные люди!

Дело могло кончиться плохо, – судя по виду, многие из зевак только рады были бы попинать прохожего, и никто не в состоянии был, глядя на изможденного, оборванного Перворожденного, осознать, насколько опасной может стать подобная попытка, но тут сквозь толпу протолкался рослый мужчина в черной с серебром кольчужной рубашке, а за ним плечистая покорительница камней в юбке из алой с золотом парчи.

– Все-все, разошлись, – устало повторяла она, по дороге наступая на мозоли, поддавая под дых и время от времени отпихивая с дороги самых наглых. Короткие руки бугрились мускулами, точно корни болотных кипарисов; если она кого-то толкала, тот улетал. – Разойдитесь. Шевелись! Да, ты, ты, козел! Пошли!

К Делианну подошел человек и смерил Перворожденного холодным взглядом:

– Что за дела, леший? Беды ищешь? Если что, так мы уже пришли.

– Я ищу, – неторопливо проговорил Делианн, – фею, которая держала здесь веселый дом.

– Здесь? – Мужчина нахмурился. – Что-то не припомню. Руфи – грибовед здешний – тут лавку держит уже сколько? Почитай, лет восемь, я еще в патруле тогда не служил. Эй, Таулк'н, ты помнишь, чтобы здесь был бордель?

Его партнерша фыркнула в бороду и отпустила пару фраз, которые Делианн не вполне расслышал, – кажется, язвительные комментарии в адрес хумансов с их короткой жизнью и короткой памятью.

– Ага. – Она отшвырнула последнего зеваку и обернулась. – «Экзотические любовницы». Тут они были.

– «Экзота»? – Глаза патрульного вспыхнули, по губам зазмеилась нехорошая улыбка. – Тулки, до тебя дошло? Этот лешак ищет Герцогиню.

Покорительница камней сделала шаг вперед, уперев руки в бока, смерила Делианна взглядом раз-другой, потом грустно помотала головой:

– Не трать силы, лешак. Не станет она с тобой говорить.

– Никакой Герцогини я не знаю, – терпеливо ответил Делианн. – Я ищу фею по имени Кирендаль.

– Это она и есть, – пояснил человек. – Ее прозвали Герцогиней, потому что она перетрахла половину Кабинета министров.

Покорительница камней всем своим весом наступила напарнику на ногу.

– Придержи язык.

– Просто скажите, где я могу ее отыскать.

– Теперь она держит «Чужие игры»...
– «Чужие игры»? Целый квартал заведений на улице Кхазад-Лун?
– Точно, лешак. Только не попадешь ты к ней, точно говорю. Занята она, ясно? Важная пе...

Что еще хотела сказать покорительница камней, Делианн не расслышал: он уже бежал.

2

Казино «Чужие игры» распласталось посреди клоаки Города чужаков, словно колоссальная зловредная жаба, поблескивая радужой слизистых боков. Дому не исполнилось еще и восьми лет, а он уже проглотил всех соседей от улицы до улицы; сросшиеся здания занимали большую площадь, чем сам дворец Колхари, – три ресторана, семь салунов, четыре игорных дома, два театра и десятки уличных балаганов разного размера и степени уюта. В пределах квартала можно было купить все, что угодно, – от сигар до внезапной смерти. Комнаты здесь сдавались внаем по часам. Крыша, окаймленная исполинским нимбом, сияла, точно маяк, видимый даже с луны. А нимб был всего лишь радужно мерцающим отражением колоссального пузыря Силы, титанического Щита, заключавшего в себя здание и видимого только потому, что струйки дождя стекали по его поверхности на улицу.

Делианн прислонился к скользкой от дождя белокаменной стене, выглядывая из проулка. Сукно куртки отяжелело от воды, давило на плечи. С карниза прямо на голову ему стекала кислотная, отдающая химией вода. Он стоял достаточно далеко от входа в проулок, чтобы жуткий алый, зеленый, золотой свет не попадал ему в лицо.

Для колдовского зрения «Чужие игры» сияли еще ярче, чем для обычного. Над зданием кружился смерч стянутой Силы, сплетение невозможно ярких струй – алых и аметистовых, бронзовых и изумрудных, лазурных и серебряных, – будто праздничные флаги, бьющиеся над крышей. За краем Щита толпились зеваки, вглядываясь в лица дворян, светских львов, знаменитостей, которые по очереди выходили из карет, одна за одной подкатывающих к устланной дорожкой из пурпурного бархата широким мраморным ступеням парадного. Зрители опирались на колдовской Щит, словно на стенку, прижимаясь к ней лицами, словно одной силой воли могли проложить себе дорогу из сырой мглы в вечный летний полдень за стеной.

Над крышей многоколонного портика сиял огнями шатер размером с речную баржу; плакаты на нем объявляли умопомрачительную мировую премьеру некоего шоу с вульгарным названием и Актерами, о которых Делианн слышал впервые.

Несколько мгновений он изучал строение пузыря. Похоже, что стена состояла из нескольких переплетенных Щитов; должно быть, «Чужие игры» ради этого держали на службе шестерых или семерых тауматургов, скорее всего – людей. Когда по улице проезжала по проложенному в толпе коридору карета, в Щите открывался проем, ровно настолько, чтобы пропустить экипаж и сопровождающих, а потом закрывался, словно ворота, чтобы не допустить внутрь чернь. Часть Щитов были, вероятно, постоянными, заряженными загодя, – например, те, что прикрывали здание от дождя, питаемые запасенной энергией, а не сосредоточенным вниманием тауматурга. Но ворота были делом рук человеческих. Сквозь подпитываемые кристаллами Щиты Делианн мог пройти без особых сложностей и не поднять тревоги, но тогда ему пришлось бы привлечь внимание Кирендаль каким-то иным способом.

Он вышел на улицу.

Не обращая внимания на толчки и ругань, Делианн продирался сквозь толпу. Добравшись до того места посреди улицы, где проезжали сквозь Щит кареты, он просунулся между рослым хумансом и невысоким троллем.

– Извините, – вежливо проговорил он.

Оба зеваки разом глянули сверху вниз на тощего оборванного эльфа и перемигнулись.

– Пошел в жопу, эльфеныш, – бросил человек. – Найди себе место сам.

– Уже нашел, – ответил Делианн, раскидав обоих.

Зеваки, нимало не ожидавшие такой противоестественной силы, которой обладал Перворожденный, полетели в толпу. Троль разумно решил, что этот фей наделен неясными еще способностями, и отступил, мрачно бормоча под нос что-то на родном хрюкающем наречии. Человек, наделенный меньшим умом, решил настоять на своем.

– Эй, – воскликнул он, – ты, недоросток, ты на кого полез?

Делианн застыл в ожидании. Его подташнивало.

Хуманс занес руку:

– Да я тебя сейчас...

Делианн прервал его коротким ударом правой. Из носа верзилы брызнула кровь, из глаз – слезы. Перворожденный пнул своего противника в пах, а когда тот сложился, осторожно обошел его кругом, прихватил левой рукой за шею, а костяшками правой надавил на разбитую переносицу. Громила с воем выпрямился, перегнулся назад и медленно повалился наземь.

Удовлетворившись тем, что противник повержен, Делианн напоследок пнул его еще раз: носок башмака с изумительной точностью врезался лежащему под ложечку. От боли верзила свернулся клубочком, тяжело дыша и всхлипывая.

Делианн выпрямился и обвел толпу бесстрастным взглядом:

– Еще желающие есть?

Не вызвался ни один.

Перворожденный оскалил длинные острые клыки – зубы хищника:

– Тогда с дороги!

Он отвернулся, не в силах сдержать омерзения. Чтобы обойтись без насилия, надо было подумать, а он слишком устал, чтобы размышлять связно. Требовалось подключить воображение, а этого-то Делианн не мог себе позволить. На протяжении двух недель фантазия дарила ему только цвет воплей, прикосновения мертвых детей, запах геноцида.

Внутри пузыря под вечным полуденным солнцем снова лакеи и швейцары в алых с золотом ливреях. У дверей дремали шестеро огров в полном боевом облачении. Их кирасы, покрытые эмалью тех же цветов, блестели, точно фаянсовые горшки. Кроваво-красные алебарды были отставлены на плечо.

Колдовское зрение подсказывало Делианну, что никто на улице не направляет Силу. Только над драгоценностями толстухи, выползавшей из экипажа с помощью двух услужливых привратников, порхал крошечный завиток чар, помогавший самоцветам блестеть ярче. Перворожденный кивнул своим мыслям. Если повезет, ему придется одолеть лишь обычную стражу.

Не теряя колдовского зрения, он настроил свою Оболочку на колебания Щита перед собой, оценивая силы тауматурга, державшего чары. В лучшем случае – третий сорт. Щит едва выдерживал удары дождевых капель, не говоря уже о напоре толпы. Собрав побольше Силы, Делианн обратил ее в копье, пробив им Щит легко и спокойно, точно иглой шприца. Его Оболочка вошла в резонанс с чарами так плотно, что он ощутил алый всплеск боли, исходящий от тауматурга. Без особых усилий он проделал невидимым копьем в Щите дыру в человеческий рост и шагнул в нее.

Толпа за спиной ахнула неслышно: для обычного зрения все обстояло так, словно чародей спокойно прошел сквозь Щит, противостоявший всем усилиям зевак. Те навалились снова, но Делианн уже отпустил поток Силы, и Щит вновь встал на место. Впрочем, тауматург на службе в «Чужих играх» прекрасно понял, что случилось, и, вероятно, уже поднял тревогу.

Ну разумеется: Делианн вздохнуть не успел, как от кучки прислужников в дверях отделился изящный Перворожденный в вечернем костюме и, жестом подозвав двух крепких покорителей камней в ало-золотых ливреях, двинулся к пришельцу по сухому булыжнику прикрытой Щитом улицы так торопливо, как мог, не выдавая спешки.

Они встретили Делианна в сорока шагах от входа. Троица расступилась, надежно загорая проход и не проявляя при этом явной грубости. Фей оказался высок ростом и изящен, его темный костюм – безупречно сшит, начищенные ногти блестели, как пуговицы. Сложив руки на груди, он вежливо поклонился Делианну:

– Я могу вам чем-нибудь помочь, сударь?

– Можете, – промолвил Делианн, проскальзывая между ним и одним из покорителей камней так, словно тех вообще не было в природе. – Объявите о моем прибытии.

– Сударь? – многозначительно переспросил Фей, одним этим словом деликатно описав и порванную одежду, и стоптанные башмаки, и веревку на поясе, и противоестественные морщины. Он как бы незаметно зашел гостью за спину; покорители камней пристроились по бокам, похрустывая костяшками пальцев.

– Можете объявить, – повторил Делианн, – что прибыл принц-подменыш, Делианн Митондионн, младший из наследников Сумеречного короля.

Фей даже не моргнул.

– Простите, принцу назначено?

Делианн двинулся вперед.

– Прошу, ваше высочество, – мягко промурлыкал Фей. Кажется, у него был большой опыт общения с лунатиками, и Делианна он отнес именно к этой категории. – Эту трудность вполне возможно обойти. У нас есть резервная ложа для царственных гостей. Не изволите ли проследовать за мной?

Делианн мог догадаться, что ожидало бы его в таком случае: жестокие побои где-нибудь в подвале, после чего изувеченное, бессознательное тело выбросят на улицу, за Щит в назидание прочим незваным гостям.

– Не стоит утруждаться, – ответил он. – Я пришел не ради представления. Мне нужно повидать Кирендаль.

– Прошу вас, сударь. Я вынужден настоять.

Руки твердые, как горные корни, впились в локти Делианна. Пара покорителей камней сложила его пополам с той легкостью, которая приходит с опытом. Со стороны казалось, что гостью стало нехорошо и без помощи слуг он на ногах не удержится; на самом деле его попросту несли. На какой-то момент усталость взяла свое. Так уютно было расслабиться, не оказывая сопротивления, когда тебя несут, словно ребенка, хотя железная хватка была все же болезненна... вот только тащили его не в ту сторону! Делианн нашарил ступней мостовую и отворил свой разум Силе.

Высоко над головами мерцали в незримом свете Потоков Силы своды Щита. За долю мгновения Оболочка чародея выросла в пятнадцать человеческих ростов, коснувшись этого Щита, а в следующий миг Делианн, уловив его гармонию, настроил себя на поток чар. В идеальном резонансе Оболочка пробила колдовской свод и коснулась серебряной ленты, вплетенной в многокрасочный смерч Силы. И тогда погасли огни.

Тьма обрушилась на улицу, словно кувалда.

Внезапное исчезновение мириад цветных фонарей ошеломило толпу. Застыли в недвижимом молчании зеваки, и лакеи, и даже кони в упряжках – словно ослепли. На какую-то бесконечную секунду улица оказалась погружена во тьму и тишину, тихую, точно дыхание ребенка, разыскивающего буку под кроватью.

И тогда Делианн вспыхнул огнем.

Он полыхал, словно факел, словно костер, словно тысяча разом вспыхнувших магниевых лент, он полыхал так, будто солнце, озарявшее все закоулки «Чужих игр», теперь протекало сквозь его кожу. Лакеи – покорители камней – с воплями шарахнулись от него. От обугленных ладоней шел дымок. Фей в вечернем костюме закрыл глаза руками и визжал, как напуганный ребенок.

Истертая одежда Делианна вмиг прогорела дотла, и пепел унесло в ночь ветром. Истлели волосы. Обнаженная плоть носила следы недавних плохо заживших ран. По черепу змеился кривой шрам, будто от удара мечом. Одно бедро вздулось вдвое больше другого и покраснело, лодыжка другой ноги изогнулась посередине, и на месте изгиба виднелся костяной узел в кулак величиной.

Нагой, лысый, окутанный пламенем Делианн вышагивал по ступеням парадного, оставляя на пурпурной дорожке выжженные следы.

Все расступились, кроме одного из огров – не то самого храброго, не то самого тупого. Тот попытался ткнуть гостя алебардой. Едва коснувшись объявшего Делианна пламени, клинок огра растаял и стек лужицей жидкой стали к ногам, а древко до половины обуглилось.

Пламя отражалось в глазах, окрашиваясь цветами ужаса.

– Я пришел повидать Кирендаль, – повторил Делианн. – У меня нет времени на любезности.

В воздухе перед ним соткалось палевое мерцание, и из ниоткуда, будто сквозь невидимую полуоткрытую дверь, выступила высокая фея.

Она была выше Делианна ростом и еще стройнее, изящная, словно парящий сокол. Вечернее платье на ней сверкало, будто сотканное из алмазных нитей. Платиновые волосы были подняты высоко над остренькими ушками и уложены в экстравагантную сложную прическу. Глаза мерцали отражением цвета денег, будто вложенные в глазницы серебряные монетки. Тонкие губы разошлись в безрадостной улыбке, обнажив длинные, игольно-острые зубки. Ноготь на указательном пальце правой руки был подточен и накрашен так, чтобы напоминать стальной орлиный коготь.

– Ты знаешь, – заметила она, – как показать себя. Ищешь работу?

Какое-то мгновение Делианн не мог заставить себя ответить.

– Кирендаль... – проговорил он сквозь завесу огня.

– Прошу прощения, – перебила она легкомысленно, – что встретила неподобающим образом. На мне слишком много одежды. Просто позор.

Она даже не повела плечами, но платье каким-то образом соскользнуло, собравшись лужицей у ног. Она шагнула вперед, нагая, как и Делианн, совершенно спокойная, и протянула ему руку:

– Так лучше?

У Делианна отвалилась челюсть. Соски Кирендаль были выкрашены в тот же цвет, что и глаза, и казались твердыми, как металл, под который маскировались. И в этот миг полнейшего остоленения пламень, защищавший его, погас.

А он даже не заметил мерцания Оболочки Кирендаль и в какой-то тошнотворный миг осознал почему: ее вообще не было здесь. Он видел перед собою фантазм, вложенный в его, и только его, разум из какого-то безопасного места. А покуда он пялился, Кирендаль перенастроила Щит над головой, отрезав его от Силы.

Ему показалось, что он сваял большого дурака.

Он только начал протягивать свою Оболочку в другую сторону, когда на голову ему кто-то набросил плотную сетку из тяжелых холодных нитей, и стоило ловушке сомкнуться, как видение Кирендаль и сброшенного платья перед ним сгинуло, будто стертая невидимой рукой. Тяжелая рука сбила Перворожденного с ног, а он не мог притянуть к себе ни капли Силы, чтобы укрепить мышцы и разорвать сетку, – на ней вспыхивали алые огни противочар, блокирующих все его попытки. Один из огров поднял пленника за ногу и сунул в сетку, как котенка, собрав ее наподобие мешка.

– Ты небоззь не знать, какие жштуки у городззких в моде, пока бродижж в пужже, а, лежжак?

3

Кресло было тяжелое. Очень крепкое – из толстых досок твердого клена и вдобавок прибитое к полу. Цепь, приковывавшая левое запястье Делианна к правой лодыжке, была намотана на перекладину между ножками.

Огру потребовалось не больше пяти минут, чтобы убедительно доказать вытряхнутому из мешка Делианну, что тот не сможет притянуть к себе достаточно Силы, чтобы зажечь свечку. Нечто неведомое в стенах комнаты отсекало чародея от источника колдовских чар так же надежно, как сетка. Доказательство по-огричьи было простым: он быстро, ловко и безжалостно измолотил Делианна ороговелыми кулачищами до потери сознания. Потом надел на пленника кандалы и ушел.

Делианн сидел лицом к голой серой стене. На ней виднелись смутные бурые разводы – должно быть, старая, не до конца стертая кровь. Извернувшись в кресле, Делианн мог наблюдать за входной дверью, но избитое тело при этом быстро наливалось болью. Вдохнув, чародей отказался от борьбы и устался в стену. В комнате было зябко; кандалы леденили руку и ногу, по всему телу бежали мурашки. Очень долго не происходило ничего. Оставалось только дрожать от холода и прислушиваться к собственному дыханию.

Наконец дверь за спиной отворилась. Повернувшись, Делианн увидел, как входит Кирендаль, и не смог сдержать стоны. Хозяйка «Чужих игр» выглядела в точности такой, какой представил ее фантазм. Она не скользила над полом, но двигалась слишком плавно, чтобы это можно было назвать просто ходьбой. Рядом с ней маячила здоровенная огра в мешковатом балахоне, поигрывая сплетенной из кожаных лент дубинкой длиной – и толщиной – в руку Делианна.

В руке Кирендаль держала, перекатывая в пальцах, что-то маленькое и круглое, вроде орешка.

– Тебе никто не рассказывал, – пробормотала она рассеянно, – что бывает с маленькими эльфами, когда те играют с огнем?

– Не зови меня эльфом, – промолвил Делианн неторопливо. – Я сносил эту кличку от хумансов и от огриллоев. От тебя я оскорбления слушать не обязан.

– Это, – перебила его Кирендаль, – не ответ на мой вопрос.

Незримая рука впиалась ледяными когтями в живот Делианна, свернув кишки в комок боли. Он мучительно всхлипнул, глаза заволокло алым туманом, но даже сейчас он не был совершенно беспомощен. С легкостью, скрываемой гримасой боли на искаженном лице, он настроил свою Оболочку на чары Кирендаль, присосавшись к ярко-зеленому лучу, текущему от ее призрачной Оболочки в его внутренности. Он черпал ее энергию и с ее помощью строил отводку, чтобы использовать все большую долю Силы, терзавшей его, – ментальный шунт, направлявший Силу в Оболочку Делианна вместо физического тела.

– Так я и думала, что ты попытаешься, – заметила фея.

Она бросила короткий взгляд огре, и та огрела Делианна кожаной дубинкой по темени с такой силой, что в голове у Перворожденного взорвался фейерверк. Колдовское зрение оставило его.

Кирендаль оскалилась.

Стальные когти впились под ребра, рванули желудок. Делианна согнуло пополам и после нескольких спазмов мучительно вывернуло прямо на голые ноги. Кирендаль отступила на шаг, чтобы не испачкать вечерние туфли на высоких каблуках.

Когда чародей нашел в себе силы поднять голову, Кирендаль смотрела на него, сооротив на точеном лице дружелюбную мину. Запах блевотины ее словно не беспокоил.

– Свое положение ты осознал. Теперь попробуй войти в мое. Меньше чем через час поднимется занавес и начнется шоу, которое я планировала устроить больше года. Я собрала исполнителей со всей Империи, из Липке – из Ч’рранта, пропади он пропадом! Только своих я вложила в эту затею семьдесят восемь тысяч ройялов, а мои партнеры – еще больше. И это такие партнеры, которые оправданий не слушают. Если не будет прибыли, они станут по очереди трахать меня в задницу, пока я не сдохну от потери крови.

Каждое ругательство она произносила со сдержанным удовлетворением, будто радуясь, что хотя бы в этой камере может изъясняться так, как считает нужным.

– А теперь какой-то тронутый урод, назвавшись принцем-подменным, разбрасывается огненными чарами, как в самом страшном кошмаре людского тауматурга, и я хочу знать, что происходит. Ты кейнист, так?

Делианн покачал головой:

– Я даже не знаю, кто это такие.

– Не дури мне голову, хрен. У меня сегодня в зале два епископа и архидьякон, сучий потрох, Церкви Возлюбленных Детей Ма’элКота. Я знала, я точно знала, что какой-нибудь тронутый ублюдок-кейнист попытается их достать.

– Я не кейнист. Не понимаю, почему меня все время с ними сравнивают.

Кирендаль фыркнула:

– Тем хуже для тебя. Все просто, хрен: я хочу знать, кто ты такой, кто тебя послал и что ты затеял; и времени, чтобы все это выяснить, у меня очень немного. Поэтому я буду тебя пытаться, покуда мне не понравятся твои ответы. Понял?

– Мне нужна твоя помощь, – проговорил Делианн.

Кирендаль стиснула в руке гриффинстоун так, что алые струйки Силы задымились вокруг кулака.

– Ты выбрал странный способ просить о ней, – процедила она сквозь зубы.

– Я пришел не просить, – отрезал он. – Я не стал бы злоупотреблять старой дружбой. Я Делианн Митондионн, младший наследник Сумеречного короля, и клятвой верности, которую ты давала моему отцу, я требую от тебя службы.

– Ты с кем, по-твоему, разговариваешь, хмырь?! – недоверчиво поинтересовалась Кирендаль, обходя кресло, как будто нагое, безволосое, опаленное жаром тело могло лучше выглядеть в другом ракурсе. – Лешаков ты мог бы запугать, только сейчас ты в большом городе. У меня осведомители по всему континенту, урод. Для начала: принц Делианн мертв. Уже не один год мертв, скорей всего. Его место занял Актири, двойник, – и не рассказывай мне, будто Актири не бывает. Я-то знаю лучше. А этого Актири-двойника убили две недели назад по другую сторону Зубов Богов. Один из принцев дома Митондионн раскусил его, и Актири на него напал. Свита принца зарубила его.

– Торронелл, – уточнил Делианн, и его обожженное лицо исказилось душевной болью. – Это все правда. Почти.

– Почти?

Делианн едва приметно усмехнулся:

– Я не самозванец, и я жив.

Кирендаль фыркнула:

– А вот тебе на закуску, хрен собачий: я знала подменного. Он служил у меня охранником в «Экзотических любовницах» добрых двадцать пять лет назад, до того, как его приняли в доме Митондионн. Служил почти год, и я тесно с ним познакомилась, если понимаешь. И ты – не он.

– Уверена, Кир? – грустно спросил Делианн. – Дорисуй мне волосы и брови – неужели я правда так изменился?

В первый раз за все время она посмотрела на него внимательно. Нахмурилась, ощерив зубы, словно увиденное пугало ее.

– Сходство есть, – призналась она нехотя. – Но ты постарел... постарел, как хуманс...
– А я и есть человек, – ответил Делианн. – И всегда им был. Я Делианн.

Кирендаль выпрямилась и помотала головой, будто отвергая увиденное, отрицая неоспоримое.

– Даже будь ты подменным, я не стала бы помогать тебе. Я ничего не должна ублюдку. Или его долбаному Сумеречному королю. Что я видела от них? – Радужные полосы катились по ее Оболочке, не смешиваясь, точно по мыльному пузырю на солнце. – Я все еще не услышала причины, по которой Тчако не следует прибить тебя и выбросить тело в реку.

Делианн понимал, что это не пустая угроза. Он видел ее кулаки, стиснутые так крепко, что длинные острые ногти до крови царапали запястья. Она обезумела, глухая к доводам рассудка, и была опасна, как раненый медведь. Он понимал ее – полностью, без труда.

Он чувствовал себя так же.

Он всегда считал себя героем, одним из «хороших парней», из тех, кто может противопоставить миру свой закон, провести черту, переступить которую не решится ни при каких обстоятельствах. Он с готовностью отдал бы жизнь, прежде чем совершить то, что собрался сделать сейчас; выбор оставался за ним. Но если сейчас он предпочтет смерть бесчестию, то сделает выбор не за себя, а за миллионы душ – миллионы, у которых никакого выбора уже не будет.

– Если ты отречешься от долга перед моим отцом, – вымолвил он, – гибель Первого народа будет на твоей совести, Кирендаль. Через два года мы исчезнем с лица земли.

Но этим он просто тянул время, отсрочивал неотвратимое; он уже понял, что словами не тронет сердца хозяйки «Чужих игр».

– У меня нет времени на эти игры.

Она подала знак Тчако, и кожаная дубинка вновь обрушилась на голову Делианна, забрызгав поле зрения яркими искрами.

Когда он поднял глаза, по шее его потекла теплая струйка, – значит, от удара разошелся шрам на голове... или, подумалось ему мимолетно, рядом появилась новая рана.

– Все, что ты можешь со мной сделать, не изменит правды, – тихо проговорил он.

– Я еще не услышала от тебя правды, – прорычала Кирендаль, грозно поднимая гриффинстоун.

– Ты не слышала ничего, кроме правды.

Рычание перешло в разочарованный визг, и пальцы стиснули камушек. Боль вбуравилась в живот Делианну – он согнулся, раздираемый сухими рвотными спазмами. Под ложечкой жгло, будто он наглотался горячих углей, но чародей даже не сделал попытки перетянуть на себя часть ее Оболочки и тем защититься. Именно этой атаки он ждал.

Настроив свой мозг на тот канал связи, что создала Кирендаль между их Оболочками, он открылся боли, принял ее, притянул к сердцевине своего бытия, хотя переносимые им муки грозили погасить рассудок, словно свечу. Это было как покаяние в том, что он делает затем.

В последний миг некое предчувствие подсказало ей, что он вознамерился сделать пленник, и Оболочка Кирендаль вспыхнула всеми цветами ужаса. Только тогда она начала сопротивляться – отчаянно, как бьется загнанный в глубочайший угол собственного логова зверь. Взыла раз, тонко и отчаянно...

И тогда через связавшую их пуповину Делианн открыл ей душу.

Образы льются непрерывным рваным потоком, непонятные, невообразимые; взгляд одновременно изнутри и снаружи, когда смотришь и видишь: забрызганные блевотиной босые ноги, острые каблуки, боль в животе и боль под сердцем от пытки, полыхающее чучело на тем-

ных ступенях парадного, и снова – глядя из огня на тающее лезвие алебарды – металл стекает пламенной лужицей на горящий ковер...

ЧТО ТЫ СО МНОЙ ДЕЛАЕШЬ?!

Тсс, всё, поздно трепыхаться, терпи...

Образы сплетаются, выстраиваясь чередой, последовательно: прогулка по изменившемуся, ужасающе полужнакомому Городу чужаков, разговор со стражей, сценка с карманником. Все быстрее: прыжок с речной баржи, шелковое касание воды, пламя и крики, жестокая хватка старшего-огриллоя...

Что это?

Моя жизнь.

Долгие дни со шваброй на палубе, с топориком в зарослях, в воде среди комьев плавника – опасная, утомительная работа палубной крысы на Большом Чамбайджене. И другие дни: в долгом одиноком пути с Зубов Богов, где каждый шаг – новое проявление боли, через лес, вдоль ручья, чтобы не остаться без воды, питаюсь Силой, чарами удерживая кроликов и белок на месте, покуда те не подпускали к себе так близко, что руками можно было сломать им шеи. Поначалу опаляешь куски мяса вызванным мыслью огоньком, но, по мере того как проходят дни и иссякают силы, резервы чар сокращаются, и язык обжигает кровавый привкус сырого мяса.

Это наши жизни?

Наша жизнь.

Мы – Делианн.

Часы, проведенные в агонии, когда вытекают из тела силы; дни, проведенные в колдовском трансе, когда он сражался с шоком и усталостью при помощи Силы, наращивая слой за слоем кальций на обломках кости, жалея, что слишком плохо понимает ремесло целителя, мечтая набраться сил, чтобы ровно зарастить перелом – и все равно делая ошибки, оставив инфекционный очаг в левой бедренной кости, криво зарастив правую голень, – и силой мысли отгоняя отчаяние, разжимая стискивающий сердце черный кулак...

Мы не понимаем.

Терпи. Осталось недолго.

Проснуться на осыпи у подножия обрыва и удивиться, что еще жив, чувствовать, как трутся друг о друга обломки костей в ногах при каждом движении, видеть высоко наверху лик брата, окаймленный на миг прозрачным иссиня-белым нимбом высоких перистых облаков. Я наблюдаю, как лицо исчезает за краем и небо за обрывом пустеет, безразличное и чистое...

Как меня бросают умирать.

Мы все еще не понимаем.

Никакого «мы» нет.

Я понимаю.

Это моя жизнь.

Я Делианн.

5

Я стою на краю обрыва, глядя на рудники, покуда Кюлланни и Финналл поют Песнь войны.

Далеко-далеко внизу и до самого края ясных вечерних небес земля изъязвлена, будто лик луны, пустошь с кратерами и отвалами. Сами горы покрыты шрамами, источены, будто неведомый бог отхватил то тут, то там по куску. А по этой неживой земле мечутся фигурки рабочих, как черные точки: ворочают землю, ведут сливные трубы, вгрызаются в камень и рыгают

смоляным дымом, покуда хрустально чистый горный воздух не начинает обходить стороной их владения – свод из дыма и пыли, накрывающий преисподнюю.

А чуть поближе – та ограда, которую описывала Л'жаннелла, чудовище из стали и проволоки на фоне дымного марева, разукрашенное смутно видимыми телами.

Это хуже, чем я боялся, хуже, чем я мог даже представить себе. За пять недолгих дней мир, в котором я жил, прогнил изнутри и рухнул, будто проеденный кислотой. Все, что я считал неизменным и прочным, обернулось промокашкой и тонким стеклом.

– Это Слепой Бог, – сурово шепчет Торронелл так тихо, что один я могу слышать его, и повторяет погромче, охватывая взмахом руки не только руины Алмазного колодца и Трансдеи, но и все, что случилось с тех пор, как мы сошли с Северо-западного тракта. – Все это работа Слепого Бога. Нарушена дил-Т'Лланн, и Слепой Бог последовал за нами с Тихой земли.

Из всех нас один я понимаю, что Ррони выражается отнюдь не метафорически.

Торронелл принимается расхаживать кругами, и лицо его темнеет от раздумий. Только сейчас на черепе его начинает пробиваться щетина – отрастают волосы, сожженные мною в попытке спасти ему жизнь. Я следую за ним, стараясь держаться между ним и нашими тремя спутниками. Здоров он или нет, я обязан считать его зараженным.

Даже то, что Ррони приказал нам выйти сюда, на этот утес, свидетельствует о том, что рассудок его помрачен. Я бы рад думать, что это лишь последствие того ужаса, что мы пережили за прошедшую неделю, но начинаю терять надежду. Боюсь, что мне придется убить его.

Кюлланны и Финналл всё поют, а я уже не могу больше.

Это безумие надо остановить прежде начала, и никто другой не сделает этого за меня.

– Нет, – хриплю я. – Не надо войны. Плевать, что они творят. Войны не будет.

Кюлланны и Финналл умолкают; и они, и Л'жаннелла будто не видят меня. Отворачиваются и глядят на Торронелла. Глаза его лихорадочно блестят.

– Или вы не понимаете? – спрашивает он. – Я скажу вам, почему он не желает вступать в войну с этими хумансами. Сливаемся.

– Но проклятие... – возражает Л'жаннелла.

– Ложь! – сплевывает Торронелл. – Еще одна Делианнова ложь. Сливаемся.

Боже, господи боже, он правда болен после всего, что мы перенесли, он все-таки болен, и мне придется... придется... Я стискиваю в руке эфес рапиры под широкой гардой, мечтая вонзить клинок в собственное сердце. Но самое страшное, что это не выход: моя смерть ничего не решает.

А его смерть спасет мир.

Я пытаюсь выхватить шпагу, но руки не слушаются. Как я до этого дошел? Как я до такого докатился?!

Ну почему я?!

Потому что больше некому. Вот и весь ответ.

Я вытаскиваю клинок, и по серебряному лезвию пробегает блик вечернего солнца. Соединенные Оболочки моих спутников играют слепящей живой зеленью Слияния. Они смотрят на меня: Л'жаннелла, Кюлланны и Финналл – с недоверчивым изумлением, Торронелл – с горьким торжеством.

– Видите?! – скрежещет он. – Эти артанцы не от мира сего – они Актири! Он один из них! Он! Проклятый Актир!

То же самое он, должно быть, повторял про себя, от рассудка к рассудку, через Слияние, где невозможно скрыть истину. Слияние не даст солгать. Они услышали обо мне правду и знают это.

– Он хочет убить меня! Он хочет всех нас убить!

В это он тоже верит. Это даже почти правда. Вирус, пожирающий его мозг, дает достаточно убежденности в собственных словах, чтобы завершить дело. Ответить я могу только одним способом – сделав выпад. Бритвенно-острый кончик рапиры устремляется к его сердцу.

Финналл успевает заслонить своего принца собственным телом. Лезвие пронзает ее тело под реберной дугой, легко рассекая мышцы и печень, покуда острое не цепляется за позвоночник. Содрогаясь от неуютного холода в животе, слишком свежего, чтобы восприниматься как боль, она хватается обеими руками за клинок и, падая, вырывает его из моей ослабевшей руки.

Господи, Финналл...

Но я не могу остановиться. Мой народ, мой мир... у них нет иного защитника.

Опыт четвертьвековой давности, из додзё студийной Консерватории, напоминает мне, как убивать людей голыми руками. Я бросаюсь к Торронеллу, но тот с воплем отшатывается – и он все еще мой Ррони, мой брат, и секундное колебание губит меня.

Сверкает меч Кюллани – я вижу это уголком глаза и едва успеваю отпрыгнуть, разворачиваясь к нему. В ушах стоит голос моего наставника: «Когда у твоего врага есть меч, а у тебя нет – драпай как подорванный!»

Не вариант.

«Отойди с линии атаки, изучечь ему руку. Дерись не с клинком, а с врагом».

Кюллани поднимает меч, прыгает на меня. Я пропускаю его, тянусь к локтю, но в тот самый момент с язвительным глухим «бац!» что-то обрушивается мне на голову. В глазах вспыхивают белые искры, ноги подкашиваются. Я отступаю, не останавливаясь, прикрывая руками жизненно важные органы от новых ударов.

В руке Торронелла окровавленный меч.

Он треснул меня по голове. Мечом.

Я отступаю еще на шаг, и нога моя не находит опоры.

Ступня моя проваливается, и тело следует за ней, я лечу, лечу, лечу, только вот опора все же найдется, это только кажется, что ее нет в природе, пока стена обрыва проносится мимо. Я врезаюсь в уступ скалы, отскакиваю, как мячик, лечу дальше. Что-то ломается с громким хрустом – судя по звуку, нога.

Последний удар отзывается в голове вспышкой бесцветного огня. И темнота.

6

Л'жаннелла сидит на корточках по другую сторону прогалины, подальше от прогоревших углей вчерашнего костра, съежившись и дрожа, хотя утро совсем теплое. В Слиянии ей отказано моим приказом – моей ложью, так что ей приходится описывать пережитый ужас просто словами. Язык складывался не для того, чтобы нести такой непосильный груз, но хриплый, дрожащий, бесцветный голос передает то, что не вместились в слова. Самые светлые из моих воспоминаний – как смеется Л'жаннелла над удачным розыгрышем, даже если сама стала его жертвой. Видеть ее в такой тоске и беспредельном ужасе так же мучительно, как слушать ее рассказ.

Теперь мы знаем, почему так долго не откликались покорители камней Алмазного колодца. Ясна и судьба посланцев, которых отправил мой отец, чтобы выяснить судьбу подгорного народа. Кровь гремит в ушах, заглушая слова, но смысла ей не заглушить.

Крошечное сонное людское герцогство Трансея, мало населенное до недавних пор лишь мирными пахарями, – кроме плодов земли, эта страна могла предложить миру лишь гостеприимство, которым пользовались путники на Северо-западном тракте, – превратилось в гигантский, жаждущий новых владений муравейник. Под водительством загадочного народа, назвавшегося артанцами, Трансея сглотнула Алмазный колодец, будто и не стояло тысячу лет свободное владение покорителей камней. Горы, которые так ценили их обитатели, преврати-

лись в омертвелую пустошь, покрытую карьерами и разглоданную колоссальными машинами, выгрызавшими из горных склонов сотни длинных тонн камня в день.

А дальше – хуже. Дежавю стискивает мне глотку, когда Л'жаннелла начинает описывать машины в карьерах: титанические громады ковшей, изрыгающих черный дым и ревущих от голода, плуги на колесах, соединенных плоскими железными цепями. Я вижу машины своим мысленным взором – полагаю, ясней, чем сама разведчица. Я вырос рядом с ними.

Мой отец – мой первый отец, биологический отец – управляет компанией, которая строит такие вот машины, и я нутром чувую, кто такие эти артанцы.

Потом она рассказывает об ограде вокруг карьеров, ограде на стальных столбах, заплетенных колючей проволокой. Пальцем прочерчивая в воздухе изгибы стали, она описывает витки проволоки по верху ограды и торчащие по всей длине ограды короткие лезвия. Это я тоже могу представить вполне ясно: собранный из секций забор и поверху пущенную колючую проволоку.

Торронелл ловит мой взгляд, и сквозь блеклую пленку пота, покрывшую его лицо, проглядывает осуждение. Он догадался. Открывает рот, будто собираясь заговорить, и тут же захлопывает, делая вид, что отвернулся, и только напоследок хитро косится на меня налитым кровью глазом.

Боже – все боги, боги людей, если вы меня слышите, – пусть только его пробьет пот от страха и омерзения. Не от лихорадки. Пусть в этом взгляде горит простая ненависть.

Л'жаннелла продолжает безжалостно. По всей длине ограды, миля за милей, развешаны тела – трупы, скелеты, на иных еще сохранились обрывки одежды, больше всего покорителей камней, немного Перворожденных, даже пара крошечных древолазов, – ноги не касаются земли, раскинутые руки примотаны к ограде той же проволокой. Распять.

Распять артанцами.

Я не могу смотреть на Торронелла. Если я хотя бы голову поверну в его сторону, хоть краешек лица его увижу, я начну оправдываться, слова посыплются с языка, как бы ни стремился я их удержать. «Но это не мой народ! – хочу прокричать я. – Это не мой народ сотворил! Это кто-то другой, некто чужой, в ком нет ни капли моей крови, ни толики моего дыхания!» В свои годы, когда следовало бы давно привыкнуть, я все еще цепенею порой от омерзения при виде тех ужасов, на которые мы способны.

Двадцать семь лет прожив под личиной Перворожденного чародея, я до сих пор способен ненавидеть себя за то, что я – человек.

Но перед Л'жаннеллой я не могу этого показать. Тайна моего происхождения принадлежит дому Митондионн, самому Т'фарреллу Вороньему Крылу, как было со дня моего приятия, и не мне ее раскрывать.

Я успеваю отвлечься раздумьями, как Л'жаннелла вновь обращает на себя мое внимание. Теперь я понимаю, почему она в одиночку вернулась, чтобы рассказать об увиденном, оставив позади Кюллани и Финналл.

– Они наблюдают и ждут, когда мы к ним присоединимся. А пока ждут – сочиняют Песнь войны.

Я чувствую, как буравит мой висок пламенный взор Торронелла, и не осмеливаюсь оглянуться.

– Они не вправе...

– А как иначе? – впервые подает хриплый, скрежещущий голос Торронелл.

– Песнь не прозвучит без дозволения дома Митондионн, – поясняет Л'жаннелла, – но, подмывшись, Алмазный колодец находился под защитой твоего дома более тысячи лет, со времен Панчаселла Невезучего. Покорители камней колодца – родня нам. Разве гибель их родины – недостаточно важная тема для Песни войны?

– Не в том дело.

– Тогда в чем? – горько хрипит Торронелл. – В чем? Скажи!

– Подменыш, – продолжает Л'жаннелла, прежде чем я успеваю найти слова, – хумансы Трансдеи уже объявили нам войну. Посланцы твоего отца – или ты не слышал меня? Тела их развешаны на той оgrade! На тех столбах висит тело Квеллиара – брата Финналл! Он убит! Можешь ты вспомнить его смех и не возжаждать крови?!

Не важно. Мучительная боль под сердцем грозит стиснуть мне глотку, оставив несказанными последние слова, но я нахожу силы вытолкнуть их:

– Не надо войны. Войны не будет.

Торронелл поднимается на ноги.

– Это не тебе решать. Старший здесь я. Мы пойдем слушать их Песнь.

– Ррони! Нет, черт! Ты не знаешь, во что ввязываешься!

– А ты знаешь? Откуда? Или ты хочешь объяснить?

Он знает, что я не могу – по крайней мере, при Л'жаннелле. Он что, вправду болен? Поэтому он меня подзуживает?

Придется ли мне его убить?

Торронелл смотрит на меня так, будто мысли мои написаны на лбу. Ждет решения.

Я уже решил: сдаюсь. Разве у меня есть выбор?

– Ладно, – обреченно говорю я. – Пойдем слушать Песнь.

7

– Я прекрасно себя чувствую, – напряженно произносит Ррони, облизывая губы. Он сидит лицом к костру, и мне хочется верить, что румянец на его щеках лишь от жара близкого пламени. – Прошло четыре дня. Если бы я заразился, лихорадка уже началась бы, верно? – В глазах его стоит живой ужас. – Верно?

Оба мы одеты в чистое – сменную одежду из седельных сумок. Стреноженные кони пасутся невдалеке. Мы сидим на валежнике у крошечного костерка. Мои волосы начинают отрастать – бесцветная щетина, из-за которой череп похож на наждачку. Голова Ррони еще блестит обожженной лысиной.

Губа его рассечена, на лице раздутый лиловый синяк моей работы. С тех пор как Ррони очнулся, он все сильнее сопротивлялся тому, чтобы открыть душу целительному уюту Слияния; за эти четыре дня мы беседовали вслух больше, чем за последние десять лет.

Я тоскую по Слиянию, тоскую по той близости, что мы разделяли с братом, и безнадежно мечтаю о том, чтобы воспользоваться им, но даже не упоминаю об этом. Не могу. Под ложечкой копится тошнотворная мука, подсказывая, что я не хочу на самом деле разделить те чувства, что скрывает Торронелл. Поэтому я только киваю неуверенно, полагаясь на то, что темнота и неровный свет костра скроют выражение моего лица.

– Да, четыре. Кажется. Я не уверен.

– Как ты можешь не быть уверен? – шипит Ррони.

Я же не могу включить монитор и посмотреть!

Но этого я не могу сказать – Ррони и так плохо.

У меня нет секретов от брата. Ррони узнал правду двадцать пять лет назад, еще до моего приятия. О таком не упоминают при наших спутниках; мое истинное происхождение остается тщательно скрываемой тайной дома Митондионн. Все – или почти все, не исключая наших товарищей, – знают, что у меня есть своя тайна, но не подозревают, в чем она заключается. Все полагают, что я Мул, одно из тех редкостных и жалких созданий, что появляются на свет, если хуманс изнасилует Перворожденную. Считается, что мое прозвание – подменыш – лишь вежливый эвфемизм.

Истина куда страшнее.

Я должен принять ее. После всего, что случилось, отрицать прошлое или бежать от него уже невозможно. Я Актир.

Не Актер, нет; мои ощущения никогда не передавались на Землю, чтобы Студия могла распродать их зевакам. Но Актир – безусловно, ибо я родился на Земле. Родился человеком. Внешность Перворожденного мне придали в Консерватории на острове Наксос при помощи косметических операций.

Меня зовут Сорен Кристиан Хансен. Двадцать два года я жил человеком – достаточно долго, чтобы окончить Колледж боевой тауматургии при Студии; достаточно долго, чтобы фри-модом отправиться в Надземный мир, якобы для тренировки. А там я сбросил людскую оболочку, словно сухие ошметки лопнувшей куколки, и расправил эльфийские крыла.

В первые годы, прожитые под личиной Делианна, я едва мог вспомнить свое настоящее имя, не говоря о том, чтобы произнести вслух, но гипнотические барьеры, установленные Студией, со временем стираются, если их не подновлять. Уже не один десяток лет я имел право поведать о себе правду, но так и не собрался.

Я уже не знаю, в чем она заключается.

Я едва помню Сорена Кристиана Хансена: от него остались только воспоминания мальчишки, пытавшегося скрасить детство фантазиями о том, что он незаконнорожденный сын Фрея, владыка лиосальфар. Мальчишки, мечтавшего только об одном – стать Перворожденным чародеем. Двадцать семь лет, более половины жизни, я пробыл Делианном подменным и почти двадцать пять – принцем Делианном Митондионном, приемным сыном Т'фаррелла Вороньего Крыла.

Моя людская родня давно считала меня мертвым и вряд ли оплакивала. У Хансенов были и другие сыновья, а в семье выдающихся Бизнесменов, таких, как Хансены из «Фабрик Ильмаринен», Сорен Кристиан был не только сыном и братом, но и ценным товаром.

Я не тоскую по ним. Мне не нравилось быть человеком, тем паче Бизнесменом. Я не способен обманываться ностальгическими иллюзиями, которые поманили бы меня обратно в тесный мирок узколобых людишек, привилегий и прибылей, в котором варилось мое бывшее семейство. Я оставил Землю позади, стряхнул, как страшный сон, и на полжизни отдался мечте. Я никогда не думал, что этот четвертьвековой давности ужас отыщет меня, протянет лапу и вырвет сердце.

Ррони, сердце мое... только не поступай так со мной. Только не умирай.

Торронелл после меня младший из наследников дома Митондионн. Родился он триста семьдесят три года тому назад, и, как считаю я, сорокадевятилетний, существо столь древнее не может просто так отдать концы. Господи боже, он родился в тот год, когда Дарвин отплыл в море на борту «Бигля», – как он может сейчас умереть?

– Я же говорю, – повторяю я, – я же не в школе это изучал. ВРИЧ уничтожили за сто лет до моего рождения.

– Предположительно, – ядовито добавляет Ррони.

Я киваю.

– Все, что я помню, – это романы Чумных лет. Я их в детстве много читал. Романы – это как... как эпические поэмы. Ты можешь много знать о мятеже Джерета, но вряд ли прочтешь на память полный текст Пакта Пиричанта.

Ррони отворачивается:

– Это людская история.

– Мне помнится, что инкубационный период ВРИЧ составляет примерно четыре дня. А может, и десять, или двадцать, или месяц. Не знаю. Романисты порой вольно обходятся с фактами, а это, может быть, вообще другой штамм. Вирусы мутируют... ну, меняют свойства, и признаки болезни, и результат. Говорят, так и образовался сам вирус РИЧ.

Эту тираду я повторял уже с десятков раз за последние четыре дня. Каждый раз я перечислял все, что мне известно о болезни, и все, чего мне неизвестно, с той же терпеливой, неспешной дотошностью. Скорбный ритуал каким-то образом помогал Ррони держаться, позволял поверить, что я мог попросту ошибиться. Иного утешения я не мог ему дать.

– Как я могу умереть от хуманской хвори? – снова и снова спрашивал Ррони. – Мы даже не одной породы!

У меня на это был только один ответ:

– Не знаю.

Все, что я могу сказать: бешенство, изначальная, природная форма ВРИЧ, поражает всех млекопитающих. Если инфекция развилась, летальный исход неизбежен. Никаких процентов, никаких лекарств, никаких апелляций. ВРИЧ – хуже. Намного хуже: быстрее развивается и куда более заразен. ВРИЧ персистирует в окружающей среде, образуя в отсутствие теплокровного хозяина споры, сохраняющие активность на протяжении месяцев.

И передается он воздушно-капельным путем.

Мне остается лишь молиться, что я успел.

Перворожденный, которого я убил в той деревне, стоит у меня за плечом днем и ночью. Из головы не идет, как день за днем должна была развиваться в нем зараза. Сколько еще он прожил бы в муках? Несколько суток? Неделью? Более жуткую смерть трудно себе представить. Иногда в моих снах у мертвеца оказывается лицо Ррони.

А иногда лицо самого Сумеречного короля.

Помню, как стоял в очереди вместе с другими детьми Бизнесменов. Мне было пять лет. Помню, как прижалось к бедру холодное дуло инъектора – и короткий болезненный укол, прививку. На глаза навернулись слезы, но я сморгнул их, не издав ни звука. Случай был торжественный, обряд перехода в касту; прививка была моим пропуском в мир, и я принял ее, как подобает Бизнесмену. Никогда не думал, что сейчас, сорок лет спустя, от того короткого укола будет зависеть судьба мира.

– Так сколько еще нам ждать? – бормочет Ррони, вывязывая узлы из белых от натуги пальцев. – Когда мы решим, умру я или буду жить? Вот-вот вернутся с разведки остальные – должны были явиться еще к прошлому закату. И что тогда? Что мы скажем им? Как уберем их от заразы? – Он с жалобным видом кивает на лошадей. – Если я заражен, то даже Нюллу и Пасси придется уничтожить – как ты уничтожил деревню.

Ррони и его скакуны... он часто говаривал, что лошадь суть совершеннейшее выражение Т'налларанн, Духа Жизни: сильные, быстрые, верные, яростные защитники, верные сверх возможного. Сейчас его обращенный к ним взор отяжелел от предчувствия гибели.

– Любая живая тварь может принести заразу в наши поселки, наши города. Так что нам придется убивать, и убивать, и убивать, пока здешние земли не превратятся в пустыню, ибо твой ВРИЧ может распространиться через любое создание... кроме тебя, – с горечью заканчивает он.

Я не поднимаю глаз.

– Будем держаться версии о проклятии.

– Они поймут, что мы врем.

– Они это уже знают, – напоминаю я. – Но не догадуются, в чем правда.

За несколько суматошных минут после того, как я спалил деревню, мне удалось придумать весьма жалкое объяснение своих действий: я вообще никудышный лжец. Другим я крикнул издали что-то про могучее проклятие, наложенное на деревню и сгубившее ее обитателей до единого, а затем перекинувшееся на нас с Ррони, стоило нам зайти туда. Я заявил, будто опасаясь, что проклятие сможет коснуться их через магическое Слияние Оболочек, и отказался от любого контакта – телесного или мысленного.

Я приказал остальным членам отряда двигаться на северо-восток, к горам, продолжая разведку. «Помните наш наказ, – говорил я, – нет ничего важнее задачи, мы должны узнать, что случилось с Алмазным колодцем. А мы с Ррони останемся здесь, чтобы изучить действие проклятия и по возможности избавиться от него». Спорить никто не стал. История вышла неправдоподобная, но чего не бывает в жизни... кроме того, я их принц.

– Не нравится мне это, – бурчит Ррони. – Они наши друзья. Они имеют право знать правду.

Не поднимая глаз, я качаю головой. Посмотреть ему в глаза я не могу.

– Такого они не заслужили. Расскажи правду о ВРИЧ – и придется поведать, откуда нам все это известно. Придется объяснить, что меня зараза не берет. А как только откроется это, обо всем остальном забудут. Они смогут думать только о том, как мы их предали.

Ррони отворачивается. Согбенная спина почти заслоняет макушку голого обожженного черепа.

– Может, так и есть... – хрипло шепчет он.

Я гляжу в огонь. Ответить я не рискую, а глянуть в лицо брату боюсь.

– Это совершил твой народ, – продолжает Ррони. Слова вытекают из него, словно капли желчи – тягучие и горькие, словно вздувающийся пузырь ненависти выдавливает их.

– Ррони, не надо. Вы мой народ..

– Твой народ... сотворил этот ужас. Невежественные говорят, будто Актири насилуют, и убивают, и оскверняют все, чего касаются, ради развлечения. Возможно, те, кто утверждает это, не столь невежественны, как можно подумать. Как иначе объяснить это? Зачем еще вы сотворили бы такое со мной?

Сердце мое стискивает боль – раз, другой.

– Ты правда так думаешь, Ррони? Ты думаешь, что я сотворил с тобой это?

Торронелл молча отворачивается от костра в ночь. Знает, что ответа я не вынесу.

Много-много лет назад, когда я оказался от наследия своей касты и перспектив актерской карьеры, я любил напоминать себе, что совершил это из особенного духовного благородства, ибо не мог наживаться на чужих страданиях... я был очень молод.

Использование киборгов-работяг в тяжелой промышленности, в том числе на «Фабриках Ильмаринен», я воспринимал как равнозначное, с точки зрения морали, кровавому насилию, которое чинили среди туземцев Надземного мира известные Актеры, поскольку и то и другое требовало до определенной степени воспринимать людей как предметы. «Фабрики Ильмаринен» использовали киборгов-сборщиков как легко заменяемых и так же легко программируемых роботов. Актеры, даже те, что подвизались в героических амплуа, вынуждены были культивировать равное пренебрежение к жителям Надземного мира, которых волей-неволей убивали и калечили в ходе своих Приключений. Основой успеха Студии был пополняемый расходный запас «злодеев».

По мере того как шли годы и я лучше узнавал себя, я понял постепенно, что мое решение мало общего имело с моралью и еще меньше – с благородством. Все упиралось в дело вкуса.

Я ненавижу убивать. Мне невыносимо причинять кому-то боль или даже осознавать, что боль причиняют ради меня. Возможно, дело тут в моем даре – способности влезать в шкуру другого человека, и моя эмпатия достигла такой тонкости, что каждый удар я заранее ощущаю на себе. Причина в конечном итоге не так важна, как результат: я не был, не мог быть и не мог стать убийцей.

Первороденные не молятся. У нас нет богов в людском понимании этого слова. Наши духовные порывы коренятся в неистребимом, неотделимом родстве со сплетенной паутиной судеб. Мы касаемся источника Силы и находим его в себе. Сквозь нас течет кровь мира, как пронизывают ее жилы все сущее. Мы не просим милостей от жизни – мы чувствуем в ее ходе.

Но родился я человеком и на грани отчаяния возвращаюсь к обычаям предков.

Когда гаснут угли походного костра, в глухой ночи я безнадежно умоляю Т'налларанн, чтобы мне не пришлось убивать своего брата.

8

Серебряные сумерки пахнут кровью.

Я покачиваюсь с пятки на носок, стоя на краю мертвой деревни. Длинные кудри цвета лунного луча легко колышутся за ушами. По мере того как Т'фар склоняется к западу и меркнет свет дня, мои хирургически подстроенные глаза отзываются. Оседающие хрупкие скелеты кривых домишек выглядят яркими и выпуклыми, словно хромированная бритва.

Паршивая идея. Дурацкая.

Но я все же посылаю на частоте Слияния сдвоенные образы: моих товарищей, скрытых опушкой леса, и себя, осторожно вступающего в мертвый поселок: «Оставайтесь на месте. Я иду».

Слияние возвращает мне в основном эхо тревоги и недовольства со стороны Л'жаннеллы, Кюллани и Финналл, настолько сильное, что шарахаются кони, и уксусно-язвительную добавку братца Торронелла: мертвая мартышка с моей физиономией, гниющая на груде пропитанных маслом бревен: «Не жди, что я стану поджигать твой погребальный костер, когда человечья кровь сгубит тебя, обезьяныш».

Я криво усмехаюсь, отправляя в ответ образ Ррони, придерживающего коня за уздцы, покуда я вылетаю из деревни на манер ошпаренной кошки: «Будьте наготове. Возможно, выйду я куда быстрее, чем вхожу».

Едва заметный ветерок тревожит лес, покачивая ветви над головой и заставляя зеленые Оболочки живых деревьев подрагивать, словно тени от факелов. Деревня кишит мелкими яркими Оболочками лесной живности – большая часть тает с исходом дня, перекрашиваясь в бурые оттенки сна. Мелкие птицы летят в гнезда под пологом леса. Земляные белки, полевки и прочая их родня зарываются глубже в уютные норки, скрываясь от неслышно парящих сов, чья очередь пробуждаться уже пришла. Лес полон жизни... а деревня мертва.

В живой деревне Первороденных эти шалаши, кое-как сложенные из валежника, предстали бы для глаз и рук выращенными из живого дерева, натертыми благовониями, украшенными тончайшей филигранью из платины и червонного золота. В живой деревне плыл бы в воздухе аромат тушеных в масле грибов, пенистого пива, которое разливают из дубовых бочонков, запах благоуханного дыма очагов, куда подкладывают ясень и омелу. В живой деревне даже тишина звенит от неслышного детского смеха.

В этой деревне тишину смел вороний грай над трупами.

В этой деревне пахнет падалью.

Паршивая идея, повторяю я себе. Дурацкая.

Но я принц, а это мой народ. Если не пойду я, сюда сунется Ррони. Хотя Торронелл в гораздо большей степени язвительный светский лев, нежели воитель, он тоже принц. Это моя работа. Я гораздо больше доверяю своим способностям пережить неожиданное. И, честно говоря, мне нечего терять по сравнению с ним.

Стоя на краю деревни, я упираю дужку обратного лука в башмак и, согнув его таким образом, натягиваю тетиву. Из колчана на поясе вынимаю стрелу с серебряным наконечником и прикладываю на тетиву. Захожу в деревню – тихо, как растягиваются предзакатные тени. Кое-что удастся мне не хуже, чем истинным Первороденным.

Шалаши жмутся к стволам лесных великанов в дремучей чаще, чтобы тень гигантских крон сдерживала рост подлеска. Наши деревни открыты, как сам лес, и вся их защита – талант Первороденных создавать фантазмы. Я скольжу от дерева к дереву, ноздрями впитываю

вая информацию, недоступную глазам – даже хирургически улучшенным; слишком глубокие тени лежат под грубыми крышами.

Из каждого окна сочатся миазмы гниющей крови.

За углом полуразваленной хибары сквозь просветы между рассевшимися жердями виднеется шумная куча черных крыльев и кривых клювов на хорошо вытоптанном пятачке. Я подхожу, протягивая щупальце своей Оболочки, чтобы потревожить алые сполохи воронов, и те разлетаются – кто лениво встает на крыло, кто лишь отскакивает в сторону, не в силах оторваться от земли под тяжестью зобов, набитых плотью.

Вороны обсели тело малыша-фея, распластавшегося на земле, как сломанная кукла. Этот фэй был совсем юн – шести, может, семи лет, – яркие краски его юбочки не выцвели еще на солнце. Чьи-то руки с любовью вывязывали эту юбочку, нить за нитью, и с такой же любовью выбивали рисунок на широком кожаном ремне, вырезали деревянный меч и плели из гибких веток игрушечный лук, что валялся рядом.

Я приседаю рядом с телом, удерживая свой лук вместе со стрелой параллельно земле свободной левой рукой. Осторожно поворачиваю голову малыша к последним лучам дневного света. В пустой глазнице, во рту и ноздрах шевелятся черви, но оставшийся глаз еще смотрит на меня с мертвого лица, как пыльный опал. Вороны исклевали только губы и язык; даже нежная плоть подбородка не тронута.

Сердце мое пускается в галоп. Судя по размеру червей, малыш мертв уже дня три; к этому времени вороны должны были ободрать его лицо до кости, добраться до легких и печени, разве что их отгонял другой стервятник, крупней, а на теле нет следов работы кого-то побольше птиц. Кто-то отгонял воронов.

В этой деревне есть живой.

«Убирайся отсюда!» – словами передает мне Кюлланни. Из четверых моих товарищей она лучшая охотница и прекрасно понимает, к чему здесь брошен детский трупик. Малыша оставили на улице нарочно – как наживку.

Ага. Меня тоже.

Я припадаю на колено и делаю вид, что все мое внимание занято разлагающимся трупом. Невдалеке, за спиной, слышатся тихие осторожные шаги и хриплое сдавленное дыхание.

«Подмнешь, ну же, убирайся отсюда!» – присоединяются Л'жаннелла и Финналл, добавляя свои страхи к мольбам Кюлланни: образы смутной, чудовищной фигуры за моим плечом.

Я непроизвольно нагибаюсь над телом еще ниже. Ничего не могу с собой поделать – это инстинктивная реакция. Уменьшить площадь мишени.

«Оставьте его в покое, – предлагает Торронелл, отправляя образ: мартышка с лицом Делианна старательно ковыряется в невозможно хитроумной головоломке. – Пусть наш обезьяныш поиграет. Иногда он даже знает, что делает».

Милосердные боги, хоть бы сейчас был такой случай!

Я аккуратно поворачиваю хрупкое тельце, но нигде не нахожу смертельной раны. Земля вокруг тела истоптана вороньими лапами, и следов на ней не найти. Руки малыша сведены предсмертной судорогой и до сих пор будто каменные, хотя трупное оцепенение давно уже сошло. Из расклеванного рта протекла, впитавшись в землю, слюна, оставив на щеке окаймленный запекшейся кровью след. Корка выглядит странно – будто фрактальный узор из пузырьков, точно засохшая мыльная пена.

Во рту у меня враз пересыхает, под ложечкой стягивается ледяной комок. Я внимательно вглядываюсь в засохшие пятна, сдерживая дыхание и проклиная сгущающиеся сумерки.

Твою мать!

Блин, блин, твою мать, господи, лишь бы я ошибся!

Это может быть все, что угодно. Может. Может, мальчишка набрал полный рот сырых листьев рита – к примеру. Или жевал ради смеха мыльную кору, и тут его хватил удар.

Но поверить в это мне не удастся. Детские страхи слишком крепко въедаются в подсознание, чтобы можно было ошибиться. Засохшая пена на лице, пальцы-когти – под ногти забились грязь, когда он скреб землю в предсмертных корчах...

Будь тело хоть немного посвежей, я мог бы сказать точно. Черный язык, иссохшийся и растресканный, как солончак к концу лета. Железы на шее вздуты так, что не повернуть головы.

Еще шаг слышен за спиной, и еще. Я едва обращаю на них внимание, полностью поглощенный фантазиями: расколоть череп мальчишки, вырезать немного ткани из ствола мозга, соорудить какие-нибудь магические линзы для микроскопа, достаточно мощные, чтобы отыскать в нейронах тельца Негри...

Тихие шаги сливаются в отчаянный бросок, и сквозь Слияние до меня доносится вопль брата: «ДЕЛИАНН!»

Я откатываюсь вправо, упор на локоть позволяет мне перекатиться через плечо, пропустив неловкого противника мимо так, что лук в левой руке не касается земли. Я притягиваю оперение к груди и отпускаю, не целясь, позволяя телу действовать без вмешательства разсудка.

Серебряный наконечник пробивает ребра молодого крепкого фея. Тот оборачивается ко мне, рыча, царапая древко, точно раненая пума. Стрела ломается, и обломок древка глубоко царапает ему руку. «Убийца! – хрипит он сдавленно. – Убийца!» И бросается на меня безоружный, широко расставив руки. Пальцы его сведены судорогой и похожи на когти.

Бросив лук, я снова проскальзываю под его рукой и выхватываю из ножен на левом бедре рапиру. Обнаженный клинок звенит серебряным колокольчиком. Безумец бросается на меня снова, и я делаю выпад, пробивая острием его бедро чуть выше колена, чтобы бритвенно-острое лезвие рассекло подколенную жилу.

Его нога подкашивается, и мой противник неловко падает на бок, извиваясь, бессловесно рыча и царапая землю когтями, подтягиваясь ко мне дюйм за дюймом.

«Возможно, он не один, – передает Ррони. – Я иду».

«НЕТ! – реву я так, что Слияние доносит до меня эхо ошеломления и боли всех моих четверых спутников. – СТОЙ НА МЕСТЕ!»

«Не кричи на меня, обезьяний детеныш. Громкий голос не дарит вечной жизни. Тебе нужен помощник».

Как я ему объясню?

«Ррони, честью нашего дома клянусь, что ты не должен идти сюда. Только войдешь в эту деревню – и ты покойник. Поверь мне».

«Это дело людской крови, братик?»

«Э-э-э, да, верно...»

Я с трудом выдавливаю из себя слова. В Слиянии ложь трудно передать и вовсе невозможно – скрыть. Едкая оранжевая вспышка, которой мои друзья встречают неловкое вранье, колет мое сердце, точно шип.

«Прошу тебя, Ррони. Теперь я тебя прошу. Не подходи».

«Я здесь старший, Делианн. Я должен был рисковать первым». Кажется, у нас неприязни. Ррони зовет меня по имени, только когда слишком встревожен, чтобы сыпать оскорблениями, а уж сколько лет он не пытался давить старшинством – не упомяну. «Или выходи сам, или я тебя оттуда вытащу».

«Не надо. Только не надо».

Диалог занимает не больше секунды. Я сажусь на корточки на пути раненого фея и протягиваю к нему свою Оболочку. Его аура, алая с искрящимися лиловыми прожилками, бьется вокруг тела, словно холодное пламя. По мере того как я осторожно подстраиваю собственную Оболочку под этот кровавый оттенок с фиолетовыми молниями, чувство Слияния понемногу

покидает меня. Впервые с тех пор, как мы пятеро покинули Митондионн, я остаюсь совершенно один.

Когда наши Оболочки полностью гармонизируются, я открываюсь жидкому вихрю Потока и, пока энергия окружающего нас леса льется в мой мозг, осторожно перехватываю управление мышцами поверженного, заставляя его замереть.

Он сопротивляется, но так, как мог бы сопротивляться человек или зверь, противопоставляя мысленной хватке силу воли; отказываясь поверить, что члены не повинуются ему, он подпитывает себя гневом. Я не самый опытный мыслемороз – любой из моих братьев меня одолеет, но силой со мной мериться не советую. Братья любят шутить, что я изящен, как лавина, но, как и лавину, грубой силой меня не одолеть.

Я пользуюсь раненым, точно марионеткой, заставляя его собственные мускулы перевернуть тело и запрокинуть голову, чтобы лучше было видно его лицо.

Оба его глаза окружены опухшей, пурпурно-черной плотью и покрыты бледно-желтым налетом, который кусками прилипает к ресницам и образует дорожку на щеках. На иссеченных трещинках черных губах стынет розовая, алыми жилками пронизанная пена, и язык тоже черный, разошедшийся до того, что из него сочится густая, желеобразная кровь. Железы под челюстью раздуло настолько, что кожа натянута, будто на барабане.

Зародившаяся при первом взгляде на мертвого ребенка холодная тошнота у меня под ложечкой смерзается в айсберг.

Вообще-то, такого не может быть.

Я пытаюсь выдавить: «Блин, ой, блин, господи, блин...», но горло стискивает так, что даже шепотка не выцедить.

Т'фар уходит на запад, за горизонт, и розовый свет заката сменяется встающей над восточными горами Т'ллан. Поднявшись на ноги, я подхожу к беспомощно распростертому у моих ног фею, глядя, как его кровь на глазах становится черной. Поднимаю тонкий клинок – лунное серебро струится по нему, будто вода, – представляя, как медленно, с влажным хрустом он вонзается в живот лежащему, ищет острием трепещущее сердце, чтобы пронзить его, чтобы высосать жизнь из безумных глаз.

Другого лекарства я не могу ему предложить.

Я не родился принцем Перворожденных. Я мог отказаться от этой чести и долга. Даже в тот день, когда Т'фаррелл Воронье Крыло прочел слово усыновления перед собравшимся родом Митондионнов, я осознавал, что от меня потребуется когда-нибудь исполнить обязанность, сходную с нынешней.

Я сам выбрал эту судьбу. Отказываться поздно.

Опускаю посеребренный луною клинок, покуда острие не упрется под ложечку бессильному фею. Сквозь наши слившиеся, сродненные Оболочки пробиваются импульсы чего-то более глубокого и интимного, чем просто физический контакт. Он закатывает глаза, и наши взгляды встречаются. Я вхожу в него.

На долю мгновения я становлюсь раненым феём...

Недвижно лежащим на стынувшей земле, заключенным в непослушном теле, когда при каждом вздохе сломанное крыло царапает пробившую легкое стрелу с мерзким «скррт!», а под раненой ногой натекает теплая лужа крови. Но это все мелочи, не стоящие упоминания, по сравнению с болью в распухшем горле.

Какая-то сволочь загнала мне в глотку горящее бревно и теперь тычет им в такт неровному биению сердца, пытаюсь вколотить поглубже. Меня терзает жажда, мучительное стремление впитать хоть каплю влаги, причиняющее даже больше страданий, чем битое стекло во рту. Четыре ночи подряд я вижу во сне только воду – чистые, прозрачные лесные родники, способные утишить боль во рту и потушить пламя лихорадки. Тело сжигает жар, лицо горит во внутреннем огне, превращая губы в кровавые угли, язык – в почернелую шкуру, застывшую

в очаге рта. Вода – единственное мое спасение. Но даже утренняя роса, которую я выжимал из наросшего на деревьях за шалашом мха, жгла горло кислотой. Два дня прошло с той поры, как я последний раз заставил себя сделать глоток.

Вхождение длится едва ли миг, но меня начинает трясти. На лбу выступает липкий пот. Могло быть хуже – я мог полностью провалиться в чужое прошлое, пережив нервную гиперчувствительность, когда легчайший шепоток долотом пробивает барабанные перепонки, когда самая тусклая лучина ножом режет зрачки, и нестерпимый зуд, и неутолимый голод, и приступы неукротимой рвоты, и нарастающую убийственную паранойю, которая превращает жену, детей, даже родителей в глумливых кровожадных чудищ...

Все эти симптомы я знаю наизусть. Черными тенями они стоят на краю рассудка, приносясь, выжидая, когда реальность совпадет с ними...

Сегодня я благодарен своей способности заглядывать в души. Она облегчает мой долг: он становится милосердием.

Придерживая фею, я всем весом налегаю на клинок. Острие вонзается в живот с явственным сопротивлением, подрагивая от мышечных спазмов, и ползет вверх, покуда клинок не находит сердце и не рассекает его насквозь, царапая кончиком позвонки.

И все равно фей умирает целую минуту. Его разодранное сердце судорожно перекачивает кровь во вспоротую брюшную полость, а он еще жив и в сознании, смотрит на меня безумными, голодными глазами, пока тело его умирает по частям, пока кровь перестает притекать вначале к конечностям, потом – к кишкам и торсу, поддерживая пламень последней искры сознания.

Я вижу, как оно, померцав, гаснет.

Вытерев рапиру, я не сую ее в ножны, как обычно, а вгоняю острием в выступивший из земли корень, и она покачивается маятником, поблескивая в лунном свете. Выдергиваю из трупя сломанную стрелу и поступаю с ней так же.

Я неторопливо распутываю перевязь из кожаных шнурков, поддерживающую мои ножны и колчан, снимаю, вешаю на эфес рапиры. Затем приходит очередь рубахи, и штанов, и чулок, и башмаков. Все это я складываю на узловатом широком корне рядом с рапирой и сломанной стрелой. Подбираю с земли отброшенный в сторону лук и с торжественной, церемонной бережностью возлагаю сверху.

– Да что ты такое творишь?! – В голосе Ррони слышится хрипотца. Мы уже много дней не разговаривали вслух, и его привычная насмешка подозрительно испарилась. – Делианн, облачись! Или ты вовсе обезумел?

Он стоит за моей спиной; я оборачиваюсь и смотрю ему в глаза. Брат мой, мой лучший друг. Ррони стоит над детским трупиком; тонкие его черты корежат омерзение и ужас, и целую вечность – одно биение сердца – я могу только смотреть на него, не двигаясь, не моргая, не дыша. Все мое существо захвачено мучительной мечтой: чтобы мой брат родился трусом.

Трус никогда не зашел бы в эту деревню. Трус не оставил бы Митондионн, чтобы отправиться в опасный бессмысленный поход на пару с полубезумным, полным людской скверны братом.

Трус выжил бы.

Я возвращаюсь в себя, будто ужимаясь, – словно мир съезжился за миг и я должен в нем поместиться.

– Что ты натворил здесь? Делианн, да ответь же! Что с тобой сотворили?

Я не могу уложить этого в голове – пока.

Скорее всего, Ррони уже мертв.

Он делает шаг, протянув ко мне щупальце Оболочки, меняющее цвета в попытках подстроиться под меня и сковать. В тот миг, когда оттенок ее выпадает из пламенной зелени Сли-яния, я выдергиваю из дерева рапиру и бросаюсь вперед. Одно из преимуществ моей смертной

крови – Сила, с которой не сравниться ни одному из Перворожденных. Когда эфес рапиры врезается Ррони в висок, тот падает как подкошенный.

Я стою над ним, задышавшись, и мучительная боль жжет мне грудь.

Вонзив рапиру обратно в корень, я опускаюсь на колени и проворно раздеваю брата. Одежду его я укладываю поверх собственной, башмаки ставлю рядом. Нагой, босой, безоружный, я обхожу деревню по околице, собирая Поток внутри огненного образа, который я держу в своем сознании, ясного, как сон; от моих шагов земля прорастает пламенем. Не находя ответов в Слиянии, мои друзья в лесу тревожно окликают меня, когда первые струйки дыма касаются их. Я касаюсь их мыслей единственным кратким: «Терпение».

Я возвращаюсь к центру деревни. Огонь льнет к моим ногам, будто верный щенок. Встав рядом с узловатым корнем, я поднимаю на руки своего брата и обращаю лицо к бесстрастным звездам.

Вокруг меня в языках пламени танцует смерть моего народа. Но я клянусь – Т’налларанн, Дух Жизни, слышишь?! – я клянусь, что не дам ей пройти.

Одним неслышным зовом я окутываю очистительным огнем нас обоих. Пламень с громом обрушивается в лес, словно обломок солнца, и к небесам вздымается ядовитой поганкой дым. Землю вокруг нас усеивают ведьмовским кольцом тлеющие во тьме, словно мириады глаз, угли.

Я стою в центре круга, все так же держа Ррони на руках. Оба мы дышим тяжело – воздух полон дыма. Платиновые кудри брата превратились в вонючие, спутанные паленые патлы, тело покрыто тончайшей серой пылью – сгоревшим эпидермисом. Думаю, что я выгляжу еще хуже.

– Вот теперь, – удастся пробормотать мне голосом бесцветным и мрачным, как пепел моего сердца, – осталось придумать убедительную ложь для остальных, и все еще может обойтись.

9

Связь прервалась вспышкой белого огня. Кожаная дубинка Тчако врезалась Делианну в лоб.

– Ты что делаешь?! – взвыла огра, снова заноса дубинку. – Ты, кровосос долбаный, я из тебя лепешку сделаю! Ты что с ней сотворил?!

Кирендаль распростерлась на полу перед ним. Лицо ее было белым, словно известка. Вновь просвистела в воздухе дубинка, едва не расколов ему череп. На изгвазданную бурным стену брызнула свежая кровь, и в глазах у пленника потемнело.

Все Слияние заняло времени не больше, чем ушло у великанши на один взмах дубиной.

Делианн попытался заслониться рукой от следующего удара, но не мог даже поднять руки, даже отвернуть головы...

– Если ты ее обидел, ты, долбаный...

– Тчако, – прошептала с пола Кирендаль голосом слабым и дрожащим, но достаточно ясным, чтобы спасти Делианну жизнь, – не надо. Не бей его. Помогите встать.

Грубые черты огры исказились в карикатурной маске недоумения, однако великанша опустила дубину и протянула чешуйчатую длань, чтобы помочь хозяйке. Кирендаль тяжело оперлась о ее руку и протерла глаза.

– Возьми ключи. Сними с него кандалы.

– Кир, ты не в се...

– Шевелись, твою мать! – рявкнула фея.

Снести ее недовольство великанша не могла. Бросив на Делианна убийственный взгляд, она пошла за ключами.

Дверь затворилась.

Лишенная опоры, Кирендаль пошатнулась, вновь коснулась своего лица – будто проверяя, нет ли жара, – и, забыв о роскошном платье, опустилась рядом с Делианном, чтобы положить руки ему на колени в древнем жесте верности.

– Я... просто не верится... Делианн, я...

– Все в порядке, Кир, – прошептал он ласково. – Понимаю, это нелегко. У меня было две недели, чтобы свыкнуться с этой мыслью, и все равно хочется порой выть без остановки.

Она опустила глаза, согнув перед пришельцем гордую хрупкую шею:

– Я в вашем распоряжении, мой принц. Что сделать?

Делианн глубоко вздохнул и понадеялся, что вдвоем они все же сумеют кого-нибудь спасти.

– Для начала, – медленно проговорил он, – надо поймать Актири.

Глава пятая

И каждому выпала своя роль. Подлый рыцарь защищал богиню на полставке. Богиня на полставке служила земле. Жрецы пепла и праха утоляли голод своего владыки.

Темный аггел воевал.

Он шел на зов подлого рыцаря. Он согнул перед своей волей богиню на полставке. Он назвал своим врагом бога пепла и праха.

В тот день темный аггел разбил свои цепи и вышел на бой.

1

Хари неподвижно сидел в своем неудобном кресле, забыв о боли в спине, и, затаив дыхание, слушал.

Ему был знаком этот голос.

Странноватого фея он не узнал, но память на голоса у Актеров профессиональная. Этот голос будоражил старинные воспоминания, полустертые годами. Откинувшись на спинку кресла, Хари закрыл глаза, отстраняясь от непривычного лица, сосредоточившись только на голосе.

...Но этого вы не знаете. По крайней мере, надеюсь, что не знаете. Именами всех богов, которых почитаю, я молюсь, чтобы даже у чудовищ, управляющих Студией, не достало низости намеренно ниспослать на нас ВРИЧ!..

ВРИЧ? В Надземном мире? Вздвогнув, Хари подскочил в кресле и широко открытыми глазами уставился на экран. Воздух не лез в горло.

Помните, что ВРИЧ едва не уничтожил цивилизацию, невзирая на вакцины, карантин и лучшие медицинские технологии Земли.

Помните, что здесь, в Надземном мире, основным методом исцеления служит наложение рук.

Не поддавайтесь Слепому Богу. Жадность худших из вас не должна возобладать над совестью лучших. Сражайтесь.

Вы единственная наша надежда.

Наши жизни – в ваших руках.

Спасите нас.

Хари забыл о голосе. В голове его завывал смерч, заглушая неслышным воплем все мысли, кроме единственного бессильного шепотка: «ВРИЧ, ВРИЧ, ВРИЧ...»

Наверное, ошибка. Несчастный случай. Или он ослышался... точно ослышался... В лишенном современных технологий мире ВРИЧ был идеальным оружием. Вирус мог уничтожить все теплокровные существа на планете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.